

МИР ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
Документы и материалы

Выпуск 13

ДАМАСКИЙ.
ФИЛОСОФСКАЯ ИСТОРИЯ
(ЖИЗНЬ ИСИДОРА)

Белгород 2019

ББК 63.3 (0) 3
М 15

Ответственный редактор Н.Н. Болгов.

Составители:
Н.Н. Болгов, М.М. Синица.

Публикуется по решению кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ» от 6 ноября 2019 г., протокол № 3, в соответствии с тематическим планом НИР Научного направления БелГУ «Классическая и византийская традиция».

М 15
Дамаский. Философская история (Жизнь Исидора) / Отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород, 2019. – 180 с. / **Мир поздней античности. Документы и материалы.** Выпуск 13.

В основе данного издания лежит реконструкция сочинения последнего схоларха Афинской школы неоплатонизма Дамаския «Философская история» («Жизнь Исидора»), сохранившегося во фрагментах, предпринятая Полимнией Афанассиади в издании: *Athanassiadi P.* Damascius, the Philosophical History. Apamea: Athenaeum, 1999. Сочинение Дамаския представляет собой важный исторический источник по эпохе Поздней античности (Postclassical World), особенно по истории философии, высших школ, культуры.

Издание предназначено исключительно для научных и учебных целей, не преследует коммерческих целей и подлежит свободному распространению.

М 15

ДАМАСКИЙ: БИОГРАФИЯ И СОЧИНЕНИЕ «ФИЛОСОФСКАЯ ИСТОРИЯ»

I. Происхождение

Дамаский родился в Дамаске в начале 460-х гг.[1] Из того факта, что Дамаский и его младший брат Юлиан получили высшее образование в Александрии, мы можем смело предположить, что он принадлежал к зажиточной семье[2], чье решение назвать сына по имени родного города может указывать на их особую преданность ему[3]. И даже если это было случайно, это обстоятельство имело весьма символическое значение: для сложной и неясной натуры Дамаския это было совпадение как характера, так и жизни человека, который носил это имя.

Находясь на границе между землями оседлых поселений и кочевников, а также на расстоянии лишь ста километров от Средиземного моря (из которых, однако, двойная цепь гор являлась значимой преградой), Дамаск контролировал пути, которые соединяли Аравию и Анатолию[4]. Горное, целебное место и процветающая, самоуверенная и утонченная метрополия задолго до прихода греков, Дамаск сочетал арамейские, набатейские и греческие традиции, которые, таким обра-

---

[1] Дата рождения Дамаския может быть выведена из комбинированной информации из п. 56, который описывает его как κομιδῃ μειράκιον («парень») во время смерти Эдесии, когда он, по-видимому, только приступил к обучению риторике в Александрии, и п. 137B, где Дамаский говорит, что когда он покинул Александрию во время гонений 488/489 г., он потратил 9 лет на занятия риторикой (см. также п. 137C, освещающий этот период).

[2] Кроме того, и Дамаский, и Юлиан учились у Севериана, который происходил из «одной из лучших семей» Дамаска (108) и определенно был другом их семьи. Обучение Дамаския у Севериана имело место в его родном городе, где последний ушел в отставку после того, как «суровые и бессмысленные» годы он потратил на работу в качестве имперского чиновника. Как альтернатива, возможно, хотя и менее вероятно, что Севериан уехал в Александрию и делал там формальную преподавательскую карьеру, так что когда Дамаский и его брат прибыли в столицу высшего образования, они стали первыми, кто отправился к согражданину и другу семьи. Однако, истории о том, что Дамаский сообщал о Севериане, подтверждают неформальность этого повседневного обучения. Предполагается, что 9 лет Дамаский потратил на риторические упражнения, включавшие как теоретические исследования, так и практические дисциплины в Александрии, так же, как и его предварительное обучение в этих предметах дома под руководством Севериана.

[3] Дамаский – редкое имя, которое не зафиксировано ни в одной опубликованной надписи из Римской Сирии. Однако, мы не знаем никакой традиции, которая подтверждала бы, что, как и в случае Порфирия, Дамаский приобрел свое имя в подростковом возрасте через перевод или каким-либо иным способом.

[4] *Isaac B.* The Limits of Empire. Oxford, 1992. P. 138-139.

зом, были великолепно выражены в личности самого Дамаския[5]. Это отражало во все времена неразрывную связь трех элементов, которые проявлялись, прежде всего, в облике его родного города. Тем не менее, каждый из этих элементов может обнаружить преобладание в какой-либо стороне поведения Дамаския, определяя основные критические моменты его опыта. Так, инстинкт кочевника проявлялся, прежде всего, в длительных пожизненных странствиях Дамаския в поисках внутреннего мира; неразрывное врастание в арамейскую родину маркируется его решением закончить свою жизнь в Сирии, и, наконец, греческий компонент обозначает самую вершину его исключительного понимания Платона, а также в его крайней простоте, в которой он жил, поселившись в Александрии и особенно в Афинах, чей финальный расцвет был вызван в значительной мере самим Дамаскием.

II. Александрия

1. Интеллектуальное и духовное

В начале 480-х гг. Дамаский приехал в Александрию учиться риторике в школе Гораполлона. Это было уникальное учебное заведение высшего образования, где самые знаменитые риторы и философы Александрии обучали смешанную аудиторию, состоявшую из языческих и христианских студентов со всех концов Средиземноморского мира[6].

Гораполлон нес ответственность за обращение многих учащихся из христианства в язычество («эллинизм»), и эта деятельность принесла ему прозвище «Душегубитель»[7], которым его наградили христиане. Отец Гораполлона Асклепиад был также благочестивым язычником и

---

[5] См. обзор: *Elisseeff N.* Dimashk // Encyclopedie de l'Islam. Vol. II. Col. 286.

[6] Атмосфера школы передана для нас одним из ее студентов, Захарией Схоластиком, епископом Митиленским, в биографии его соученика Севера. Сохранившаяся в сирийском переводе и изданная в «Восточной патрологии» II (1904), «Жизнь Севера» монофизитского епископа Антиохии есть отражение текста «Философской истории» Дамаския в отношении событий в Александрии, и в меньшей степени в Афродисии, в 480-е гг. Кроме того, два текста, составленные приблизительно в одно время («Жизнь Севера» написана между 512 и 516 гг.), представляют и другие значительные параллели: например, погребальная речь Эдесии, произнесенная Дамаскием, соотносится с тем, что была дана Захарией в честь Мины (Menas) (VS 45), речь, в которой сокрушение идолов Менуфиса и Александрии было ведущей темой.

[7] Психаполлон (VS 32).

знатоком традиционной египетской культуры[8], и эти вкусы он привил своему сыну, которому мы обязаны монографией об иероглифике[9].

В то время, когда Дамаский поступил в эту школу, виднейшей фигурой там был Асклепиад, посвящавший гимны египетским богам и составлявший труды (которые он, между прочим, никогда не заканчивал), в соответствии с египетским и прочим языческим богословием[10]. Дамаский, хотя и был студентом в области риторики, должен был иметь ежедневные контакты с философами, которые были связаны со школой как официальными, так и неформальными отношениями[11].

Одним из наиболее важных из них был младший брат Асклепиада, праведный Гераиск, которого немедленно охватывала головная боль, когда он оказывался в присутствии менструирующей женщины и, на более возвышенной ноте, мог точно сказать, является ли культовая статуя воплощением бога[12]. Его энциклопедический труд о египетской религии, посвященный Проклу, был популярным пособием среди учащихся, один из которых, Исидор, проповедовал принципы обоих братьев широкой аудитории обеих половин Средиземноморья. Однако, в то время Исидор только начинал преподавательскую карьеру в школе Гораполлона, где он впечатлял своих студентов как своей духовной одаренностью, так и своеобразными преподавательскими приемами.

Исидор не был единственным философским бриллиантом среди молодого поколения школы Гораполлона. Небесспорный Аммоний – учитель Иоанна Филопона и Захарии Митиленского – среди прочих – также учился там в 480-е гг., как и эрудит Асклепиодот[13].

Среди многих студентов полиэтничного сообщества Гораполлона – язычников или христиан, одаренных или нет, Дамаский был незамедлительно и единодушно выделен как один из самых исключительных. По существу, он был введен в круг тех персон, которые даже более, чем ее преподавательский состав, создавали школе Гораполлона ее отличительную ауру как цитадели нового язычества. Знаменитейшей из них была Эдесия, светская дама, «самая знаменитая и знатная

---

[8] 72AD.

[9] Это упражнение вызвало романтический интерес к египетским древностям и не имело отношения к школьным реалиям. Это сочинение быстро стало устаревшим и непонятным уже во времена Гораполлона.

[10] 72D.

[11] Об этосе и организации этого двухдисциплинарного учреждения пишет Захария (VS 23): по пятницам философы и Гораполлон вели обучение в школе, по контрасту с риторами, которые «шесть дней в неделю» вели свои занятия у себя дома.

[12] 76E.

[13] VS 16, 22.

из александрийских женщин», вдова философа Гермия и мать Аммония.

То обстоятельство, что Дамаскию пришлось вскоре после того, как он приехал в Александрию, дать надгробную речь Эдесии, указывает не только на его близкие отношения с почтенной дамой, которая, возможно, говорила ему о своих религиозных поисках и опытах, но и в равной степени на тот факт, что он должен был быть признан настолько профессионально компетентным в школе с высочайшей конкуренцией, чтобы ему было доверено его преподавателями выполнение такой задачи, которая потребовала бы такого интеллектуального превосходства и была бы так важна в плане эмоциональной вовлеченности.

На противоположном полюсе общения Эдесии находился Сарапион, одинокий праведник, который даже в большей степени, нежели Асклепиад и Гераиск, послужил Исидору в качестве духовного проводника (111).

Дамаский изобразил Сарапиона – главного образца для Исидора – как архетип человека из золотого века прошлого, жившего непорочно в развращенном настоящем, хотя он сделал вполне ясным, что мизантропия Сарапиона была лишь его моральной защитой от морального осквернения, так же, как его библиофильская бережливость была самым верным путем предотвращения его разума от прогрессирующего загрязнения всей ерундой, которую современные философы и прочие умы хранили, извлекая и собирая в мире чудовищного Тифона, в котором этот Крон служил образцом святости[14]. Связь Дамаския с Сарапионом известна лишь через сообщение Исидора о ней, но ретроспективно он стал рассматривать Сарапиона как своего духовного предшественника, который физически присутствовал в Александрии при его приезде, взаимодействуя там с ним, оказывая мощное влияние и являясь долговременной вдохновляющей силой.

2. На пути к гонению

480-е годы были особенно беспокойными для Александрии. В начале этого десятилетия обстановка, в которой Дамаский находился, оставалась без изменений, не была затронута бушующими конфликта-

[14] На протяжении «Философской истории» Дамаский нападает на «полидоксию» (35). Естественный продукт существования πολυήκοοι (37E; о сокрушительной критике πολυήκοοι: Plato, Phaedr, 275ab). Сарапион прочел «две или три книги» как дело принципа - отношение, которое Прокл одобрял (Marin. VP 38). Мы движемся вниз, в Средневековье, когда соглашаемся с тем, что основной источник знаний есть Господь и вдохновение или божественные установления (о явной защите этих двух – 35B).

ми между халкидонитами и различными монофизитскими партиями, как свидетельствует Дамаский[15], но вскоре последствия распри достигли школы Гораполлона, где впоследствии обучались некоторые из будущих иерархов Восточной церкви[16].

Оживленные богословские споры среди христиан и эллинов, которые продолжались порой в течение нескольких дней, были частыми в школе, и некоторые из самых горячих аргументов того времени были впоследствии переделаны их протагонистами в философские диалоги или трактаты. Такие люди, как Захария Митиленский, Эней Газский и, следует добавить, анонимный автор Тюбингенской теологии, дают нам прямое понимание природы этих споров, которые вовлекали не только студентов, но и преподавателей, и даже их родственников и друзей[17].

Мятеж Илла против Зенона (484-488)[18] стал дополнительным отягощающим фактором относительно этих споров: защитник халкидонской догмы Илл был также связан со своим египетским приятелем Пампрепием, защитником язычества, что вдвойне в его политике направляло его против религиозных чувств подавляющего большинства египтян. Пампрепий же, который посетил Египет в начале 480-х гг., распространял собственные пророчества о восстановлении язычества и подразумевал, что он связан с философами, представ перед Дамаскием как явное воплощение зла[19]. В том виде, в котором «Философская история» дошла до нас, Пампрепий доминирует, или скорее появляется в центральной части книги (разделы V и VII), где он специфически контрастирует с Кроновым Сарапионом.

Для нашего понимания нравственного мировоззрения Дамаския это очень важный момент, действительно важный ключ: вместо христианского сановника, такого как патриарх Петр Монг, под руководством которого происходило преследование интеллигенции в Александрии, это защитник язычества, победитель, который выбирается как

---

[15] 73, 75 DE. Интересно указание, в котором Иоанн Эфесский среди прочего назвал свою партию «ортодоксальной» и «верующими», получив от халкидонитов наименование «синодиты» (John Bishop of Ephesus. The Third Part of Ecclesiastical History / Ed. R. Payne Smith. Oxford, 1860, passim). Халкидониты, со своей стороны, называли монофизитов «диакриномены». Детальное описание см.: *Frend W.H.S.* The Rise of Monophysite Movement. Oxford, 1972. P. 174-183. Более общее, но менее ясное сообщение: *Harvey S.A.* Asceticism and society in crisis: John of Ephesus and the Lives of the Eastern Saints. Berkeley, 1990. P. 21-25. Представление источников и лучший анализ событий см.: *Stein-Palanque* II. P. 20-39.

[16] Среди прочих – Север, Захария, Афанасий.

[17] Аммоний и дядя Исидора по матери, Эгипт, представляют пример такого рода.

[18] *Stein-Palanque* II. P. 19-31, n. 307 p. 273. О восстании с точки зрения Антиохии см.: *Downey G.* History of Antioch in Syria. Princeton, 1961. P. 490-496.

[19] 112A: «зверь, еще более искаженный и оголтелый, чем сам Тифон».

само воплощение силы зла[20]. Ибо, как заявляет Дамаский, говоря словами Платона, философии может быть нанесен ущерб изнутри[21].

Отклонение от нормы – более того, ересь – есть большая опасность для языческого сообщества, нежели любая атака извне. Вот почему в этой книге Дамаский так критично относится ко всему, но особенно к тем, кто виделся как опора эллинизма: «за всех тех, кого он превозносит в своем сообщении, и отмечает, что поднялся выше состояния человека за счет своих отличных теоретических знаний и быстрого ума; затем он устанавливает себя в качестве судьи, не оставляя ни одного из тех, на кого он расточал похвалы без какой-то недостатка: один, кто был хвалим за его острый ум, критикуется как не совсем сметливый; другой, чье обучение было бесподобно, назван неспособным во всех областях; третий, который был рядом с Богом в добродетели, назван человеком недостаточным во многих отношениях»[22].

Эта особенность «Философской истории», которая так шокировала и злила Фотия, безусловно, является знаком сверхкритичного или даже вздорного характера Дамаския, а также ориентиром в отношении цели его книги. В судьбоносное для судьбы старого Дамаския время он считает тех, кто представляет его в педагогической профессии, либо риторами, либо, что более важно, философами, и отчаивается. У него есть сильные взгляды на то, что является и что не является ортодоксальным в эллинизме как культуре и богословии, и он считает, что он обязан установить принципы этой ортодоксии раз и навсегда. Как и те, кто предшествовал ему, и те, кто сменил его, он регулирует догму, комментируя священные писания эллинизма как устно, так и письменно, но это деятельность, которая затрагивает только его академических сверстников. В отличие от этого, рассматривая достоинства и пороки каждого на интеллектуальном небосводе в течение трех поколений, он обращается к более широкой аудитории - образованному человеку, находящемуся в пределах чисто философской среды. Его цель - определение идеального языческого лидера в то время, когда в таком лидере так отчаянно нуждаются. И так же, как и в его философии, он определяет первые принципы апофатически, поэтому в своей попытке описать «ортодоксального язычника» он следует отрицательному пути современного исследования.

---

[20] 113D. «Памфрепий был эффективным инструментом той необходимости, которая противостояла добру». Ср. 77D: Процветание Памфрепия «было по причине многих несчастий государства».

[21] 146E.

[22] Photius. Test III, 26-33.

Таким образом, он не нападает на светочей своего времени - например, на Прокла или Асклепиодота - для того, чтобы грамотно описать их полемическую природу (хотя это может происходить случайно), но от имени «истинной веры» - ортодоксии. И в том же самом духе он осуждает модные предметы позднеантичного учебного плана, как мы увидим позже.

***

В качестве очага эллинизма как в интеллектуальном, так и в духовном плане, и в очень космополитическом установлении школа Гораполлона была естественной целью для оппонентов в ревнивом городе Александрии. И когда в заряженной энергией атмосфере середины 480-х годов в школе вспыхнул религиозный скандал, Афтоний, один из христианских учителей риторики «со многими учениками»[23], увидел уникальную возможность сместить своего успешного соперника. Это дело началось как частная вражда между двумя гражданами Афродисии, студентом Паралием и великим завистником Асклепиодотом: последний был александрийским *полиматом*, который вернулся, чтобы преподавать в своем родном городе, войдя через брак в самую богатую и известную семью Афродисии[24]. Причина его возвращения подробно изложена Захарией: поскольку у пары не рождались дети, Асклепидот посоветовал ему вопросить Исиду во сне, посетив ее святилище в Менуфисе-Абукире вместе со своей бесплодной женой[25]. Это он и сделал, и, согласно христианской версии этой истории, пара, в конце концов, купила ребенка языческой жрицы и представила его в качестве своего собственного божественным образом полученного потомства.

Однако обман был раскрыт сведущими умами в соседнем монастыре Энатон, где брат Паралия был монахом. Потрясенный этой историей, Паралий сменил «партийную» сторону и был отправлен монахами в школу Гораполлона с приказами спровоцировать язычников. Выбрав пятницу для этой цели, он прибыл в школу, изрыгая сарказмы против учителей и богохульство против богов. Пятница была днем, когда в школе Гораполлона присутствовали только те, кто изучал философию, поскольку риторы учили дома, и, тщательно подобрав момент, группа языческих учеников напала на Паралия и жестоко избила его[26].

---

[23] VS 25.

[24] VS 17; также см. *Robert L.* Hellenica IV. 1948. P. 115-126; *Roueche C.* Aphrodisias in the late antiquity. P. 85-93. Cf. Appendix II.

[25] VS 17-18; ср. 95CD.

[26] VS 22-24.

Этот инцидент привел к тому, что сформировался общий фронт между Петром Монгом, ритором Афтонием и монахами Энатона, куда Паралий был отправлен на излечение[27]. Их антиязыческая операция началась с уничтожения тайной святыни Исиды, спрятанной в доме в Менуфисе-Абукире, где были скрыты культовые предметы с большим символическим значением и древностью[28]. Школа Гораполлона и, в частности, Асклепиодот, как мы видели, имели особую связь с этим храмом оракула, который стал важным хранилищем язычества в Египте. Открытие и разграбление храма сопровождалось арестом жреца и конфискацией его священных предметов[29]. Увидев уникальную возможность подстрекать людей против ведущих язычников Александрии, некоторые из которых занимали высокие посты в имперской администрации, Петр Монг выполнил большую часть этой операции; 20 верблюдов были загружены самыми ценными из священных предметов, найденных в Менуфисе, и были выставлены в Александрии на хор проклятий против Гораполлона, «разрушителя душ»[30]. Были провозглашены антиязыческие речи, и жрец Исиды стал объектом публичной насмешки, прежде чем идолы сожгли на публичном празднестве[31].

Судя по свидетельству Захарии из Митилены, который был очевидцем этих событий, гнев как прохалкидонских, так и монофизитских

---

[27] В то время как Петр Монг был умеренным, монастырь Энатон был цитаделью монофизитства, члены которой систематически подрывали согласованную политику патриарха.

[28] VS 27-29 и 74 описывают некоторых из этих идолов и значение иероглифических символов, которыми, по словам Захарии, был покрыт дом.

[29] Ср. 53В с соответствующей записью.

[30] О личных неудачах Гораполлона и его окончательном обращении в христианство: JHS 113, 20-21.

[31] VS 33ff., 58А с указанием ad loc. Недавняя находка из Александрии (*Rodziewicz E.* Remains of a chryselephantine statue in Alexandria // Bull. de la Soc. Arch. d'Alexandrie. 44. 1991. P. 119-130) может быть правдоподобно связана с событиями, описанными Захарией. На расстоянии примерно 80 м от Via Canopica, недалеко от рынка города, были обнаружены груды золы, содержащие остатки разрушенных и сожженных объектов; они включали в себя несколько фрагментов статуи из хризоэлефантина в натуральную величину (среди них прядь волос), изуродованные мраморные бюсты Сараписа, мраморные плиты с надписью на греческом языке, разноцветные стекла и полудрагоценные камни. Процесс разрушения включал в себя использование инструментов, и раскопанное доказывает ценную природу сожженных материалов, и то, что этот акт был не только преднамеренным, но и «очень показательным и коллективным». Датирование находки, осложненное тем фактом, что слои были перемешаны охотниками за сокровищами в средневековые времена, дает terminus post quem в конце IV века. По свидетельству пряди волос Родзевич ориентировочно идентифицирует хризоэлефантинную фигуру либо с Сараписом, либо с Изидой, и предполагает, что она происходит из храма Исиды на Via Canopica.

монахов и мирян против городских язычников длился долгое время, хотя на этом этапе он не перешагнул рубеж серьезного преследования, из-за других факторов, из-за отсутствия антиязыческого рвения, непроявленного префектом августалов, Энтрехием[32]. Но формальный конец восстания Илла в 488 г. был явно рассмотрен Петром как благоприятный момент для обращения в Константинополь за поддержкой против язычников.

Императорский посланник по имени Никомед был немедленно отправлен в Александрию, и там было проведено систематическое расследование в отношении язычества, начиная со школы Гораполлона. Большинство коллег Гораполлона восприняли вызов к Никомеду на собеседование в качестве сигнала, чтобы скрыться, но Аммоний, казалось, рассудил иначе.

3. Аммоний

Осиротевший в юном возрасте, этот сын Гермия и Эдесии успешно получил философское образование, благодаря настойчивости его матери и ее связям. Он проявляется в своих исследованиях как прагматичный философ с научным складом ума и с небольшим сочувствием к мистицизму Гераиска или даже Прокла[33].

Вернувшись в Александрию после своего обучения в Афинах, Аммоний в силу семейных связей присоединился к учреждению Гораполлона, где он наступал на плечи старшим и младшим поколениям (последнее представлено Исидором), чей богословский подход к философии он явно презирал. Но начало 480-е годов было тяжелыми для Аммония годами в нескольких отношениях: по смерти матери он и его старший брат оказались обремененными долгами - ситуация, которая все еще должна была тяготить его в 488 году, когда он оказался частью коллапсирующего и незаконного профессионального института, философский идеал которого он никогда не поддерживал. Когда Никомед

---

[32] По Захарии, префект Энтрехий был крипто-язычником, в то время как один его подчиненный был открытым поклонником идолов: VS 25-26.

[33] См. анализ моделей мышления Аммония: *Verrycken K.* The metaphysics of Ammonius, son of Hermias // *Sorabji R.* Aristotle transformed: the ancient commentators and their influence. L., 1990. P. 199-231; *Sorabji R.* Infinite power impressed: the transformation of Aristotle's physics and theology // ibid. P. 182-184, о том, как Аммоний гармонизирует Бога Аристотеля с Богом Платона. О забавном анекдоте, иллюстрирующем отказ Аммония от роли сверхъестественного в жизни человека, см. Olymp. In Gorg. 199, 2ff. О его крайнем рационализме см. Olymp. In Gorg. 214, 21ff.; 230, 29ff. – пассаж, который указывает, что основным мотивом путешествий Аммония было не благочестие, а интеллектуальное любопытство.

приехал в Александрию, Аммоний, несомненно, увидел уникальную возможность поправить как свое финансовое, так и профессиональное положение, и, имея это в виду, он сблизился с Петром Монгом[34].

Аммоний ли выдал укрытие коллег и учеников, некоторые из которых были арестованы и подверглись физическим пыткам, мы никогда не узнаем; несомненно, однако, то, что он оказался в безопасности из-за крушения школы Гораполлона, что привело к смерти, изгнанию или профессиональной гибели многих других людей[35]. Более того, тревожное подозрение усиливает то, что в 488/489 г. Аммоний должен был уничтожить своих коллег; факты таковы, что из пяти человек, которые последовательно упоминаются Захарией из Митилены как представляющие дух язычества в заведении Гораполлона - сам Гораполлон, Гераиск, Асклепиодот, Аммоний и Исидор[36] – и лишь Аммоний был единственным, кто смог успешно выжить в Александрии. Асклепиодот уже вернулся в Афродисию[37], в то время как остальные трое ушли в подполье; Исидор искал убежища в доме молодого Дамаския (122AB), который все еще в то время «произносил речи в тоге ритора» (122D); в то же время Гораполлон и его дядя были арестованы и подвергнуты пыткам, чтобы раскрыть тайник Исидора и Гарпократа, знакомого Аммония (117AB). Но два человека «стиснули зубы» и отказались произнести слово (117C), в отличие от Аммония, который прямо направился к «надзирателю господствующей доктрины» (118B), «зло-

---

[34] 118B. Как доказал Асмус (BZ 18, 469-470), епископом, упомянутым в отрывке, является Петр Монг, против которого Дамаский долго разражается громами (см. 113I и 118A). О двуличности и нечестности Петра: *Stein-Palanque* II, 35. В письме императору Зенону папа Феликс III обвинил Петра Монга в том, что он был «фиксатором» (*Mansi*. Sacrorum Consiliorum Nova et Amplissima Collectio. 7. 1901, col. 1066) (ср. слова церковного историка Евагрия, HE III.17). Последующая гипотеза Асмуса о том, что рассматриваемый епископ - Афанасий II (Leben 110, 186), не одобренная Цинтценом (с. 250), опирается на недоказуемую гипотезу о том, что сделка Аммония имела место после окончания преследования. Между прочим, эта интерпретация оставляет необъяснимой характеристику aischrokerdestatos, данную Дамаскием Аммонию.

[35] Обычно считается, что соглашение Аммония с епископом было идеологической сделкой: он сосредоточился бы на толковании Аристотеля, а не Платона, который с догматической точки зрения был бы менее оскорбительным для его христианских учеников. Это предположение не подтверждается доказательствами. Более того, оно игнорирует основную позднеантичную догму о «согласии Платона и Аристотеля». Диалог Захарии «Аммоний» показывает, что Аммоний продолжал излагать квинтэссенции антихристианских доктрин, таких как вечность мира, к несчастью, его христианской аудитории. Действительно, то, что диалог - вместе с «Феофрастом» Энея из Газы - показывает, что школа Аммония была прямым наследником создания Гораполлона по духу и атмосфере.

[36] VS 16, 22.

[37] VS 36; как предполагается в 95D, он уже уехал до начала преследования, так как его жена собиралась родить.

му человеку с печально известной жизнью» (118A), и «имел половой акт (с ним) ради производства политического потомства» (119G).

В связи с этим Аммоний в нашем восприятии окрашен в цвета, не менее темные, чем Петр Монг: «будучи охвачен жадностью и видя всё с точки зрения прибыли любого рода, Аммоний пришел к соглашению с тогдашним блюстителем господствующей доктрины» (118Б). Обвинение в aischrokerdeia, выдвинутое против него Дамаскием в этом контексте, не должно восприниматься буквально как означающее фактическое получение денег в обмен на серьезное дело; но когда кто-то наблюдает последующие события и имеет совершенно неоспоримую позицию в качестве философа, которой Аммоний наслаждался в Александрии до конца своих дней, человек начинает видеть это с точки зрения характеристики Дамаския. Независимые доказательства усиливают, а не опровергают донос.

Относительно портрета, оставленного другим учеником Аммония, Захарией из Митилены, в диалоге, названном в его честь, то он представляет его как забавного, но беспринципного человека, хитрого компроманта, который использовал двусмысленность, сарказм и личное обаяние как оружие в споре, когда другие методы не удавались[38]; в то время как инцидент, упомянутый Дамаскием, достаточно значимый в связи с Гераиском, который относится к безжалостной борьбе за власть между Аммонием и соотечественником в Константинополе (78E), еще больше повышает доверие к этому мнению.

III. Путь обращения

1. Исидор

Дамаский, находясь теперь в возрасте около двадцати лет, наблюдая за тем, как люди реагировали на преследование, обнаружил много неприятных вещей о человеческой природе, пересмотрел свой масштаб ценностей и потерял уверенность в нескольких своих коллегах. Но он также подтвердил для себя кардинальную платоновскую аксиому о том, что человек не является по сути злым существом: поведение нескольких язычников во время кризиса - в том числе, и его собственного младшего брата Юлиана, которого «избивали многими палками, но он не произнес ни слова» (119J) - показало, что, победив моральную слабость, невзгоды могут выявить неожиданные глубины

[38] Zach. De mund. op. // PG. 85, col. 1117 (= Colonna, p. 131): когда Аммоний загнан в угол его учениками философским аргументом, он прибегает к своему обаянию.

храбрости и благородства у вполне обычных людей[39]. Таким образом, преследование 488/489 года оказалось поворотным моментом - и положительным - в жизни Дамаския, что вызвало такие мысли: «Люди склонны даровать имя добродетели бездеятельной жизни, но я не согласен с этой точкой зрения. Добродетель охватывает общественную жизнь, хотя политическая деятельность и дискурс укрепляют душу и закаляют посредством упражнений то, что здорово и совершенно, в то время как нечистый и ложный элемент, который скрывается в жизни человека, полностью раскрывается и более легко встает на путь улучшения. И действительно, политика предлагает большие возможности для того, чтобы делать то, что хорошо и полезно; также для мужества и твердости. Вот почему учащиеся, которые сидят в своем углу и философствуют подробно и в высшей степени о справедливости и умеренности, совершенно позорят себя, если они вынуждены предпринять какие-то действия. Таким образом, лишенный действия, весь дискурс кажется напрасным и пустым»[40].

Что еще более важно, Дамаский не остался на уровне теоретических предположений, но подвергся истинному преображению в результате своего опыта. Уже будучи профессиональным ритором, он внезапно увидел все безумие этой дисциплины и начал задумываться, не следует ли ему обратиться к философии, области, с которой он до сих пор имел только случайное, но значительное знакомство. Для этого он обратился к Исидору, с которым он жил несколько месяцев (122B и 137D).

Образ Исидора, который появляется из книги Дамаския, - это истинный эксцентрик. Он настолько необычен как в поведении, так и в профессиональных навыках, что большинство людей считают его грубым и сумасшедшим, в то время как его ученики, в том числе Дамаский, любят дразнить его, конечно, не понимая этого[41]. Его чувства были далеки от того, чтобы быть острыми, его сила воображения посредственна, его память ошибочна: «Похоже, что Бог хотел показать, что он был душой, а не комбинацией души и тела, и что он не оставил философию в этом но установил ее только в душе» (14). Он был настолько откровенен и искренен и любил правду настолько, что считал его чрезмерно простым, неспособным к какой-либо аффектации и притворству (23).

Эти качества имели свою противоположность в практической сфере: Исидор был, безусловно, благородным и смелым, но он также

---

[39] Врач Гессий представляет собой другой случай того же рода (128).
[40] 124.
[41] Исидор был туземцем (египтянином): 17.

не знал об опасностях, связанных с тем, как он выполнял свои планы. Иллюстрацией этого служат обстоятельства, связанные с его бегством из Александрии во время преследования. Под воздействием своей хорошо подтвержденной скупости и своего жесткого чувства справедливости (24) Исидор, похоже, попытался взять с собой большую часть своего имущества (119С), - очень неосмотрительное стремление, как это понимали другие. Независимо от того, преуспел ли он в своем плане в какой-то степени, или нет, мы не знаем. Все, что вытекает из сохранившихся фрагментов Дамаския, состоит в том, что двое мужчин бежали из Александрии, возможно, оставив маленького сына Исидора, Прокла[42]. Перед отъездом Исидор, похоже, написал своему старому наставнику в Афродисии, объявив о своем намерении посетить его на пути в Афины[43], после того как он обнаружил, что земли Сирии и Аравии сохранили свои языческие традиции[44].

Хотя и слабые, свидетельства этой части работы все же достаточны, чтобы обеспечить реконструкцию основных этапов путешествий Исидора и Дамаския.

Одной из их первых остановок должна была быть Газа, где, к их огромному восторгу, двое мужчин встретили александрийца Антония, невеликого ученого, но «святейшего, с душой, твердо настроенной на божественное поклонение»; действительно, это был человек, который в последние годы внес вклад в превращение Газы в «гораздо более святое место, чем было раньше».

Написав об этом по меньшей мере через 25 лет после событий, Дамаский с благодарностью вспоминает «поистине большую милость», что он должен оказать Антонию, и молиться «богам возвратить его на острова Блаженных, где он, должно быть, уже заслуженно живет с ними»[45].

---

[42] 130: на 5-й день после рождения Прокла, жена Исидора «освободила своего философа от злого монстра и жестокого брака». Не познал ли новорожденный судьбу матери, которую мы не знаем? Однако из последовательности фрагментов видно, что этот отрывок относится к концу александрийского периода.

[43] 122С.

[44] По совокупным свидетельствам VS и сохранившимся фрагментам PH Исидор, по-видимому, впервые посетил Афины в 470-м г., после того как несколько учеников Прокла побывали в Александрии вместе с Салюстием. Там он, кажется, оставил учение до 488/489 г., за исключением короткого визита в Афины в 485 г. по случаю смерти Прокла. Дамаский, о котором нет доказательств того, что он когда-либо преподавал риторику в Афинах, должен был сначала побывать в Афинах вместе с Исидором в 489/490 г. и, вероятно, оставался там беспрерывно, пока указ Юстиниана не заставил его уехать в Ктесифон. Что касается Исидора, то мы можем вывести из PH, что сразу после смерти Марина он покинул Афины (151С).

[45] 133.

Независимо от того, повлиял ли влиятельный и настойчивый[46] Антоний на материальные ресурсы двух мужчин или на безопасное путешествие, или даже на то и другое, мы можем только догадываться, но, несомненно, что Исидор и Дамаский, в конечном итоге, достигли процветающего города Бостра, где они были приняты аристотеликом Дором[47]; здесь они, похоже, провели некоторое время, и, пока Дор угощал их рассказами о археологии города и более широкой области вокруг, Исидор отвечал за обращение своего хозяина в «высокую мудрость Платона» (134А).

Будучи увлеченным духовным туристом, как он впоследствии доказал своими фригийскими подвигами (87А), Дор взял двух своих гостей на несколько экскурсий на святые места в Хауране. Посещая воды Стикса в верхней долине Ярмука, Дамаский был переполнен религиозным благоговением при виде зрелища одновременно величественного и страшного (135Б). Именно в эти дни новой физической и интеллектуальной свободы, которая так плотно следовала за темными александрийскими месяцами, освещенными исключительно теоретическим обсуждением достоинств философии (129А), Дамаский был утвержден в своем духовном обращении.

«Какой пагубной деятельностью была риторика, фокусировавшая все мое внимание на рте и языке и отворачивая их от души и от блаженных и божественных уроков, которые очищают ее. Понимая это, я иногда отвлекался от моих риторических толкований, которыми я занимался в течение девяти лет (137В).

К настоящему времени Дамаский провел восемь полных месяцев в компании Исидора (137D), стал свидетелем обращения другого человека в платонизм под руководством Исидора и полностью осознал, где лежит его собственное призвание[48].

Увлеченные и вдохновленные опытом Хаурана, Исидор и Дамаский, которые теперь сопровождались Дором, перебрались в священный город Гелиополь (Баальбек), где их присутствие вызвало некоторый переполох (140D)[49]. Их популярность у местных жителей в

---

[46] Об этой черте этого персонажа см. анекдот, помещенный в 133.

[47] Хороший анализ интонаций пассажа в отношении Бостры и гениальную гипотезу о том, что хозяин философов в этом городе был Дором, см. *Tardieu M.* Paysages reliques, 27-31. Ср. 134 и 135 с комментариями.

[48] Тем же самым духовным маршрутом от риторики к философии следовал Прокл (Marin. VP 8,11), но в более молодом возрасте и менее драматичным образом.

[49] Еще в 579 г. в Гелиополе разразился религиозный скандал, в результате которого на протяжении всего Восточного мира проводились широкомасштабные антиязыческие преследования с участием высокопоставленных государственных и церковных чиновников: ср. John of Ephesus. HE III.26-34; Evagr. HE V.18. О сохранении язычества в

Финикии, однако, не принесла совершенно положительных результатов, поскольку Исидор, по-видимому, был отслежен его гонителями, арестован, брошен в тюрьму и даже подвергнут пыткам[50], а Дамаский горячо молился в местных храмах и, в то же время, используя свои связи и дипломатические навыки, пытался освободить своего наставника[51]. В конце концов Исидор был освобожден, «но не жалея расходов, которые стоят больше всего - времени» (141Е). Отсрочка действительно была «слишком длинной для надежд, которые ускорили его движение по направлению к Карии и Афинам» (141В).

2. Асклепиодот и Афродисия

Когда трое мужчин, наконец, прибыли в Афродисию, они наслаждались гостеприимством старого наставника Исидора - Асклепиодота. Экскурсии не только в окрестностях Афродисии (81, 82), но и вплоть до Иераполя во Фригии были устроены Асклепиодотом для его младших гостей, которые часто по возвращении пытались рассказать ему о своем опыте святого и чудесного; на их рассказы давались ответы в виде анекдотов о собственных духовных подвигах Асклепиодота в тех же местах (87А).

Это было характерно для человека, который хотел преуспеть во всех областях, и кто действительно преуспел в распространении своей славы как универсального и оригинального гения среди своих современников и потомков[52]. Но, по крайней мере, для Дамаския Асклепиодот явился как сильно раздражающая фигура, действительно, как одна из тех, кто была крайне вредной для дела язычества, и поэтому он взял на себя обязательство снять свои претензии на интеллектуальную целостность, не говоря уже о духовной: «Ум Асклепиодота не был совершенным, как думали многие. Он был чрезвычайно острым, поднимая вопросы, но не настолько острый в своем понимании. У него был неравный интеллект, особенно когда дело касалось божественных вопросов - невидимой и понятной сущности возвышенной мысли Плато-

---

этом районе: *Liebeschuetz J.H.W.G.* Epigraphic evidence on the Christianization of Syria // *Fitz J.* Limes: Akten des XI. Internat. Limes-kongress, 485-508.

[50] 141А и 143А. Кажется, здесь гораздо более правдоподобна интерпретация свидетельств, чем предположение Асмуса о том, что Дамаский заболел в Берите (Leben 124). Кроме того, VS (57-75) представляет Берит в это время как важный (и известный властям) центр магических знаний.

[51] 141CD, 142.

[52] Два поколения спустя после Симпликия Асклепиодота будут помнить как «лучшего ученика Прокла», который «был в восторге от новых идей из-за своего экстраординарного интеллекта» (CAG IX, 795).

на. Еще более хотелось, чтобы он был в области высшей мудрости - орфической и халдейской истории, которая превосходит философский здравый смысл. Однако в естественных науках он был, безусловно, лучшим среди своих современников. Точно так же он был сильным в математике, и именно это заработало ему репутацию полного гения. Наконец, в области нравственной философии он постоянно пытался внедрить новшества и ограничивать исследования видимым миром ниже, не отвергая ни одной из доктрин древних, но все складывая и сводя до уровня физического мира»[53].

Страстная привязанность Асклепиодота к ощутимому, проявляющаяся в форме чрезмерного любопытства к физической вселенной и эмпирического подхода к вещам духа[54], заставила Дамаския рассматривать его как анти-тип идеального философа. Подобно тому, как тифонический Пампрепий охватывает большие области «Философской истории» как анти-тип блаженного Сарапиона, так и Асклепиодот доминирует в последней части работы как образ «антифилософа» и, следовательно, отрицательный аналог Исидора.

Но это еще не вся история. Асклепиодот также был человеком действия, который сыграл важную роль в превращении Афродисии в «священный город» эллинизма[55], а Дамаский был достаточно впечатлен – если не сказать одержим - практическим аспектом его достижения, в желании воспроизвести его. Действительно, институциональные и материальные реформы Дамаския после того, как он стал платоническим диадохом, можно рассматривать как сознательное подражание тому, что Асклепиодот пытался сделать в Афродисии. Более того, Дамаскию был полезен Асклепиодот на критической стадии его жизни, и как человек с сильным чувством справедливости он не забыл его (144A). После смерти Асклепиодота, хотя его слава как подлинного гения все еще росла, Дамаский был обязан запечатлеть свой долг благодарности человеку, который по духовной иерархии был, по крайней мере, формально, его «дедушкой»[56].

---

[53] 85A; см. ниже, p. 54, 57.

[54] См., в частности, 80 и 85BC.

[55] См. 83 и 87. Cf. мысли, собранные: *Roueche C.* Aphrodisias in late antiquity, 85-97 (esp. 91), 154, совместно с: *Smith R.R.R.* Late Roman philosopher portraits from Aphrodisias // JRS. 80. 1990. P. 127-155. Общее рассмотрение архитектурного (несколько важных домов), скульптурного и эпиграфического материала позднеантичной Афродисии может привести к новой картине статуса неоплатонизма в тот период; первый шаг в этом направлении был сделан *Campbell S.* Signs of prosperity in the decoration of some 4th - 5th century buildings at Aphrodisias // *Roueche C., Smith R.R.R.* Aphrodisias Papers. 3. 1996. P. 187-199: согласно предварительным данным, археологические данные свидетельствуют о процветании язычества и роскошном стиле жизни здесь в V веке.

[56] Асклепиодот был наставником Исидора, как указывает Дамаский в 81.

IV. Афины и «Философская история»

В то время, когда Асклепиодот был занят превращением Афродисии в крупный неоплатонический центр, Афины неуклонно приходили в упадок. После длительной болезни и смерти Прокла и избрания в диадохи Академии слабого, не уверенного в себе человека[57], перспективы возрождения философских исследований там не выглядели благоприятными, по крайней мере, если бы приходилось полагаться на местные ресурсы. Все это, должно быть, обсуждалось в Афродисии, и, возможно, Асклепиодот призвал своего старого ученика Исидора отплыть в Афины и позаботиться о пошатнувшейся платонической преемственности. Как бы то ни было, в 490 г. Дамаский и его наставник переправились из Эфеса на Самос и оттуда в Пирей (144Б).

В конце своего языческого паломничества к людям и местам Дамаский окончательно отказался от риторики в пользу философии как профессионального занятия, что означало переход от жизни утонченной пустоты к страстному поиску Бога через чудеса природы и слова вдохновенных людей; этой цели он посвятил себя с миссионерским рвением. В Афинах он стал студентом полного курса Академии, изучал математику с ее главой - Марином и теоретическую философию с Зенодотом, который, возможно, был преемником Марина[58]. Но, что еще более важно, в Афинах Дамаский продолжал изучать людей, наблюдать реальность и оценивать ее. Это занятие, в которое он уже вступил в Александрии, привело к рождению уникального произведения позднеантичной литературы: «Философской истории».

В своем тройном значении - истории философии, истории философов и исследовании философии, такое название книги - в высшей степени успешное, так как оно превосходно лаконично передает множество целей ее композиции. Порфирий также написал «Философскую историю» от Гомера до Платона в четырех книгах, одна из которых, «Жизнь Пифагора», сохранилась до наших дней[59]. Тем не менее ее компиляционный и антикварный характер (сочетающий биографию и доксографию в строгом хронологическом порядке и заканчивающийся Платоном) лишает его возможности претендовать на то, чтобы стоять

---

[57] 38Аб 97CFIJ, 98F, 101C вместе с JHS 113,11.

[58] Test. III, 83-87, где прямо сказано о Зенодоте, как о диадохе самого Прокла, а о Марине как о втором. О возможных интерпретациях этого загадочного предложения см. ниже, р. 43-44, nn. 73, 74.

[59] Сохранившиеся фрагменты работы и свидетельства, относящиеся к ней, собраны: *Smith A.* Porphyrii Philosophi Fragmenta // Nos. 1993. P. 193-223; *Sodano A.R.* Porfirio, Storia della filosofia. Milan, 1997.

в традиции, в которой пишет Дамаский. Даже «Жизни софистов» Евнапия, чье внимание сосредоточено на современном автору неоплатонизме, никоим образом не могут рассматриваться как предшественник «Философской истории» Дамаския, поскольку находятся на полпути между агиографией и некрологом и полностью лишены критического, не говоря уже о полемическом, характера работы Дамаския[60].

Если мы ищем предшественника для книги Дамаския, то мы должны обратиться к замечательной книге Нумения «О разногласиях между академиками и Платоном». Как по своей теме, так и по методологии ошеломляющая критика Нумением наследников Платона обеспечивает близкую параллель с «Философской историей» Дамаския; так как он также раскрывает предательство группы самозваных преемников метафизической доктрины, объединяющей авторитет Платона и Пифагора, и постулирует новое начало[61]. Чрезвычайно фрагментированное состояние, в котором этот новаторский текст дошел до нас, не позволяет дальнейшего сравнения с работой Дамаския, характер которого мы поэтому вынуждены анализировать мимолетными ссылками на современных, а не на древних авторов.

Во многих отношениях предшественник «В поисках утраченного времени» Пруста, Дамаский интегрирует в социальную и священную географию Восточного Средиземноморья в позднеязыческие времена концентрические круги, которые сформировались вокруг небольшого ядра, те, которые пересекают его и, наконец, те, что его уместно касаются. Таким образом, на конкретном историческом уровне «Философская история» представляет собой портрет человека - не обязательно социальную группу, географический локус которой выходит за один город, и чьи религиозные утверждения противоречат вероучениям неопровержимо амбивалентным образом; ибо книга касается язычников и христиан, но еще более зловеще она обходится с евреями и христианами, которые обращаются к язычеству, и язычникам, которые обращаются в христиан, или, по крайней мере, вынуждены использовать христианство в качестве удобного флага[62]. Таким образом, Дамаский является социальным историком позднеантичного платонизма, который использовал просопографическую технику, чтобы облегчить социальные и духовные перемены.

Подобно Рональду Сайму – и в отличие от Диогена Лаэрция или Евнапия – Дамаский ставит на сцену не только отдельных людей, но и

---

[60] Анализ характера этой работы: *Penella R.J.* Greek philosophers and sophists in the fourth century A.D.: Studies in Eunapius of Sardis. Leeds, 1990.

[61] См., в частности, fr. 24, 66-79.

[62] Свидетельства собраны и интерпретированы в JHS 113, 12.

философские династии, и показывает, как их рост и падение влияют на социальный ландшафт Поздней античности. Тем не менее, в отличие от Сайма, как позднеантичный историк, Дамаский также показывает, как восхождение и упадок философских кланов определяются критериями нравственной целостности и духовного совершенства[63], и это подводит нас к более глубокой структуре и намерению книги: дидактическому и моралистическому[64].

Навязчивая тема «Философской истории» - систематическое нападение на риторику; в этом отношении книга представляет собой весьма четко выраженную интеллектуальную автобиографию и обнаруживает сознательное стремление уничтожить принятые образцы знаний, на которых покоится социальная власть в поздней Римской империи, и заменить их структурами более прочной природы (отсюда и центральность слова «философия» в названии). Что действительно увлекательно, так это смотреть, как Дамаский превращает свою личную историю обращения в будущую историю Римской империи. Имея ресурс для просопографического (и автобиографического) метода, он смешивает субъективное с объективным и превращает шумный рынок Афин и Александрии в универсальную историю своего времени. Благодаря их слабостям и эксцентричности, а также благодаря их успеху или неудаче, персонажи в зверинце Дамаския творят анти-историю: для автора социальные и политические рамки, в которых движутся эти люди, повреждены, а их жизнь унижена, потому что их личности были сформированы образовательным этосом, который принес в жертву истину и искренность в угоду моде. Настоящее зло в истории Дамаския - это риторика, искусство, которое являлось пропуском на должность для высших ступеней администрации в Церкви и государстве и, следовательно, для правления миром.

Несколько раз мы уже говорили о том, что презрение Исидора к риторике соответствовало только его безразличию к поэзии - дисциплине, которую, будучи хорошим платоником, Дамаский считал подходящей только для ослов[65]. Действительно, если собрать все анекдо-

---

[63] См. в этой связи суждение о квинтэссенции неоплатонической династии, представленной Гегием и его сыновьями: 145, 146, и ср. как представлены другие династии, такие как Гораполлон и Гермий-Эдесия.

[64] Следует помнить о характеристике Дамаския как стоического философа со стороны эксцерптора Суды (Test. I), который был хорошо знаком с «Философской историей».

[65] У Аммониана был осел, который забывал поесть, слушая лекции по поэзии, даже если он был преднамеренно голоден заранее (47). За этой забавной историей сразу следует явное заявление об «минимальной симпатии» Исидора к поэзии, дисциплине,

ты, относящиеся к достижениям риторов, можно понять, что «Философская история» - действительно сатира на современную образовательную систему, судя по ее результатам. Этот мир ошибочен и глубоко вульгарен, так как Дамаский с необычайной страстью относится к началу своей книги (18) не столько из-за христианства, сколько потому, что гуру образования - это пустые риторы (например, его собственный учитель Феон[66]) или, подобно Асклепиодоту, виртуозы философии типа, уже осужденного Ямвлихом[67]; христианство является всего лишь симптомом общего декаданса в эту эпоху растущего насилия и жестокости.

V. Афины: Платоновская преемственность

Историческая информация, предоставляемая «Философской историей», помещает ее композицию между 517 и 526 гг., что, как правило, считалось свидетельством того, что Дамаский, предположительно, принял платоновский схолархат (стал диадохом школы) приблизительно в 515 г.[68] Эта связь основывается на двойном допущении: во-первых, что к концу V века человек, избранный преемником главы платонический школы, считал своим основным обязательством составить отчет о жизни своего предшественника, а во-вторых, что Исидор был полностью самостоятельным диадохом Афинской академии. Эта вторая гипотеза незаметно заставляла ученых ссылаться на «Философскую историю» под ее альтернативным, менее обоснованным названием «Жизнь Исидора»[69]. Критическое рассмотрение этих отвергнутых несомненных фактов может привести к совершенно иным допущениям.

Дамаский рассказывает нам, что Исидор «был избран диадохом платонической Школы в почетном, а не в реальном выражении» (148С). Это назначение honoris causa могло означать, что, будучи признанным как звено в золотой цепи платоновского преемства, Исидор мог позволить себе заниматься нетрадиционным существованием вне-

---

которая «не достигает души, но остается на уровне воображения и языка, хотя на самом деле некоторые из них (ее произведений) даже противоречат реальности идей» (48А).

[66] 49.

[67] Myst. VII.5, 259.

[68] *Combes J.* Damascius, Traite des premiers principles. I. P. XIX, XXXVI.

[69] Суда неизменно упоминает эту работу как «Философскую историю» (s.vv. Georgios, Damaskios, Doros, ifikratides), тогда как Фотий дает название «Жизнь Исидора философа» (Test. III, 18-20).

штатного диадоха, возможно, вне Афин[70]. Прямой преемник Прокла Марин умер в начале 490-х годов[71], и, оказавшись на смертном одре, убедил Исидора принять схолархат (148С). Исидор, чье имя, по-видимому, было в списке преемников, составленном самим Проклом[72], похоже, согласился, но как только Марин умер, Исидор начал думать об уходе из Афин (151ВС). Нужно было найти еще одного диадоха, и сведения Дамаския свидетельствуют о том, что этот человек, возможно, был Зенодотом, «преемником Прокла сразу после Марина»[73] или даже Гегием, о котором Дамаский чрезвычайно некомлиментарно[74] высказывается. Если Зенодот или Гегий (или они оба) заполнили платоновскую преемственность в самом конце V и в начале VI века, их

---

[70] О другом возможном примере см. Marinus VP 26 (о Домнине). На тему «вторичного диадоха» Глюкер (155, n. 122) предлагает следующую интерпретацию: с момента Плутарха, утверждает он, всегда было два диадоха, старший и младший, служившие одновременно. Таким образом, Домнин был бы вторым во власти при Прокле, как, вероятно, был Марин в конце жизни Прокла, в то время как Зенодот занимал вторую кафедру при Марине. Глюкер справедливо утверждает, что эта гипотеза «делает меньше насилия над текстами Фотия и Марина, чем другие объяснения» (156). Гипотеза Афанассиади предполагает существование как списка ожидания, так и статуса диадохов, который мог быть предоставлен как для многих людей, так и для членов «священного племени», которые выполняют требования святости и обучения, ожидаемые от лидера языческого сообщества. См. также следующее примечание.

[71] Он преподавал Дамаскию математику, которая составляла раннюю стадию философских исследований, тогда как Зенодот учил его более продвинутой дисциплине теоретической философии (см. Test. III, 83-86, ясно воспроизводящее информацию у самого Дамаския); справедливо предположить, что если бы Марин был диадохом, вряд ли кто-то преподавал бы более престижную теоретическую философию (о Зенодоте см. выше, n. 61). Вместе с предположением, что Дамаский, прибывший в Афины около 490 г., мог изучать математику не более двух лет, это ставит дату смерти Марина на весну 492 или 493 г. (о сезоне - 151С). В этой связи Шамп, который принимает схему Глюкер о двух диадохах, предлагают остроумную теорию (146-152): Зенодот, утверждает он, является никем иным, как Исидором, старшим диадохом того времени, когда Марин играл вторую скрипку. Благодаря игре слов «дар Исиды» становится «даром Зевса», когда он покидает Египет, чтобы приехать в Афины. «Зенодот» поэтому был плодом научного воображения от Фотия до наших дней! К сожалению, эта теория, предполагающая, что Дамаский увлекся подобной игрой слов, значительно ослаблена тремя параллельными словесными играми, которые привел Шамп. «Эвбеец» со ссылкой на Гераиска, с заячьей губой, засвидетельствован только в одной из рукописей и, по-видимому, является неправильным пониманием для aneboa (см. 79А). «Эмесец» - также ошибка переписчика вместо «Немесион» (132А); но даже если принять форму Emesion, не видно, как это может быть связано. В любом случае, Emesion подразумевает некоторую связь с городом Эмеса. Наконец, третий пример словесной игры, предложенной Шампом, - это пример Немесиона. Распространенное позднеантичное имя, Nemesion, не вызывает у него возмущения, а скорее ассоциацию с богиней и концепцию Немезиды.

[72] 152.

[73] См. с. 39Б прим. 61.

[74] 145.

назначение, вслед невзрачному правлению Марина, способствовало укреплению мнения, по который Афины теперь безвозвратно пришли в упадок[75].

Однако равновесие было снова нарушено, и к 529 г. рост богатства философов в Афинах был настолько драматичным, что вызвал императорский указ, требующий немедленного приостановления там всей философской деятельности[76]. Главным агентом этого изменения, по-видимому, был Дамаский, который инициировал и поддерживал широкие реформы как на институциональном, так и на учебном уровне. Действительно, чистый вес Дамаския как учителя, администратора и пропагандиста в области образования, и амплитуда его внешнего влияния свидетельствуют о том, что он не мог стать главой Академии спустя длительное время после 500 г.[77] Основная цель огромных усилий Дамаския состояла в решительной реорганизации Академии с ее основателем Платоном и ее вторым основателем Ямвлихом; однако для этого необходимо было добиться четкого разрыва с недавним прошлым, представленным Проклом и его последователями, и в этом отношении эмансипация Дамаския была полной и недвусмысленной, включающей как интеллектуальное, так и физическое измерение.

В своей экзегезе Платона новый глава Академии был основательным и методичным, установив авторитет Ямвлиха, отделив Ямвлиха от Прокла и, наконец, отбросив его вклад в понимание платоновского богословия. Нам повезло в том, что мы в реальности владеем четырьмя комментариями Дамаския на платоновские диалоги; два из них состоят из лекций одного и того же студента на «Филеб» и «Федон»; третья работа включает записи другого студента на «Федон», излагаемые Дамаскием в другом случае, и включает в себя трактат самого Дамаския о первом доказательстве бессмертия души; наконец, у нас есть комментарий самого Дамаския о сущностном богословском диалоге, «Пармениде»[78]. Во всех этих работах попытка Дамаския опровергнуть Прокла настолько систематична, что Л.Г. Вестеринк мог описать In Parmenidem как «критические замечания на Прокла» и подозревать, что потерянное сочинение Дамаския In Timaeum «было еще одним комментарием к комментарию», поскольку в том, что сохрани-

[75] Aen. Gaz. Theophr., p. 4, 5-8: Ep. 18. Также 150, 151BE.

[76] Malal. 451. J недавней библиографии по этому вопросу см. JHS 113, 1, n.1.

[77] Дата, предложенная Вестеринком в силу «значительной учебной деятельности Дамаския и его не менее значительных публикаций» (The Greek Commentaires on Plato's Phaedo II, 8).

[78] Начало трактата отсутствует.

лось, «большинство замечаний Дамаския направлены против Прокла»[79].

В этой связи следует добавить, что семь случаев, когда александриец Олимпиодор цитирует потерянный комментарий Дамаския «На «Алкивиад», неизменно относятся к его возражениям против Прокла, «что можно считать более, чем случайным», как справедливо замечает Л. Вестеринк[80]. Можно смело предположить, что Дамаский в годы своей жизни несколько раз читал лекции по платоническому канону, устанавливая свою собственную ортодоксию, которая со временем нашла свой путь к другим важным центрам изучения Платона[81]. Кроме того, из его сочинений видно, что он вел два типа занятий: чисто философские в форме комментариев к классике и эзотерический курс о Халдейских оракулах[82].

В своей амбициозной кампании возрождения платонизма Дамаский не полагался исключительно на свою собственную мудрость и работу; он также использовал свои социальные и академические связи, которыми нельзя пренебречь, а также фонды Академии[83]. В конце концов, он собрал в Афинах лучших философов «со всех краев эллинизма»[84], и многие из них разместились в великолепном комплексе зданий на северном склоне Ареопага, который должен был функционировать в течение многих лет как жилые помещения, как учебный центр и как место поклонения[85].

---

[79] *Westerink*, op. cit. (n. 80), 10, 11. На самом деле сам титул «Комментария к Пармениду» достаточно ясно передает спорный дух, о котором пишет Дамаский.

[80] Op. cit. (n. 80), 11.

[81] У нас есть доказательства того, что Дамаский читал лекции и / или составлял комментарии к Государству, Федру, Софисту, Тимею, Законам и, наконец, сущностно неоплатоническому тексту Халдейских оракулов (см. *Combes J.* Damascius Princ. I, p. XXXIV). О ямвлиховском каноне: *Combes,* Damascius Parmenide I, p. XI, n. 4. Дамаский также создал произведение о числе, месте и времени (см. Библиографию) и трактат об астрономии (John Philoponus / CAG XIV, 44, 116-117). Из замечаний в работах Олимпиодора, среди прочего, ясно, что Александрийская школа, возможно, обладала более чем одной копией комментариев Дамаския (*Westerink*, Damascius In Phil., XXII).

[82] Cf. In Parm. (Ruelle) 132, 9-10 o chaldaikai sunoysiai.

[83] 102 показывает, что Дамаский сам занимался финансами Академии.

[84] Agath. II.30.3.

[85] О «Доме Дамаския» см. JHS 113, 23. Комментируя комплекс домов A, B, C и D (в целом пять структур, поскольку дом C, по-видимому, представляет собой две отдельные постройки на данный момент), Э. Франц (p. 46) отмечает следующее: «тесная взаимосвязь домов Ареопага, похоже, указывает на какой-то скоординированный план и, следовательно, на общую цель». Более полное изложение см. в Приложении I.

Здесь действительно имел место радикальный разрыв с Проклом, который, даже если и непреднамеренно был инициирован Гегием[86], кажется, полностью был использован только Дамаскием[87].

В то время как платоновское богословие дало Дамаскию и его коллегам новое поколение ярких молодых людей, которые, в свою очередь, ожидали, что они будут распространяться по всему Средиземноморью на академическом уровне, нужно было проповедовать более широкое послание миру, и это была функция, которая, по-видимому, была предусмотрена ее автором для «Философской истории»: она должна была стать культурным манифестом, соткавшим вокруг исторического лейтмотива платонического схоларха различные темы «образования будущего».

Эти темы состояли в культивировании философии для немногих и в поклонении святым для всех, вдохновленных как повествованием, так и экзегезой мифов и чудес, а также описанием топографии и свойств священных мест.

Такая сложная работа, включающая также оценку всех великих имен в риторике и философии в течение трех поколений, вряд ли была бы написана, как только Дамаский примет руководство Академии, но она должна была созреть в нем на протяжении многих лет через критическое наблюдение, выборочные воспоминания и обсуждение с коллегами и студентами.

Действительно, кажется, что ее автор рассматривал «Философскую историю» как дневник коллективных состояний платоников, и даже возможно, что когда-то, вдали от Афин, он добавил в качестве приписки к работе свой рассказ о персидском опыте.

VI. Возвращение

---

[86] См. 145 и 151E с соответствующими сносками, а также в Приложении I, где предлагается гипотеза о том, что Дом С был наследственной резиденцией Гегия.

[87] Прокл жил, преподавал и поклонялся богам в доме на южном склоне Акрополя, который принадлежал ему, Сириану и Плутарху, его духовному отцу и деду, соответственно (VP 12, 29). Недавнее повторное рассмотрение данных, относящихся к V веку в этом месте (теперь символически погребенное под улицей Дионисиу Ареопагиту, названной в честь святого покровителя Афин), подтверждает теорию, выдвинутую в 1955 г. ее раскопщиком И. Мелиадесом, который определил Дом Chi (X) как неоплатонические учебные помещения, используемые на протяжении всего V века (*Meliades I.* Anaskaphe votios tes Akropoleos // ПАЕ. 1955 (1960). P. 47-50). Новое сооружение, построенное в самом конце V или начале VI века (строение Sigma), которое блокировало вход в самый важный участок дома, явно предполагает отказ от дома X в это время (см. *Karivieri, Arja*. The House of Proclus' on the Southern Slope of the Acropolis: a Contribution // *Castren P.* Post-Herulian Athens. Helsinki, 1994. P. 115-139), вывод, достигнутый уже самим Мелиадесом.

1. Персидский опыт

Можно было ожидать, что провокационно процветающее языческое учреждение Дамаския не сможет бесконечно и беспрепятственно осуществлять свои многочисленные действия, в символически важном городе Византийской империи, особенно после того, как Юстиниан взошел на престол[88]. В 529 году императорский указ, специально нацеленный на учреждение Дамаския, приказал прекратить философское обучение в Афинах[89]. Дамаский, который видел несколько волн гонений, приходящих и уходящих, почувствовал, что на этот раз ему придется прибегать к решительным мерам и, подобно джиннам в изумительных рассказах, которые он собирал[90], он задумал идею переноса целиком на иную почву того здания, что он строил на протяжении многих лет[91]. Платонические воспоминания о конституционно справедливом характере персидского царя, созданные идеальными учебными методами, смешивались в его сознании с языком современной сасанидской пропаганды, и вот вдруг Ктесифон явился как идеальная философская обитель. Как только решение было принято, Дамаский, которому теперь заканчивался шестой десяток, с особой тщательностью скрывавший священные предметы в колодцах своего особняка, собрал свои рукописи и во главе группы, по крайней мере, из еще шести философов, отправился в великое приключение[92].

Путешествие было длинным. 7 человек оставляли позади навсегда (как они думали) римскую ойкумену, а соображения духовного туризма, которые сформировали такую сильную традицию в их кругу, несомненно, побудили бы их оказать длительное уважение важным святым местам. Первым среди них был Харран, заклейменный в Актах

---

[88] Рассматриваемый с враждебной точки зрения Юстиниан был «самым большим разрушителем добрых старых учреждений» (Procop. Anecd. VI.21).

[89] Ср. выше, n. 79. Нет причин сомневаться в достоверности Малалы, который дополнительно подтверждается юридическими свидетельствами (CJ I.5, 18,4 и I, 11, 10,2). Более того, 529 год был годом организованного языческого преследования, в котором было много жертв, и среди прочих - преторианский префект Фока: свидетельства собраны *Stein-Palanque* II, 371; ср. *Lemerle*, 66-70.

[90] В ныне утраченном сочинении Дамаский представил 572 фантастических рассказа, которые, как предполагают, были во многом в духе «1001 ночи». Согласно Фотию, Bibl. Cod. 130, их стиль был ясным, лаконичным и элегантным.

[91] Дамаский и его сверстники согласились бы с едким замечанием Прокопия о том, что можно спастись от чумы, если вы живете в Римской империи, но не от страданий, наложенных правлением Юстиниана (Anecd. VI.22-23).

[92] Обо всем этом см. Приложение I.

Халкидонского собора (451) как город эллинов[93]. Дамаский и его спутники, должно быть, остановились в этом приграничном городе, чтобы посетить его храмы и изучить его библиотеки.

Затем они двинулись в Персию, где потребовалось всего лишь короткое время, чтобы обнаружить, что реальность не соответствует легенде. Юный Хосров, который только что взошел на трон, столкнулся с серьезными проблемами наследования[94]. В дополнение к своим явно чуждым путям личные проблемы царя едва ли превратили Ктесифон в идеальное место жительства для философов, привыкших к жизни активного обучения, а не к удушающей рутине царских советников - реальности, которая была чрезвычайно облегчена им идеализированной памятью о Харране.

Тем не менее, несмотря на определенный культурный шок с обеих сторон, между юным правителем и мудрецами из Греции сложилась настоящая связь. Кажется, что Хосров читал диалоги Платона по программе, которая была окончательно исправлена Ямвлихом, и забросал своих гостей вопросами[95]. Судя по работе, дошедшей до нас в латинском переводе с разоблачающим названием «Ответы на вопросы, заданные царем персов Хосровом», царь проводил со своими гостями дискуссии о природе души, ее отношении к телу и судьбе после смерти, о снах и видениях, а также о важных предметах географии и антропологии[96]. К сожалению, это интеллектуальное любопытство сочеталось с тираническим и довольно жестоким чувством юмора, как сообщают персидские и греческие источники[97].

Каким бы ни было объяснение их желания вернуться домой, философы, похоже, решили сделать это в относительно короткий срок после прибытия в персидскую столицу, в то время как царь, по-

---

[93] *Schwartz E.* Acta Conciliorum Oecumenicorum II.1.3. 1935. P. 25; II.3.3. 1937. P. 30. Для ссылок, иллюстрирующих язычество Харрана, см. JHS 113, n. 173.

[94] См, Proc. BP II.23.7; *Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides, 361-362.

[95] Агафий (II, 28) дает следующий перечень чтения Хосрова: «он насыщен учениями Платона, сына Аристона, так что от него не ускользнули ни Тимей, хотя последний весьма богат геометрическими теориями и исследует движения природы, ни Федон, ни Горгий и никакой другой из красивейших и труднейших диалогов, такой, скажем, как Парменид». О более общем интересе Хосрова к греческой философии см. *Zeller-Mondolfo* VI, n. 111 (p. 227-228).

[96] Priscianus. Solutiones eorum de quibus dubitavit Chosroes Persarum rex // CAG Suppl. 1.2 (I. Bywater). 1886, 41-104.

[97] Об интеллектуальном любопытстве Хосрова: *Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides, 427-431, и более новая работа: *Garsoyan N.* Byzantium and Sassanians // Cambridge History of Iran. III (1). 1983. 577; *Duchesne-Guillemin J.* Zoroastrian Religion // Ibid. 895. Об указанной жестокости см. анекдоты из коллекции *Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides, 374-376б 381-383; Procop. BP I. 23. 12-29; II. 11. 36-38; 17. 11-12; Agath. IV, 23.

видимому, обсуждал с ними наиболее удовлетворительное долгосрочное решение проблемы того, как и где они могли бы наилучшим образом вести свой привычный образ жизни. Решение, которое они придумали, было самым проницательным из возможных, и, похоже, Дамаский способствовал не только его разработке и реализации, но и завещанию его потомкам.

Когда Хосров Ануширван был готов подписать Вечный мир с Юстинианом (сентябрь 532 г.), Дамаский подготовил положение о привилегиях для себя и своих коллег. Переданное византийским историком Агафием, это положение, вкупе со всей историей путешествия философов в Персию и обратно уже давно заинтриговало ученых своим происхождением. Более ста лет назад опытный глаз Эдуарда Целлера распознал в нем стиль Дамаския[98]; впоследствии Эврил Кэмерон упомянула в своих исследованиях Агафия его «детальное знание всего этого дела, которое может быть получено только из информации от одного из самих этих философов», и уместно указала на тот факт, что Агафий включил в свой Кикл погребальную эпиграмму Дамаскию, хотя она также отметила, что «Дамаский должен был быть очень стар, а Агафий очень молод, если бы они когда-либо встречались». Наконец, в следующем шаге своей интуитивной логики Кэмерон провозглашает, что Агафий должен был видеть «сочинение, в котором один из них (философов) описал свой опыт»[99]. Может ли быть так, что эта работа была «Философской историей» с послесловием о персидском приключении?

2. Сомнительный Харран

«Когда в это время римляне и персы заключили между собою договор о мире, то в условия мира было включено положение, что эти люди, по возвращении их к своим, должны жить в дальнейшем без всякой боязни и чтобы их не вынуждали изменять свои убеждения, принимать какие-либо верования, кроме тех, которые сами одобрят». Так сообщает Агафий о выполнении пункта, касающегося философов в Вечном мире 532 года[100].

[98] *Zeller-Mondolfo* VI, 228, n. 111.

[99] DOP 23-24. 1969-1970. 173-176; Agath. 102. Комментируя «ключевую фразу» he kratousa doksa, использованную Агафием в современном контексте, Алан Кэмерон уже предполагал, что «он нарисовал в этом сообщении персидское приключение, написанное одним из семи» его участников (Last days, 18).

[100] Agath. II, 31.

Как аргументировал Мишель Тардье в дискуссионной статье, в действительности было лишь одно место в христианской империи, которое идеально подойдет для такой идеальной жизни в интеллектуальном мире - город Харран[101]. Для этих людей преимущественно восточного происхождения, как предполагает их этническое описание[102], этот культурно неоднозначный, но решительно языческий город сочетал в себе благоприятный интеллектуальный климат с безопасностью, подразумеваемой в непосредственной близости от границы с Персией. В этой связи, анекдот, сообщаемый Прокопием, может быть богаче по смыслу, чем может показаться на первый взгляд: в 540 г., когда Дамаския, возможно, уже не было в живых, Хосров посетил многие приграничные города в ходе военной кампании, которые были покинуты в этой области из-за беспорядков, ведя за собой множество заключенных. Везде он либо брал деньги в обмен на заключенных, либо убивал их, иногда даже после получения выкупа. Но в Харране, где его, возможно, встретили его бывшие гости, он с негодованием отверг предложение о выкупе, «потому что большинство не было христианами» и, похоже, вернул заключенных типичным жестом царского покровительства по отношению к его долгожителям-протеже[103].

Можно пойти настолько далеко, чтобы предположить, что Дамаский, восстановивший Академию как официальное учреждение в Харране, может противоречить эпиграматическому выражению eph heautous в пункте о мире, который можно перевести «как частные лица». Но в случае с академиками трудно провести грань между «частными» и «общественными» занятиями.

Защищенные имперским законодательством и вдохновленные дружественной средой, неоплатоники, кажется, оплодотворяют местные интеллектуальные и культовые традиции важными и далеко идущими путями[104]; хотя в том, что касается личной судьбы Дамаския, его отказ принять события фаталистическим образом означал, что по доброй воле судьбы последние диадохи Академии могли умереть в его родной Сирии.

Погребальная стела, датированная 538 г. и открытая в 1925 г. в Эмесе (совр. Хомс), содержит следующую эпиграмму, также известную из Кикла Агафия как составленную Дамаскием[105]:

---

[101] Sabiens coraniques et «sabiens» de Harran // Journal Asiatique. 274. 1986. 1-44.

[102] Agath. II, 30.3.

[103] Procop. BP II.13.7.

[104] Как утверждается в JHS 113, 26-29.

[105] Anthol. Gr. VUU.553; *Jalabert L., Mouterde R.* Inscriptions grecques et latines de la Syrie. V. 1959. 155 (№ 2336). Надпись, приведенная здесь, сообщает об эпиграмме от

Я, Зосима, кто прежде была рабой лишь телом,
теперь получила свободу и для моего тела.

Отмечая свободный дух рабыни Зосимы, которая, возможно, была ближе к ее хозяину, чем просто слуга, эпиграмма, в то же время, свидетельствует о непредвзятости и все еще активном духе Дамаския, когда теперь ему было за семьдесят и в его родной Сирии.

VII. Вакх

Мы не можем сказать, почувствовал ли Дамаский при приближении смерти, что должен вернуться домой, и покинул Харран, чтобы отправиться в не менее святой город Эмеса, из которого происходили предки Ямвлиха. Свидетельство, представленное погребальной эпиграммой, безусловно, является указанием в этом направлении. Что еще более важно, однако, - в этой жизненной и философской карьере он достиг замыкания круга способами, которые выходят за рамки топографического и даже личного.

Когда Дамаский обратился к философии, на неоплатонической сцене доминировал в течение полувека один человек: Прокл. Будучи навязчивым писателем, парадигматическим святым, мудрецом и лидером языческого сообщества, каким он выходит из биографии Марина, Прокл не испытывал затруднений в распространении в своих объемных трудах своего собственного взгляда на ямвлихов платонизм как на официальную версию[106]. Те, кто следовал за ним, придерживались его интерпретаций с религиозным почтением, за исключением двух замечаний Симпликия: «Асклепиодот, лучший ученик Прокла, и наш Дамаский. Первый восхищался новыми идеями благодаря своему необычайному интеллекту; что касается Дамаския, то он, не колеблясь, противостоял многим доктринам Прокла из-за его вкуса к тяжелой работе, а также его уважения к теории Ямвлиха»[107].

Как мы уже видели, взгляд Дамаския на «оригинальность» Асклепиодота был менее комплиментарен, чем взгляд его ученика[108]. «Инновационный» Асклепиодот, не дополняющий теологию и слишком буквальный в этике, представляет для Дамаския крайний случай среди тех, кто игнорировал или извращал платоновскую доктрину. Но

первого лица (говорит сама Зосима, как обычно на могильном камне), в отличие от версии Кикла Агафия, в которой говорит Дамаский.

[106] См. статьи Афанассиади в JRS 83. 1993. 115-130 и JRS 85. 1995. 244-250. К собранным там свидетельствам следует добавить свидетельство Пселла о превосходстве Прокла: Chron. 6.38.

[107] CAG IX, 795, 13-17.

[108] См. р. 37.

его вклад в философию считался настолько поверхностным, что считался недостойным любой попытки опровержения. Напротив, Дамаский чувствовал, что передача Сирианом, и особенно Проклом, мыслей Ямвлиха, была слегка ошибочной и, как таковое, - исключительно вредной. Дамаский, в общих чертах придавая в своих полемических целях этим двум людям облик «философов», систематически опровергал их теории, пытаясь реабилитировать «истинного Ямвлиха», воспринимая себя как его естественного истолкователя и философского наследника.

По словам Л. Вестеринка, научное достижение Ямвлиха состояло в том, чтобы «сделать веру Плотина в превосходство интуиции обоснованием руководящего принципа нового системного подхода к Платону. (…) Интуиция, которая является высшей формой зрения, не идет от точки к точке, но имеет единое видение структуры всей реальности. (…) Вдохновенный мыслитель, с его высокой точки зрения, сможет различать одни и те же основные модели повсюду. Он найдет во всей совершенной литературе (будь то Платон, Халдейские оракулы, Орфей или Гомер) безошибочное отражение всего трансцендентного, физического и морального мира»[109]. Это именно то, что Дамаский пытался показать, постоянно ссылаясь на тезисы Ямвлиха. И все же нельзя недооценивать оригинальность его собственной мысли.

В то время, когда самые революционные идеи могли быть представлены только как схолии к классике, Дамаский верно следовал тенденции, установленной его великими предшественниками, Плотином и Ямвлихом.

Таким образом, его систематическая работа «О первых принципах», которая пытается обосновать подлинность языческого монотеизма, в то же время, излагая философию языка, представляется на схоластическом уровне попыткой очистить ямвлихов платонизм от любых новаторских толкований[110].

---

[109] *Westerink L.G.* The Greek Commentaires on Plato’s Phaedo I: Olympiodorus. Amsterdam, 1976. P. 15. См. также: *Shaw G.* The mortality and anonymity of the Iamblichean soul // Syllecta Classica. 8. 1998. P. 177-190.

[110] Princ. III, 119,6: «Мне было бы стыдно за божественного Ямвлиха, если бы я каким-либо образом изобрел эти предметы». *Combes* (II, 215, n. 3) выдвигает правдоподобную гипотезу о том, что многие элементы «Халдейского богословия» Ямвлиха были интегрированы Дамаскием в его трактате «О первых началах». Действительно, он описывает весь первый том как «критическое обоснование доктрины о том, что невыразимое трансцендентно одному и тому же и трансцендентно следующей триаде», что по его свидетельству было истолкованием Ямвлиха, не принятым Проклом и не очевидным из De Mysteriis.

В процессе этого Дамаский предстает яростным исследователем – aner zetetikotatos[111], как превосходный логик и мастер диалектической игры[112]; но, в то же время он, кажется, полностью и постоянно осознает фундаментальную платоновскую дихотомию между человеческой наукой диалектики, которая использовала ограниченный и ограничительный (а также излишне сложный) путь доказательства[113], и небесную интуицию, которая позволяет нам, если не понять, по крайней мере, угадать невыразимое[114]. Зная, где кончаются познание и категоризация, и начинается интуитивное понимание, Дамаский интерпретирует в халдейских терминах теологии греков и варваров[115] таким образом, который явно расходится с теологией Прокла.

У Дамаския также было острое чувство как истории, так и трагедии. Подобно Плотину, который часто использовал свое понимание современных реалий как позицию, с которой можно начинать метафизические разработки, он использует свою чувствительность как историка и поэта таким образом, который наделяет его самые абстрактные размышления остротой и непосредственностью[116].

Не полностью понятый своим лучшим учеником Симпликием, игнорируемым в Византии, презираемым великим исследователем неоплатонизма Вильгельмом Кроллом и объявленным непостижимым Эдуардом Целлером[117], Дамаский недавно стал объектом пристального внимания и интереса.

---

[111] Как понял его ученик и товарищ по изгнанию Симпликий (CAG IX, 624, 38), который, тем не менее, счел его слишком трудным для подражания: ср. i.a. CAG IX, 625-2: to kainoprepes tes hypotheseos из трактата Дамаския, шокировал Симпликия; и ibid. 775, 32.

[112] См. превосходный анализ мыслей и методологии Дамаския у M.-C. Galperine в его введении в перевод De principiis, 23-97. Такая же оценка методологической тонкости и оригинальности Дамаския у *Combes*. Princ. I, p. XXIV-XXVI.

[113] Princ. I, 9,23 - 10,10.

[114] Ср. пронзительный крик Дамаския (I, 66, 18-19; ср. I, 5,4 след.; III, 92, 1 след.). Из своего «дислоцированного» (бесприютного) состояния душа выдвигает «божественный принцип за пределами всего» (I, 4, 13) и даже может быть удовлетворена видением сфер, лежащих за пределами разума (II, 33, 23 - 34, 8).

[115] Орфическая, персидская, вавилонская, финикийская и египетская теологии (как передано соответственно несколькими версиями орфических гимнов, Евдемом, Мосхом и его собственными современниками, Асклепиадом и Гераиском) анализируются Дамаскием в его Princ. III, 159-167.

[116] См. анализ этого процесса в: The Chaldaean Oracles: theology and theurgy // *Athanassiadi P., Frede M.* Pagan Monotheism in Late Antiquity. Oxford, 1999. P. 164-166.

[117] О замечаниях Симпликия см. прим. 111. Замечательный манускрипт Marcianus graecus 246, который сохранил «De primus principiis» и «In Parmenidem», был предварительно атрибутирован Комбе Льву Математику или Льву Хиросфакту в силу важных схолий, которые даны рукой переписчика (Princ. I, p. LXXIII-LXXX); первым из известных владельцев рукописи был Виссарион, который аннотировал ее, и справедливо

Причину внимания, проявленного в последнее десятилетие XX в. к его очень трудной, а порой и весьма разочаровывающей, философской работе, можно искать в смысле чувства трагедии у Дамаския и его схожего осознания того, что, стоя на границе древней традиции, гибель которой он страстно пытается задержать, он также открывает новые философские основы в самом названии этой традиции.

Из двух путей к спасению - параллельных, но идущих в противоположных направлениях - Дамаский предпочел философское, а не теургическое[118], как он часто заявлял, однако он знал, что идеал заключался в их слиянии. Как он выразился[119]: «Есть те, кто предпочитает философию, например, Порфирий, и Плотин, и многие другие философы, и те, кто предпочитает теургию, например, Ямвлих, Сириан, Прокл и остальные иератики». Этот известный отрывок, найденный в записках одного из его учеников, редко цитируется с его заключительной изюминкой: «Но Платон, понимая, что сильные аргументы могут быть выдвинуты с обеих сторон, объединил их в одну правду, назвав философа Вакхом. Действительно, если бы человек, освободившийся от бытия, стоял бы посредине, он притянул бы обоих к себе. И все же ясно, что он называет философа Вакхом в желании возвысить его, так же, как мы называем Нус богом или физический свет духовным светом».

Дамаский знал, что ему не дано было достичь этого совпадения, но он почувствовал это в Исидоре, который, потратив годы на обучение по обычным учебным программам, закончил не столько отказом от, сколько пересмотром традиционных инструментов культуры. Как и его прототипу, городскому отшельнику Сарапиону, Исидору «не нравился пузырь ручьев, который вызывает множество мнений, а не мудрое мышление» (35A); он появляется из книги Дамаския как анти-тип Асклепиодота, пародии на эмпирика, который сделал 220 проб, чтобы вернуть утраченную музыкальную гамму (85B) и остался безвозвратно

предположить, что между его производством в IX веке и повторным появлением в XV, кодекс не использовался, за исключением, возможно, Пселла (ibid, p. XXVIII-XXIX, LXXXII); современную ей Marc. Gr. 196, в которой сохранились «In Phaedonem» и «In Philebum», похоже, постигла та же участь. G. Kroll (De oraculis chaldaicis. Breslau, 1894. P. 10, n. 2) жалуется на отсутствие оригинальности у Дамаския в довольно сильных выражениях, когда он ссылается на его ingenii sterilitas. Он даже еще грубее относится к редактору Дамаския, Ruelle (nihil fere intellexit: c. 8, c. 2), издание «Первых принципов» которого вышло в 1889 г. Об осуждении Целлером Дамаския, которого он считает ответственным за «обломки неоплатонизма», см. *Zeller-Mondolfo* VI, 210-218.

[118] См. 4 и 88A с соответствующими примечаниями; ср. 150.

[119] In Phaed. I. 172. О Гераиске как о Вакхе – 76A.

укоренившимся в видимом мире, пытаясь понять, что лежит за его пределами, по аналогии, а не интуиции.

Даже более полно, чем его учитель Гераиск, Исидор реализовал «вакхическое» состояние, ожидаемое от истинного философа.

ФИЛОСОФСКАЯ ИСТОРИЯ. ВВЕДЕНИЕ

I. Литературный жанр

После вступления в должность наследника Прокла в качестве главы Академии в 485 г., Марин создал элегантную агиографическую работу под названием «Прокл, или О счастье». Дамаский принадлежал к той же традиции. После того, как он предложил в качестве платоновского диадоха Феодору, ученицу Дамаския и Исидора - и, подобно Ямвлиху, наследницу царского дома Эмесы, - она подошла к нему вместе с другими и специально попросила его написать жизнь эксцентрика Исидора, который, возможно, никогда не был полноценным диадохом[120]. Согласившись, в своей манере, в соответствии со школьными обычаями и уступив их просьбе, Дамаский, похоже, дал альтернативное название «Жизнь Исидора» великой работе с неясной просопографией, которую он имел в виду под двусмысленным названием «Философская история». И еще одним нетрадиционным жестом, которым он выразил свою привязанность к своей ученице, одновременно ссылаясь на свою солидарность с Ямвлихом, он посвятил книгу ученой и благочестивой Феодоре.

П. Афанассиади уже пыталась, если не определить жанр, иллюстрируемый «Философской историей» Дамаския, то хотя бы проследить литературное происхождение этого названия[121]. Это упражнение, которое проливает некоторый свет на особую традицию, в рамках которой Дамаский составлял свой текст, никоим образом не может объяснить масштаб работы, возникающий из уцелевших фрагментов. Структура книги (которая так раздражала Фотия, который смотрел на него с точки зрения биографии), начинает становиться очевидной, только если кто-то готов поместить ее в свое время и попытаться понять решающую роль, которую играет прием отступления в его избыточной схеме[122]. Даже то, что сохранилось от первоначального Дамаския, неоднократно указывает на то, что он отступал и должен «вспоминать аргумент, который отклоняется от его предмета»[123].

---

[120] Специфическая просьба может рассматриваться в качестве еще одного доказательства, подтверждающего тот факт, что Исидор не был предшественником Дамаския.

[121] См. p. 39-40.

[122] Фотий не смог понять сложный характер книги как летописи, перемежающейся с незначительными жанрами patria и paradoxa, и, следовательно, нашел использование отступлений в тексте Дамаския оскорбительным (Test. III, 21).

[123] 5А; ср. 78F, 103А, 116А.

Обычно отступление состоит из анекдота, просопографического или исторического, или из мифологического экскурса, связанного с каким-то городом или местом. Действительно, неотъемлемая часть этой книги представлена патриографическим жанром, который здесь действует как составная часть большего целого, как можно было бы ожидать от хроники VI века.

Согласно определению, предложенному Судой, patria имеет дело с аспектами народной культуры в связи с конкретными городами или местами[124]. В сочинении Дамаския, как и у его современника Малалы, можно найти основополагающие мифы, описания памятников (экфрасисы) и описания местных обычаев и традиций. Причину для включения подобного материала в сочинение типа «Философской истории» легко понять: если осознание перемен заставляло христианских современников Дамаския пытаться сохранить как можно большую часть ткани прошлого[125], то у него самого были дополнительные причины чувствовать, что традиция, к которой он принадлежал и которая была призвана увековечить, «теперь стоит на острие бритвы»[126].

С позднеантичным жанром patria тесно связан жанр paradoxa с его двойной принадлежностью к чудесам святых и чудесным рассказам, которые оба должны были превратиться в основные жанры, захватив средневековое воображение на Востоке и на Западе.

Дамаский действительно создал самостоятельное сочинение по парадоксографии, где собрал 572 чудесных истории, разделенные на 4 книги в соответствии со своей типологией чудесного и необычного[127]. В «Философской истории» мы не только встречаем чудеса и монстров

---

[124] Suda IV 69, 4.

[125] Хорикий Газский озадачил Фотия, потому что, несмотря на то, что он был христианином, он включил в свои рассказы «мифы и истории эллинов» (Bibl. Cod. 160).

[126] Об этом выражении см. 150. В этой связи следует упомянуть, что младший современник Дамаския Христодор Коптский, написавший книгу о учениках Прокла (см. p. 257, n. 278), также составлял значительную часть patria для Константинополя, Фессалоники, Афродисии, Наклы, Тралл, Милета и Афаки (Suda IV 827, 5). О превосходном изучении патриографического жанра, который составляет жизненно важную часть византийской устной и письменной культуры с VI по X в., см.: *Dagron G.* Constantinople imaginaire: Etudes sur le Recueil des Patria. Paris, 1984, passim, а краткий анализ – на p. 10-19. Комментируя восхищение произведениями искусства из языческого прошлого византийцев раннего средневековья, Дагрон уместно отмечает: «Это светское искусство возвращает (...) или даже приобретает магическую ценность, которая старательно пытается заставить потерять икону» (134).

[127] Phot. Bibl. Cod. 130; см. p. 93. Это можно прокомментировать следующим образом: «Фотий, очевидно, презирал мусор, собранный неоплатонистским философом Дамаскием» (*Wilson N.G.* Photius: the Bibliotheca. L., 1994. P. 12) в связи с содержанием Cod. 130, отражая что-то из непонимания Фотием части культурной традиции, в которой он находился, что также не помогает нам понять Дамаския или его эпоху.

из личного опыта автора, но мы слышим, как он рассказывает фантастические истории, часто в стиле оригинального рассказчика, и описывает людей и животных, которые направляют нас в мир «Тысячи и Одной Ночи»[128].

Patria и paradoxa, которые перемежают «Философскую историю» в образе анекдотов, наделяют ее народными штрихами, даже устной речью, которая имеет свой просопографический аналог в сплетнях о риторах, философах и политиках.

Если собрать кусочки мозаики, оставленной Плотином и Судой, то все больше видно, как весь этот разрозненный материал - patria и paradoxa, жизнь языческой интеллигенции на фоне гонений и мученичества, история преемства Платона и история обращения Дамаския в философию - сформировало больше органического целого, чем когдалибо прежде.

II. Передача текста

В IX веке патриарх Фотий читал книгу Дамаския и был и сокрушен, и оттолкнут им. Возможно, Фотий чувствовал, что он не может дать краткое изложение столь сложной и многоуровневой композиции, и, соответственно, он скопировал слабо связанные или совершенно не связанные отрывки[129], которые предлагают конкретную, но слишком часто разочаровывающую информацию о людях и ситуациях. Тем не менее, в то же время, очарованный лингвистическим руководством того, кого он считал основным прозаиком[130], после того, как он закончил копировать текст для доксографических целей, он вернулся к началу и выбрал «те отрывки, которые были опущены, но должны быть включены в отбор из-за их элегантного языка»[131]. В издании

---

[128] Два поразительных примера касаются историй, рассказанных Евсевием в Гелиополе (138) и (вероятно) священником Эшмуном в Берите (142B). В обоих случаях Дамаский, кажется, воспроизводит простой стиль повествования восточных священников, от которых он слышал эти истории.

[129] Схема применяется к более поздним кодексам Myriobiblos, или Bibliotheca. Из 280 кодексов, которые его образуют, первые 234 представляют собой систематизированные описания прочитанных книг, в то время как остальные 46 образуют несвязанные выдержки. К сожалению, Cod. 242, который представляет «Философскую историю», частично представляет собой несвязный текст.

[130] В Bibl. Cod. 166, 111b, 32-35, Фотий дает колонки текста Дамаския наряду с текстами Лукиана, Лукия Патарского, Ямвлиха романиста, Ахилла Татия и Гелиодора; ср. Cod. 130.

[131] Bibl. Cod. 242б 349b, 13-14 (Ф 230). Та же схема в Cod. 241 имеет дело с «Жизнью Аполлония Тианского» Филострата. По Лемерлю, 169, первая часть Cod. 241 связана с mirabilia, скопированной самим Фотием, тогда как вторая часть с изящными

Бюде «Библиотеки» Фотия эти стилистические выдержки охватывают десять страниц, остальные тридцать девять[132].

Тем не менее, несмотря на обилие цитат, невозможно разобраться в этой эпитоме, даже если рассматривать ее в сочетании с Cod. 181, который действительно является рецензией на книгу, полную биографической информации и проницательных комментариев[133]. В нем Фотий рассказывает нам, что он читал «Жизнь Исидора», название, актуальность которого он оправданно оспаривает, отмечая, что Дамаский «не так много описывает жизнь Исидора, как многие другие люди, как его современники, так и его предшественники». Еще одно критическое замечание касается длины книги в связи с литературным жанром: это biblion polystichon не менее чем в шестидесяти главах, слишком длинный и слишком высокий по тону для простой биографии; кроме того, его величественный стиль - не стиль биографа, а скорее «подходит для законодателя или правителя»[134].

Третий пункт, не имеющий отношения к вышесказанному, касается сверхкритического и часто саркастического тона, который Дамаский принимает во внимание при просмотре своей человеческой галереи, среди которых Исидор - Фотий, потрясенный замечанием - не является исключением. Таковы подсказки, предложенные нам Плотином.

Другой наш источник – энциклопедия X века, известная под названием Суда. Ее эксцерптор прошерстил книгу Дамаския, которую он неизменно называет «Философская история», имея в виду одну проблему: найти материал для лексикона. Собрав под отдельными заголовками всю информацию, касающуюся отдельных лиц, он составил около пятидесяти биографических заметок, длина которых варьируется от нескольких строк до нескольких страниц. Делая это, анонимный эксцерптор, вероятно, предложил нам более верное воплощение академического Дамаскиева «Кто есть кто», нежели Фотий. В то же время, однако, он не забыл другой основной объект лексикона - его чисто лингвистическое измерение - и, соответственно, он искал в «Философ-

---

выдержками может быть работой секретаря, который скопировал бы отрывки, выбранные Фотием, когда он читал. Я не вижу причин для такого предположения.

[132] Cod. 242, 231-312, vol. VI, p. 47-56; Cod. 242, 1-230, vol. VI, 8-46. Текст Фотия дошел до нас в двух рукописях (кодексах) – Marcianus graecus 450 (A) X века и Marcianus graecus 451 (M) XII века, которые независимы друг от друга. О деталях рукописной традиции см. *Henry R.* Photius, Bibliotheque I, p. XXVII-XXXV и *Schamp*, 27-29.

[133] Test. III. Как уместно замечает Шамп, Фотий – творец «литературного жанра, который частично устанавливает форму критического сообщения» (25).

[134] Не много доказательств этого стиля можно найти в том, что сохранилось в PH. Возможно, нелюбовь Фотия к нему была настолько сильна, что это обусловило его работу в качестве эксцерптора.

ской истории» своеобразные употребления, интересные конструкции и изящные фразы. Примерно такой же общей длины, что и Фотиева эпитома, отрывки из Суды частично совпадают и частично дополняют текст патриарха. Взятые вместе, два отрывка предлагают нам ценные подсказки к стилю, намерению и окружению «Философской истории», в то время как их несоответствия позволяют нам увидеть тип и степень искажений, которым подвергся оригинальный текст от рук Фотия и анонимного лексикографа.

III. Современные исследования

Загадки, возникающие из-за упущений и искажений в тексте Дамаския, стали предметом размышлений для нескольких современных ученых, а попытки реконструкции текста предпринимались с середины XIX века. Самой оригинальной из них была та, что предпринял Рудольф Асмус, который в первые годы XX века произвел из хаоса фрагментов Фотия и Суды более или менее последовательную историю. В двух научных статьях Асмус собрал определенные (и не очень определенные) фрагменты Суды, сопоставил их, разделил и окончательно организовал их вокруг фигуры Исидора[135]. Затем, используя первую эпитому Фотия в качестве основы, он интегрировал вторую эпитому Фотия и отрывки из Суды, продвигаясь вперед и создав привлекательный том на немецком языке без дальнейшей ссылки на свои греческие источники[136]. Этот элегантный перевод дополняется комментариями, выделенными курсивом, которые заполняют пробелы, оставленные ловким человеком, если слишком интуитивен выбор и сопоставление фрагментов.

Группируя свои свидетельства вокруг Исидора, Асмус невольно затенял структуру текста, скрывал его цель и, прежде всего, ужесточал отношения между Дамаскием и его наставником. Вбросив фрагменты в форму биографии[137], он попытался провести подробное сравнение «Жизни Прокла» Марина и «Жизни Исидора» Дамаския, которую он рассматривает как «философский канон», находящийся под сильным влиянием работы Марина как по форме, так и по содержанию[138]. Чтобы быть справедливым, во всех этих отношениях Асмус был воодушевлен академической ортодоксальностью своего времени и личным

---

[135] Zur Rekonstruktion von Damaskius Leben des Isidorus I – II // BZ. 18. 1909. 424-480; BZ. 19. 1910. 265-284.

[136] Das Leben des Philosophen Isidoros von Damaskios aus Damaskos. 1911.

[137] BZ. 19. 268-279.

[138] BZ. 18. 475-477.

опытом; поскольку, как немецкий профессор своего поколения, он понимал научную идентичность как творческую и исключительную связь между учителем и учеником, то в этой связи, по крайней мере, немецкий академический дух начала XX века существенно не отличался от позднеантичной идеологии и практики. В самом деле, со времени Порфирия и Григория Тавматурга для ученика, унаследовавшего миссию своего учителя, был обычай отмечать свое достижение в Vita, традиции, которая стала рассматриваться как обязательство в неоплатонических кругах, как явно чувствовали Феодора и ее сокурсники[139].

Тем не менее, как было видно из сохранившихся фрагментов, «Философская история» была более масштабным проектом, чем простая Vita, и рассмотрение ее как биографии (как это делали и Фотий, и Асмус) усиливает его внутреннюю путаницу.

IV. Настоящее издание

1. Текст

Асмусова реконструкция «Жизни Исидора» была обвинена в неоспоримости, если не незаслуженной объективности, когда через 56 лет после ее опубликования, она послужила почти эксклюзивной основой издания греческого текста[140]. Что К. Цинтцен должен был добавить к материалу, собранному и упорядоченному Асмусом, так это фрагменты, приписываемые Дамаскию Адой Адлер в ее издании Суды. Поскольку Афанассиади не всегда согласна с классификацией фрагментов Асмусом - и, кроме того, два источника, из которых происходит «Философская история», легко доступны в соответствующих изданиях Анри и Адлера - она обратилась непосредственно к ним.

Когда Афанассиади попыталась восстановить текст, возникла серьезная проблема, связанная с методами эксцерпторов. В этой связи она справедливо предположила, что самые верные тексты взяты из второго конспекта Фотия и из чисто лингвистических уведомлений Суды. Напротив, можно сделать вывод, что в своем первом конспекте Фотий больше интересовался духом, чем буквой произведения, значением, а не просто словами; эта гипотеза должна также применяться к просопографическим статьям Суды, где материал часто извлекается из различных частей оригинала и сопоставляется анархическим образом с добавлением резюме. Однако эти правдоподобные предположения

---

[139] См. р. 58.

[140] *Zintzen C.* Damascii Vitae Isidori Reliquiae. 1967. Детальное обозрение: *Henry R.* RBPH. 1968. 853-858.

оказались неверными, когда началось сравнение параллельных отрывков из Суды.

Верность слову, а не фразе - не говоря уже о духе - оригинала, кажется, руководящим принципом Суды, и удивительно - то же самое верно для Фотия, который часто воспроизводит более буквальный текст в своем первом конспекте, а не во втором, с самоуверенной стилистической трактовкой.

Появившись с болезненной медлительностью, эти соображения постепенно привели Афанассиади к пониманию того, что не может быть разработана система для реконструкции текста Дамаския, и что каждый случай должен рассматриваться индивидуально. Она также поняла, что вводное слово hoti и глагол phesi у Фотия не являются гарантией дословного воспроизведения текста[141]. По этой причине она сохранила их на греческом языке, выделив их курсивом; однако, поскольку они ничего не добавляют к значению, она не перевела их.

Афанассиади также выделяла курсивом цитаты из Фотия и Суды всякий раз, когда была уверена в том, что говорил эксцерптор, либо обобщая текст Дамаския, либо комментируя его, либо выражая свои собственные взгляды, и она перенесла этот курсив в перевод. И все же достаточно часто у нее возникало ощущение, что она не сталкивается с собственными словами Дамаския, но, тем не менее, она не смогла доказать это с помощью объективных критериев; особенно в статьях Суды она часто узнавала плоский стиль лексикографа или комментатора. Во всех таких случаях она оставляла текст как есть, перенеся свои оговорки в сноску. Еще более проблематичными были те несколько случаев, когда ей представлялись две разные версии одного и того же базового утверждения, как в 4А. Во многих случаях она комбинировала варианты, рассматривая их как вероятные резюме утраченного текста Дамаския.

В своей реконструкции текста Афанассиади была консервативна. Подобно Асмусу (и Цинтцену), она рассматривала фрагменты первого конспекта Фотия (Ф 1-230) как хребет восстановленного текста, но позвоночник с несколькими отсутствующими или вывихнутыми костями; таким образом, в то время как Асмус и Цинтцен рассматривали фотиев порядок как абсолютную - почти метафизическую - концепцию, признающую только образец в самом конце (Ф 307-312), она обнаружила несколько случаев, когда порядок оригинала может быть рекомендован к изменению. Очевидный пример относится к инверсии

---

[141] *Treadgold W.* The nature of the Bibliotheca of Photius. Washington, 1980. P. 44, расценивает hoti как признак того, что Фотий не слишком внимательно следит за формулировкой оригинала.

фрагментов Ф 222, 223 (146А), что видно как из расположения частиц men/de, так и из параллельного текста в Суде. Другие случаи касаются Ф 79/78 (в 57С, 58D), Ф 105/104 (в 75А и 76В соответственно).

Тем не менее, хотя Афанассиади думала, что в этих нескольких случаях поменялся порядок фрагментов, в целом она выбрала, как и ее предшественники, связь с порядком Ф 1-230 и Ф 231-306[142]. Если бы она была достаточно смела, чтобы разорвать эту двойную цепь и значительные ограничения, которые он налагает, то несколько выдержек были бы размещены в другом месте, и поток повествования был бы более естественным. Имеется в виду случай, подобный Ф 25, который, кажется, принадлежит 9, 10 или 11, а не 27, где она была вынуждена поместить его. Но она не осмелилась сделать такой смелый шаг, и, следовательно, объединила второй Фотиев конспект (Ф 231-312) и статьи из Суды в рамках первого Фотиева конспекта, следуя подсказкам, оставленным Фотием, и с оговорками, изложенными выше.

Асмус имел тенденцию к фрагментации статей Суды в качестве принципа и для распределения их частей по нескольким местам в работе, иногда следуя указаниям, предложенным в эпитоме Фотия, но в других случаях заранее заданной схеме, которая, безусловно, логична, но не имеет каких-либо объективных основ в том, что сохранилось[143]. Типичный пример этого метода обеспечивается длинной леммой «Сарапион» (111), естественное место которого обозначено Ф 167. Ссылка на «Крониев» образ жизни Сарапиона была достаточной для того, чтобы Асмус поместил основную часть статьи (далее разделенную на несколько меньших фрагментов) ближе к началу работы из-за упоминания там о Крониевой жизни[144]. В этой инициативе за ним последовал Цинтцен, который соответственно пронумеровал фрагменты (33, 34, 39, 41). Действительно, при изложении методологических принципов, на основе которых он пытается реконструировать «оригинальный текст»[145], Асмус, кажется, вдохновляется подавляющей уверенностью в рациональности Фотия. Более того, то, что представляется в качестве

---

[142] *Hagg T.* Photios als Vermittler antiker Literatur: Untersuchungen zur Technik des Referierens und Excerpierens in der Bibliotheke. Uppsala, 1975. S. 192-194 и *Treadgold W.T.* (n. 155, 43) признают их за чистые эксцерпты (выдержки). Афанассиади согласна с оговорками, изложенными выше.

[143] Как хороший филолог, Асмус понимал техники компиляции и давал тщательный анализ методологии отрывка из Суды (BZ 18, 439, по лемме "Исидор", и BZ 18, 437-439, BZ 19, 266-267, для общих соображений); и, в то же время, думал о своей решимости перейти к тому, что он называет «растворение биографий Суды в их элементах» (BZ 19, 281), что приводит его к произвольным актам хирургии.

[144] BZ 18, 448.

[145] BZ 18, 443.

возможной или рабочей гипотезы в предварительных статьях, превращается в абсолютную уверенность в последующей «Жизни Исидора», где можно найти слишком жесткую схему.

Хотя иногда можно показать, что эксцерптор Суды собирал материал из разных мест, не следуя явно логическому шаблону, Афанассиади решила сохранить статьи из Суды в их первоначальном виде всякий раз, когда не видела объективной причины для их фрагментации. С другой стороны, что касается места фрагментов в тексте, то всякий раз, когда она не видела причин ни за, ни против распределения Асмуса, она одобряла его порядок, а не представляла новый, не более правдоподобный, отбор. Она должна признаться, что нашла невозможным игнорировать текст Асмуса. Действительно, если бы его реконструкция не существовала, она бы, возможно, отнесла бы к концу еще много неклассифицированных фрагментов и следовала бы другому порядку для других пассажей.

Как свидетельствует Фотий, «Философская история» была длинной книгой в шестидесяти главах. Асмус думал, что от того, что могло сохраниться, он имел примерно четверть оригинала. Однако, может быть, Афанассиади попыталась позволить единству материала проявиться, и разделила текст на 159 тематических единиц неравной длины, состоящих из одного или нескольких отрывков из Суды или Фотия, и последовательно пронумеровала их, указав их происхождение в конце каждого фрагмента.

В этой связи она могла только предположить, что некоторые из более длинных единиц могут составлять целую главу (например, 43, 51, 66, 108). С другой стороны, будучи привязанной, как она чувствовала, к порядку Фотия, она часто объединяла в одну единицу короткие, не относящиеся к делу отрывки, которые появляются последовательно в нашей Эпитоме и не имеют смысла, взятые вместе или по отдельности (75, 78, 79, 88, 144). И наоборот, когда предложение, каким бы оно ни было коротким, казалось, указывало на шаг вперед в общей истории, она сама включала его (напр., 44).

Она исключила много сомнительных фрагментов, особенно некоторые из более коротких, которые не оказывают существенной помощи в понимании текста, и сама добавила два (64 и 120А). Остаток она разделила на две категории в соответствии с их степенью подлинности - различие, которое накладывалось по мере моего продвижения в работе; таким образом, там, где никакая конкретная атрибуция Дамаския не засвидетельствована или не может быть получена из фотиевой параллели, но встречаются собственные имена, такие как Исидор, Гераиск и т.д., она ставила звездочку после буквы S в ссылках на Суду,

чтобы указать, что, хотя она не может быть доказана формальными средствами, можно предположить подлинность фрагмента. Когда, с другой стороны, звездочка предшествует букве S, претензия на подлинность опирается на более сомнительные мотивы либо стилистически-филологического, либо тематического порядка. Наконец, у Афанассиади есть серьезные сомнения в отношении приписывания Vaticanus 1950 fo 410 Дамаскию как protheoria текста[146], и поэтому она не воспроизвела его здесь.

Несмотря на исключение нескольких сомнительных отрывков и перестановку или сопоставление других, финал демонстрирует общее согласие с порядком, установленным Асмусом, чья исключительная филологическая проницательность должна восхваляться, особенно в свете неадекватных изданий, с которыми он работал. Если, однако, текст Афанассиади не представляет драматического контраста с тем, что установлено Асмусом, его интерпретация существенно отличается как в общем плане, так и в отдельных деталях; таким образом, девять разделов (I-IX), на которые Афанассиади делит произведение, и содержание которых кратко изложено на стр. 71-73, представляют его структуру в совершенно «небиографическом» свете.

2. Переводя «Философскую историю»

Язык и стиль Дамаския состоят из существенных противоречий, которые отражают как его характер, так и его схоластическое разнообразие. Профессиональный ритор со значительным поэтическим даром, принявший философию, Дамаский во всех своих сохранившихся текстах демонстрирует одинаковую несовместимость вкуса к экстремальному анализу и аллюзивности поэтической дикции.

Его стиль часто метафоричен до темноты, в то время как в других случаях он слишком явный и даже формульный, поскольку его текст изобилует стандартными цитатами из классических авторов по программе. На чисто лингвистическом уровне его знакомство с древними авторами, похоже, наделило его определенным традиционализмом, который вступает в противоречие с его темпераментом как человека действия и его необычайной приспособленностью к обстоятельствам и обстановке.

Человек, энергично вовлеченный в свое время, Дамаский полностью знал направления, в которых движется язык, и часто выбирает современное использование в семантических и даже синтаксических

---

[146] См. *Brinkmann A.* Die Protheoria zur Biographie eines Neuplatonikers // RM. 65. 1910. S. 618-626; *Zintzen*, p. 2-3.

терминах. Эта двойственность лингвистической верности автора становится более загадочной, если рассматривать ее в противовес фрагментарному характеру текста, который также был искажен многочисленными вмешательствами византийских отрывков.

Вот некоторые из трудностей, с которыми столкнулся Асмус, который работал не только с менее удовлетворительными изданиями оригинала, но также и во времена, когда изучение Поздней античности, и, в частности, идиом неоплатоников, еще не сформировало предмета систематического исследования. Справедливо сказать, что ему не оказали должного уважения за его двойное достижение: детективную и строительную работу, которую он выполнял с сочувствием и воображением, и элегантный и ясный немецкий, в который он превратил основную часть наших фрагментов[147].

Когда Афанассиади работала над текстом Дамаския, ее уважение к Асмусу росло вместе с чувством благодарности и солидарности. Действительно, его единственный серьезный недостаток связан с его неизменно классическим пониманием греческого языка Дамаския. Анри, с другой стороны, перевёл «Эпитому Фотия» на французский, похоже, основывая свой перевод на немецком Асмуса, иногда с комическими результатами.

В попытке Афанассиади скопировать текст на современный язык самое трудное соображение было сосредоточено на диахроническом характере греческого языка, поскольку в каждом случае необходимо было принять отдельное решение о том, каким образом (или какими образами) слово или фраза были использованы Дамаскием. Помимо этого беспокойства, ее руководящими принципами в переводе были - верность оригиналу и ясность, в то время как элегантность, к сожалению, иногда приходилось приносить в жертву.

---

[147] Заметным исключением является L. Robert, который сказал: «прекрасная работа по реконструкции и классификации Р. Асмуса» (BCH 101, 1977. 86, 65).

ДАМАСКИЙ. ФИЛОСОФСКАЯ ИСТОРИЯ. Перевод

Краткое содержание

I

Вступление

Египет и эллинизм: фр. 1-4

Египет и эллинизм. Под неоплатоновским покровительством египетская и греческая мифология, теология и ритуал смешиваются. Фундаментальный неоплатоновский миф о растерзании Диониса титанами сливается с национальным египетским мифом об Осирисе, который был разорван Сетом-Тифоном. Символизм, объясняющий страсти Диониса, драматизирует платоновское учение об уходе – движении – возвращении, и это напоминает о дихотомии единства-множественности, или о бытии-становлении, которое управляет человеческой жизнью, и об одинокой борьбе, которую каждая воплощенная душа должна вести, чтобы быть восстановленной в единстве; страдания Осириса, с другой стороны, намекают на коллективные бедствия человечества в целом, и «священного народа», в частности, в христианской империи.

II

Исидор: фр. 5-38

Темой книги, заявленной в гл. 5, является нисхождение души с небес на землю, от бытия до становления. Из-за ее осознания своей судьбы, душа Исидора связана с первым рангом людей, которые есть философы; в нем также есть дар пророчества. Далее следует несколько методологических замечаний о биографическом жанре. Среди людей, которых Исидор встретил юношами в Александрии, был Север, консул 470 г., и с ним вводятся две из основных тем книги, просопографическая и парадоксографическая. Далее следует описание Исидора от внешности до внутреннего человека; анекдоты, относящиеся к его жизни и карьере, и максимы, оживляющие его изображение, в то время как зачастую очевидно противоречивые утверждения Дамаския о своем учителе передают сложность его личности. Так возникает портрет истинного эксцентрика, противоречивой личности, как святого человека, так и интеллектуала.

III

Александрия: просопография и история: фр. 39-58

Александрия: просопография и история языческой общины с конца IV в., перемежающаяся двумя отступлениями (гл. 53 и 58), которые указывают на драматические события гонений на философов в 488 и 489 гг.

IV

Афины в 470-е гг.: фр. 59-70

Афинская интеллектуальная сцена 470-х гг. изображается на фоне мировой политики и культурной истории. Раздел открывается первым приездом Исидора в Афины для дальнейших философских занятий у Прокла где-то в начале или в середине 470-х гг.

V

Александрия в 470-е гг.: фр. 71-96

Возвращение Исидора в Александрию (середина или конец 470-х гг.). Здесь частично господствует Асклепиодот, чьи таланты, связи и путешествия возвещают решительно космополитическую атмосферу. Этот раздел также характеризуется повсеместным проникновением международной политики. Личность Пампрепия кажется крупной, в то время как неизбежные связи между его безоговорочной поддержкой язычества и финальным гонением в Александрии ярко выходят на первый план. Отсылка к начальным эпизодам конфликта между этими двумя общинами в Менуфисе предоставляет возможность для существенных вставок о поклонении египтян животным, о теологии, иконографии, символизме и иероглифах, которые могли инспирированы или, как минимум, испытать влияние личных интересов Гораполлона к этим темам.

VI

Золотая цепь: фр. 97-105

«Золотая цепь», или порочная борьба за платоновское наследие в начале 480-х гг., когда Прокл был еще жив, но был сражен старостью.

VII

Александрия в 480-е гг.: фр. 106-131

Александрия в 480-е гг. Люди и события по свидетельству Дамаския. Крон-Сарапион и Тифон-Пампрепий. Злополучный мятеж Илла и его последствия для языческой общины Александрии, где личное

соперничество и ненависть использованы монофизитским патриархом Петром Монгом. Описание различных этапов гонений 488-489 гг.

VIII

Обращение в философию: фр. 132-144

Обращение Дамаския в философию под покровительством Исидора и его окончательный отъезд из Александрии. Описание пути следования этих двоих вплоть до приезда в Афины: в Газе им помогает Антоний, которому Дамаский остается навсегда благодарен; затем они приезжают в Бостру, где встречают Дора и делают несколько экскурсий с ним, которые служат примером пристрастия всех этих троих к духовному туризму. Все они (далее) живут в Карии, но не перед посещением Дамаска, Гелиополя и Бейрута, где Исидора встречает неудача. Потратив некоторое время на Асклепиодота в Афродисии они высаживаются в Пирее.

IX

Афины «конца времен»: фр. 145-152

Упадок и интриги в платоновской школе.

X

Неопределенные фрагменты: фр. 153-159

I. Египет и эллинизм

1.

В том, что египтяне являются древнейшей расой, о которой мы слышали, никто не усомнится, достаточно узнавший из многих устных и письменных источников[148].

2.

A. Таким образом, мудрость такого рода, скрытая в святыне той истины, которая выражается в мифе, тихо и медленно открывается человеку, который может поднять к Богу священный свет своей души[149].

B. [Их жрецы] проводят тайные обряды в тайных местах способами, которые непостижимы и свободны от надежды на любую награду в этой жизни, в интересах их личной надежды на небеса и общего благополучия других египтян[150].

3.

A. Среди богов египтяне, в первую очередь, поклонялись Осирису и Изиде[151]. Они считали, что Осирис был универсальным творцом, упорядочившим материю по форме и количеству[152], и что Исида поливала и взращивала его творение, думая о бесчисленных связях вечной жизни[153].

---

[148] По Геродоту (II, 2), общее мнение о том, что египтяне были самой древней расой на земле, было пересмотрено во времена Псамметиха, который опытным путем показал, что это заявление должно быть отнесено к фригийцам. Другая традиция, поддерживаемая Аристотелем, представляет персидских магов более древними, чем египтяне (Diog. Laert. I, 8). Но Дамаский здесь отсылает к религиозным топосам, популярным среди философов со дней Платона (Tim. 22b для классической цитаты; ср. Crit. 108d). Буквальное значение слова opsimathes, которое здесь переведено как «невежественные», означает «поздно обученные» и имеет уничижительную коннотацию относительно культурных нуворишей (Theophrast. XXVII).

[149] Реминисценция платоновской аллегории пещеры, переданная посредством стенографической цитаты из Resp. 540a (ср. Damasc. Princ. I, 70, 17; 82). Мы имеем дело с неоплатоническим пониманием мифа (для стандартного определения см. Procl. In Remp. I, 73-79).

[150] Это обобщено в Iambl. Myst. X.6-7.

[151] О неоплатонической идентичности этих двух божеств как первого и второго принципов интеллектуальной триады в системе Ямвлиха см. *Asmus*. Leben. 141.

[152] Это платонические идеи и пифагорейские числа: Damasc. In Parm. 98, 4 ff.

[153] Поскольку эта фраза включает в себя два характерных халдейских термина (dzoe, ochetos) и представляет собой почти полную гексаметрическую строку, П. Афанассиади предполагает, что Дамаский мог ссылаться на халдейский оракул, который можно было бы восстановить следующим образом: (Isin te) aenaoy dzoes ochetois ametretois. Для интерпретации мифа в простых платонических терминах см. Plut. Is. 53-54, 64; а

В. Иные говорят, что это был Дионис; прочие же – что какой-то другой бог. Он был разорван на части демоном Тифоном[154]; это было причиной большой скорби для египтян, и его расчленение вечно ими вспоминается[155].

С. Осирис, Дионис[156].

4.

А. Теургия и философия не вытекают из одних и тех же принципов[157]. Философия нисходит от одной причины всего до самого низкого уровня существования через все промежуточные порядки - божественный, следующий по совершенству после божественного и, на так называемом третьем уровне, видимом[158].

Что касается теургии, которая является поклонением богам, то она связывает нити небесного спасения на третьем, перикосмическом

также Sallust. De diis 4, который следует за Плутархом, упрощая его. Верный этой «естественной» интерпретации мифов, Порфирий отождествлял Осириса как с творческим принципом, так и с водой (Нил): De imag. ap. Eus. PE III.11.51 (=fr. 360, 37ff.).

[154] Тифон был последним и самым страшным в серии монстров, которые бросили вызов правлению Зевса, и поэтому он оставался мощным символом сил зла (Damasc. In Phaed. II, 142). Подобно Титанам и Гигантам, которые предшествовали ему, он представляет в неоплатонизме аллегорию христианского беспорядка, особенно в его способности создавать путаницу, разгоняя ветры, которые вызывают разрушение и смерть (см. Hesiod. Theog. 869-880; Marin. VP 15: «Прокл должен переплыть через жизнь»). В настоящем контексте Тифон выделяется Дамаскием по сравнению с другими монстрами из-за его особой связи с Египтом: согласно легенде, когда олимпийцы ощущали его приход, они впадали в панику в Египте, где большинство из них принимало формы животных и пряталось в пустыне; только Зевс и Афина сохраняли свой первоначальный облик и преследовали монстра. Что еще более важно, Тифон был отождествлен с египетским Сетом, который убил своего брата Осириса, разорвал его члены и конечности и бросил его останки в Нил, загрязняя воду и воздух, пока Осирис не был отомщен его сыном Гором, восстановившим порядок на земле: ср. Diod. I.23.6-7, 17-18; Plut. Is. 13-19, 49, вместе с комментариями Гриффитса, p. 388-390; о живучести мифа: Nonnus I.481ff. О связи мифа о Дионисе и Титанах и его символике в неоплатоническом богословии см. Procl. In Remp. I, 174, 23 и особенно Damasc. In Phaed. I.1-13, который изучает всю предыдущую литературу по этому вопросу. Стоит отметить, что в Hermetica typhonios означает жестокое и лишенное логики (Herm. S XXV.8).

[155] Ссылка на разнообразие фестивалей и ритуалов в честь Осириса от времен фараонов до времени самого Дамаския, некоторые из которых были кристаллизованы в мистерии, исполняемые по всему римскому миру с 26 октября по 3 ноября; эти мистерии ознаменовывали цикл страстей Осириса и нахождение его членов (inventio) верующими: Plut. Is. 39.

[156] Это вполне может быть введение в 3В, слегка измененное копиистом Суды.

[157] О знаменитом различии между философами и иератиками см. Damasc. In Phaed. I.172 (цит. p. 57 Athanassiadi); cf. ibid. II.109.

[158] О мощном подтверждении этого: Iambl. Myst. VIII.3.

уровне, или же поколении[159]; она имеет свой корень в перикосмических причинах, а ее предмет - бессмертие души (на котором философия египтян одна и та же), бесконечное разнообразие судеб, выделенных в Аиде по добрым или плохим качествам, а также бесконечные изменения в жизни, как в разное время души обитают в разных человеческих телах или разных видах животных и растений[160].

Из всего вышесказанного ничто не является исключительным только для философов, с одной стороны [Средиземноморья]; так что легко, если хотите, приспособить греческие представления тому, чтобы они соответствовали прежним египетским. Египтяне были первыми людьми, которые философствовали об этих вещах. Действительно, от египтян пифагорейцы ввели во все эти вопросы греков[161].

B. «на третьем месте» вместо «в-третьих»[162].

C. И это будет слияние с божественным или, вернее, совершенным союзом, возвращение наших душ к Богу, поскольку они возвращаются и собираются после многократного разделения - можно даже сказать, после того, как их сдавали в аренду, когда, прилетев сюда и взяв земное тело[163], они были раздираемы отдельно от самих себя и разбросаны по разным местам через тупики, которые были понастоящему тифоническими, а в других отношениях титаническими - действительно не только как те, которые были введены Тифоном, но еще более извилистые, чем его[164].

II. Исидор

---

[159] Это действительно функция теургии - поднять душу в разумную вселенную с помощью «сетей» поклонения: Iambl. Myst. X.6. Фраза, следующая далее (это ... причины), которую П. Афанассиади рассматривает как приложение, может быть просто упрощением места Суды, которое ей предшествует.

[160] Здесь приводится пример того, как неоплатоники поглотили пифагорейскую эсхатологию; ср. Damasc. In Phaed. I.495.

[161] Замечание по строкам 1; ср. также Diod. I.96.3-4; Amm. Marc. XXII.16.20-22. О подлинном синтезе в религиозной сфере между греческой и египетской культурой в эпоху Поздней античности см. *Bowersock*. Hellenism, 55-59; JHS 113, 12; *Bagnall R.S.* Egypt in late antiquity, 323-325 (некоторые соответствующие замечания о культуре элит).

[162] Лингвистический комментарий Фотия.

[163] Человек был создан из пепла двух титанов, разрезав Диониса на части и пожрав его, впоследствии был сожжен молнией Зевса; таким образом человеческая раса обязана своим происхождением преступлению и наказанию, в то же время участвуя в божественном. Об интерпретации мифа Дамаскием см.: In Phaed. I.8.

[164] Реминисценция из Plat. Phaedr. 230f, где Сократ сравнивает себя с Тифоном, поскольку ему не хватает самопознания. Дальнейшую ссылку на этот же пассаж см. ниже 112 A. О неоплатонической интерпретации войны титанов: Damasc. Princ. 205, 210; Procl. In Crat. 55.5ff.

5

А. Но пришло время указать причину, по которой мы погрузились в это сообщение, а также вспомнить аргумент, который отвлекается от его предмета.

В. Слетев с небесного свода[165], она[166] присоединилась к земной жизни.

С. И я подумал, что он кричал, когда нисходил в рождение: «Я прибыл сюда из лучшего места»[167].

6

А. Но, возможно подумать, что, как гласит пословица: «Я пою песню блаженства»[168]. И действительно, было бы уместно спросить: «Как ты можешь доказать, друг мой, что твой философ произошел от этого чина душ»?[169] На эти слова я отвечу не в агрессивном духе, как в суде, а спокойно; не с усердием, которое стремится к абсолютной точности в аргументации, но в соответствии с правилами биографии, выдвигая только то, что я считаю правдой и то, что я услышал от своего хозяина.

В. Я подумал, что полезно избегать избытка обеих этих вещей, которые соответствовали древним сказкам, и адаптировать их[170].

7

Север был римлянином и имел по закону статус патриция[171]. Среди историй, которые он рассказывал, когда оба они жили в Александрии, была та, что он видел камень, на котором появлялись формы луны в ее различных фазах, которые порой росли, а порой уменьшались в зависимости их отношений с солнцем. Солнце также содержа-

---

[165] Этот отрывок ссылается на платоновское описание нисхождения душ в Phaedr. 246-248; обратите внимание, в частности, на выражение ten hypoyranion apsida (247 ab).

[166] Это может относиться как к душе Исидора, так и к аргументу книги.

[167] Ср. плач души, которая вот-вот будет заключена в теле в Herm. C. XXIII. 34-37 (из беседы Исиды и Гора, известной как Kore Kosmoy).

[168] То есть, «я говорю ерунду».

[169] Герметический порядок, о котором см. ниже, 13 и ср. 152. Неоплатоники верили, что перед своим происхождением души формировали группы под защитой отдельных богов, каждый из которых передавал им свою особенность: Proclus In Tim. III, 279 и 84E (согласно Исидору, душа Иакова был Асклепиевой). Прокл тоже был частью герметической цепи (VP 28); ср. его In Tim. II, 294.

[170] Это программное заявление, в котором обсуждалась методология в контексте литературного жанра, могло бы быть столь же правдоподобно помещено после 29A.

[171] Консул 470 г. и фаворит «греческого императора» Западной империи [Прокопия] Антемия (467-472 гг.): см. *Stein-Palanque* I, 393-395 и ниже, 51 и 77A. О характеристике анекдота, иллюстрирующего альтруизм Севера, см. Malchus, fr. 3.

лось в камне, поэтому эти камни обычно называют синодитами[172]. Он также говорил, что он видел солнечный камень, не такого типа, который видели многие из нас, проецируя золотые лучи из его глубины, но с диском в форме солнца, лежащим в центре камня и создающим впечатление огненного шара, из которого лучи выпрыгивали на самый край; ведь весь камень круглый. Он также видел лунный камень - не тот, который при увлажнении раскрывает полумесяц, и по этой причине его называют водно-лунным камнем - но тот, который по своей природе, как и когда луна меняется, является настоящим чудом природы.

8

А. Пока неясные и расплывчатые слухи распространялись ...

В. По общему мнению, египтянин умер, но ходили слухи о его освобождении[173].

9

А. И у Исидора сложилось впечатление, что он знает дело, но не хочет говорить.

В. Это также он утверждал, что наиболее ясно узнал из чудесного сна.

С. Великий Исидор[174] был столь ярким по природе и удачлив с пророческими снами, что мой собственный опыт исхода событий часто заставлял меня удивляться его способности в области гадания. Действительно, почти все александрийцы благословлены природой и счастьем в своих снах, и именно поэтому даже сейчас они называют сны «оракулами».

D. Казалось бы, это состояние не является результатом сознательных усилий; возможно, именно поэтому это происходит, особенно с незагрязненными [душами][175].

Е. Когда Исидор проснулся, невыразимое видение исчезло. Потому что он не был достаточно ярким и глубоким, чтобы оставаться светящимся и сиять, когда был омрачен соперничающим блеском разумных вещей. Но когда парализованное сном чувственное восприятие

---

[172] То есть, имеющим отношение к соединению солнца с луной.

[173] Ссылка может быть на Пампрепия; см. ниже 77CD, 112В и 115С с примечанием.

[174] Теофорное имя, означающее «дар Исиды», ср. ниже, прим. 333.

[175] Асмус связывает этот отрывок с 15А (BZ 18, 446-447). Слово akeratos в данном контексте – технический термин; Ямвлих использовал его в своем трактате «О душе» для описания состояния, которым наслаждается высший тип души, когда она входит в тело (Stob. I, 380, 23 и далее).

перестало быть активным, и душа отошла от этих вещей, то, изолировав себя и освободившись от всех препятствий, вездесущая внутренняя искра божественного была снова зажжена и излита изо всех сил, пока он наконец не ослепил сам мир иллюзий[176].

F. Поэтому он говорил о двойственной природе божественных видений - о том, что воспринимается чувствами, когда человек бодрствует, и о том, что исходит из воображения, когда человек спит, - и объявлял их обе правдивыми.

10

A. Гадание о будущем сверхъестественными средствами.

B. Все происходило для него согласно пророчествам.

11

И когда он был еще молодым человеком, с ним произошла необычайная вещь: сын его сестры, которому было восемнадцать лет, как и ему, и который с очень юного возраста проявлял удивительную силу, упал с крыши и немедленно скончался. Был большой траур по его смерти, но он часто появлялся перед Исидором во сне и утешал его.

12

A. Он искал избавления от переполненного потока[177] порождений.

B. Пренебрегая продолжением рода, Исидор постоянно расширял свою душу к Богу; и его никогда не видели и не слышали, за исключением одних и тех же слов на одни и те же темы: добро и зло.

C. Осуждая все чувства, он осуждал чувство осязания больше, чем другие, среди прочих, потому что оно действительно привязано к земле и прочно, тянет душу вниз к вечно текущему потоку порождений[178].

13

Внешний облик Исидора показывал его разумным, пожилым человеком, достойным и решительным. Его лицо было почти квадрат-

---

[176] О случаях, когда божественное видение вторгается в мир бодрствования, см. 96A и ср. 9F и 75B.

[177] Обратите внимание на халдейский термин ochetos, который также встречается в 3A и 12C.

[178] О «материальности» чувства осязания – Procl. In Tim. II, 90, 22.

ным, его божественным образцом был Логиос Гермес[179]. Что касается его глаз, то как я могу описать истинное очарование самой Афродиты, которая обитала в них, как я могу выразить саму мудрость Афины, которая была в них? Я никогда не перестану говорить, что они представляют собой невообразимо гармоничное сочетание противоположностей, стоящих на месте и, в то же время, оживленно движущихся. Как я могу описать, как они непрерывно двигались как в одной точке, так и вокруг нее, передавая одновременно достоинство и обаяние, глубокие и прямые, в зависимости от (его) желания[180]. Проще говоря, эти глаза были истинными образами его души, и не только души, но божественной эманации[181], обитающей в нем.

14

Его чувства были умеренно острыми, просто служа его потребностям; и не только чувства, но и восковая форма, которая есть воображение[182], не превзошла среднего по своей памяти и не была полностью свободна от забывчивости[183]. Кажется, что Бог хотел показать, что он был душой, а не комбинацией души и тела, и что он вложил философию в эту комбинацию, но утвердил ее только в душе. Я действительно случайно столкнулся с теми, кто внешне великолепен в своих богатых воспоминаниях о множестве теорий; в проницательной

---

[179] В очень интересном отрывке его «Комментария к Пармениду» Дамаский подчеркнул теологическое измерение геометрических фигур, ссылаясь на пифагорейскую практику, согласно которой конкретные геометрические фигуры были посвящены определенным богам, и приводит конкретную связь между Гермесом и фигурой квадрата (127). Агиографический топос, соединяющий Исидора с Гермесом, намекает на Прокла, который узнал из сна, что он принадлежит к «цепи Гермеса», а также то, что он обладал душой пифагорейца Никомаха из Герасы (VP 28); ср. выше, 6.

[180] Cf. 59A.

[181] Это ключевой неоплатонический термин, который проводит резкое отличие эллинистической от иудейско-христианской метафизики в акте творения, а не в процессе эманации. Как лаконично выразился Жан Труйяр: «Разница между процессией и творением заключается не в противопоставлении экспансии природы и личной инициативы, а в разнице между метафизической концепцией и психологическим выражением творческой свободы» (Procession neoplatonicienne et creation judeo-chretienne // Melanges Trouillard. 1981, 10).

[182] Ссылка на знаменитый платоновский пассаж (Theaet. 191c); более полный комментарий к этому загадочному выражению см. Iamblich. Myst. X.2.286.18 - 287.3. Согласно Проклу (In Crat. 67, 24 и далее), phantasia в смысле продукта воображения ниже, чем doxa, не говоря уже о episteme. В другом месте Прокл (In Tim. III, 286, 20 и далее) описывает фантазию как верхнюю границу нижней души. У Дамаския (In Phaed. i.111) фантазия является «последней одеждой и самой трудной для отбрасывания» на когнитивном уровне, как и амбиции на уровне аппетита.

[183] Обратите внимание на контраст с Проклом, чья сила памяти неоднократно восхвалялась Марином (VP 4, 5, 20).

гибкости их бесчисленных силлогизмов; в постоянной силе их необычайной проницательности. Все же внутри они бедны в вопросах души и лишены истинного знания.

15

A. Если его когда-либо видели в состоянии гнева или негодования, тем не менее, именно его суждение приводило к тому, что гнев следовал за ним[184]. Для него было невозможно вести себя мягким или бесстрастным образом, говоря о человеческом грехе. Чрезвычайно быстро совершая добрые дела, он еще быстрее осуждал порок; вот почему он часто вступал в конфликт со многими людьми, так как не мог замаскировать их зло; и при этом он не практиковал злополучную лесть вместо настоящей дружбы.

B. Он упрекал за ошибку, разоблачал несправедливость и мужественно сверял проступки с искренней отеческой откровенностью.

C. Он не таил строгого или обидного отношения к кому-либо.

16

A. Он давал лучшие советы и стимулировал своими словами тех, кто был вялым в действии, поскольку он считал лень столь же плохим, как и любой порок, и даже почти величайшим из них всех[185].

B. Никто из его друзей никогда не обвинял его в том, что он извиняется за нерешительность в трудную минуту или за бездействие, порождаемое ленью или трусостью[186]. Но он сам выдвигал такие обвинения против многих своих друзей.

C. Так наш философ страдал из-за своего желания исправить дела человечества, и его отвращения и непримиримой ненависти к злонамеренному поведению.

17

Хотя он был остроумным и бдительным, он, тем не менее, был способен на определенную доверчивость, и любой, кто притворялся порядочным человеком, мог легко обмануть его, поскольку он не доверял этой «порядочности» и подвергал ее строгому испытанию. Но

---

[184] Прокл описан в очень сходных терминах Марином VP 16.

[185] Ср. Marinus VP 16 о лени как об ужасном пороке. В митраистской шкале ценностей лень была последним и самым серьезным пороком, от которого избавлялись лишь полностью спасенные посвященные, оставленные планетарной вселенной для сферы неподвижных звезд.

[186] О словаре см. Plato Leg. 901e. Об отношении, 124.

человеку, который с самого начала вызывал подозрения, не удавалось поставить ловушку или сплотить заговор против него.

18

Он обычно говорил, что, так как душа имеет три части или типа (или, как бы ни было, кто бы ни выбрал назвать их), то также есть три различных пути жизни[187], каждый из которых содержит все три элемента, несмотря на это получающих свою общую форму от одного господствующего, который также дает им их имена.

Довод - это главное влияние первого из них, который мог быть назван «кроническая жизнь»[188], золотой народ или поколение, родственное богам, отмечаемое в виде мифов поэтами, устраивающимися на треножнике Муз.

Эмоциональные влияния были вторыми, которые нанимались на войны и битвы и вообще сражались за первые призы и славу, и которых мы все время слышим, о которых говорится историей.

Власть желания - третья, которая всецело растрачена, испорчена распутным желанием, господствующем основными и женоподобными мыслями, ассоциируемыми с малодушием, барахтающемся в свинстве всякого рода, жадном и ограниченном, требующем обеспечения рабства[189], не достигающем ничего благородного и свободного, подобострастном и слабом, измеряющем счастье в брюхе и наружных половых органах[190], всецело без величия духа; подобно телу, сваленному в угол, лежащему обессиленным и неспособным к движению.

И он показывает жизнь людей, которые сейчас эксплуатируют обстоятельства своего рождения[191], чтобы стать намного более фундаментальным, чем даже это[192].

---

[187] Πολιτεία означает и путь жизни, и государство. О классическом трехчастном делении души: Plato Resp. 435c ff.

[188] Антитеза между кронической и титанической жизнью - один из лейтмотивов книги (ср. Introduction, pp. 23-26). В своем Comment. Phaedro (1.9) Дамаский определяет титанический путь жизни как иррациональный: ή τισανική ζωή ̓άλογός ἐστιν ὑφ̓ ̓η ̃ς ̓ή λογική σπαράττεται. О философском анализе кронической жизни по контрасту с ней у других богов: Damascius In Parm. 218.

[189] Возможный альтернативный перевод: «только ожидание порабощения».

[190] Эта фраза - почти дословная цитата из Demosthenes (De cor. 296: τη ̃ͅ γαστρί μετρου ̃ντες καί τοι ̃ς ἀισχίστοις τήν ἐυδαιμονίαν). Отчасти неожиданно, Mendelssohn (который не знает фрагмент Дамаския) цитирует отрывок Демосфена как воздействие Zosimus IV.33.3 (запись ad loc., p. 188).

[191] Словарь является платоническим на протяжении всего отрывка; здесь это намекает на антитезу Бытие-Становление.

[192] Три вида жизни показывают мифическое прошлое, которое управлялось мудростью; исторические времена, когда отвага и доблесть рассматривались как высшие ценности, и настоящее время, когда христианство вызвало спад моральных стандартов.

19

Является святотатством не сохранять бессмертие души, поднимаясь на уровень святости и объединяя ее с божественным связями, которые не могут быть сломаны или разрушены, но по контрасту вырывать и тащить вниз божественное, которое внутри нас, заключая его в темницу земного, греховного и гиганто- или титано-подобную тюрьму[193].

20

A. Он совершенно отвергал их как неизлечимо загрязненные, и ничто не смогло бы заставить его принять их общество; ни сказочное богатство, ни высокое социальное положение, ни несокрушимая политическая власть, ни тираническая злоба[194].

B. Он ни обедал с богачами, не принимая их подарков.

21

Он целиком посвящал себя путешествиям, не пустым и стремящимся к удовольствиям, которые изумляют сделанными человеком постройками и размерами и красотой городов; но, если он когда-либо слышал о неких необычайных или священных явлениях, тайных или явных, то он хотел засвидетельствовать это самолично[195].

22

Он[196] обычно говорил, что когда душа в священной молитве обращается лицом к могущественному океану божественного, то, во-

---

Как молодой человек Прокл описывал эффект христианства в Аттике как природную катастрофу (In Tim. I,122 8ff.; о дате: Marinus VP 13). Позже он использовал более умеренные термины, определяя жизнь под управлением христиан как «иррациональную» (VP 20), согласно платонической модели. Три вида жизни соотносятся с тремя частями души, λογιστικόν, которая божественная; θυμοειδές, которой следует быть сдержанной активностью первой части души; и наконец, ἐπιθυμητικόν, которой следует подчиняться двум другим. Им соответствующими типами в управлении городом являются βουλευτικόν, πολεμικόν, и χρηματιστικόν. Об этой аналогии, Resp. 441c.

[193] Неоплатонический топос: по небольшой разборке параллелей, Eunapius VS VI.11.2; Proclus In Remp. I,74, 12-16; II, 176, 14; Marinus VP 15; cp. JHS 113,7 (на «Дворец гигантов»).

[194] Ссылка явно на христиан.

[195] Духовный туризм - важная тема в позднем платонизме (cp. JHS 113, 9-10), которая находит свои литературные выражения в очень модной современной традиции patria и paradoxa, жанре, хорошо проиллюстрированном фрагментами PH: см. pp. 59-60.

[196] Отсылка, вероятно, к Исидору. Асмус, однако уверен, что упомянут Серапион, и вставляет здесь часть из статьи Суды о нем, предположительно из-за сходного отношения к молитве, показанного в двух отрывках. Так как отношение составляет

первых, освобожденная от тела, она сосредотачивается на самой себе; затем, она отказывается от своих собственных привычек, отступая от логического к интуитивному мышлению[197]; наконец, на третьей ступени, она находится во владении божественного и отклоняется к необыкновенному спокойствию, более присущему богам, нежели людям[198].

23

А. В дополнение к простоте Исидор особенно любил и ценил правдивость, в результате чего его рассматривали как чрезвычайно просто говорящего и не имеющего ни в чем притворной манеры. Действительно, он был очень отдален от этого порока.

В. Он не мог никогда зримо отклоняющимся от истины в словах и делах, даже через ненастоящую скромность или хвастовство.

С. Он ненавидел ложь как действительно нечто омерзительное[199].

24

А. Он не мог ни легко растратить деньги, ни быть готовым игнорировать долги, которые справедливо ему принадлежали, но он предъявлял иск неплательщикам и преследовал их до Судов Агоры.

В. Он не был любителем денег, хотя и был бережливым по природе[200]. Он был во всех отношениях мудрым руководителем своего домашнего хозяйства, и проводил большую часть дня, занимаясь этими делами, работая как самолично, так давая инструкции другим.

С. И иногда, когда он имел много людей на обеде[201], он мог приносить на десерт три или четыре ореха, а в хороший день - пять или шесть сушеных фиг. И, если мы высказывались в наиболее возможно приятной манере, и просили больше, он мог добавить еще две или три с очень серьезным выражением лица, не имея ни малейшего подозрения о том, почему молодые люди засмеялись.

25

неоплатонический топос, Афанассиади не следовала Асмусу здесь, и поместила отрывок из Суды намного позже (111).

[197] Ср. Iamblichus Myst. V.26 о аналогичном трехчастном делении молитвы.

[198] Ср. Marinus VP 4.

[199] Ср. Marinus VP 4 о подобном отношении к правдивости, выраженном в почти идентичных терминах.

[200] Ср. Marinus VP 4.

[201] ἱεραί ἑστιάσεις были частью обязанностей платонического учителя: ср. Eunapius VS V.1.6 (по Ямвлиху), и Marinus VP 5.

Он восторгался доблестью вообще, но в особенности во времена успеха он отдавал уважение закону природы и не потворствовал в счастье выходу за меру.

26

A. Он мог следовать пожеланиям его друзей, предпочитая их его собственным; так как он культивировал, что ни одна из многих добродетелей не настолько полна, как дружба, которая, согласно Пифагору, «мать добродетелей»[202].

B. Суммируя это все в словах, его действия были ясной иллюстрацией манеры, в которой Пифагор формулировал человека, как наибольшее подобие Бога[203]: старание делать хорошее и благородство проявлялись во всем, действительно, возвышая души над множеством зла, которое отягощало мир и тянуло его книзу; во-вторых, освобождение смертных людей от несправедливого и нечестивого страдания[204]; в-третьих, вовлечение в общественные дела, чтобы расширять чьи-либо способности.

27

Поднимаясь, как только рассветало, когда его душой еще владел божественный голос, он рассказывал свой сон. И в подробном изложении, которое я слышал, я представлял не «сон ради сна»[205], но скорее пробуждение истины ради спящей истины.

28

A. Муж, который прежде незаконно завладел имуществом, которое было доверено ему, впал в несчастье, состоящее в конфискации его собственного имущества[206]; взяв так много из своего собственного владения, как он мог, он доверил его наиболее честному из граждан.

---

[202] Дружба, пифагорейская добродетель *в высшей степени* (ср. Iamblichus V. Pyth. 230 и Marinus VP 17), получала новую значимость для круга мужчин и женщин, которые чувствовали себя все в большей степени исключенными из общества их современников и даже преследовались ими. Действительно, как практиковалось поздними неоплатониками, общественная добродетель φιλία показывала совместную солидарность доконстантиновых христиан. Примеры см. ниже, 117B, 128.

[203] Неоплатонический топос. Моделью святого мужа у неоплатоников был Пифагор.

[204] Без сомнения, в руках гражданских властей или христиан.

[205] О выражении ср. Plato Theaet. 201d.

[206] Упоминание может относиться к александрийскому гонению 488-489 гг.

Когда Эпидавр[207] получил, среди прочего, собственность, которой он лишился, и распознал ее как свою собственную, некоторые люди советовали ему удержать, то что принадлежало ему и не передавать это назад мужу, который изначально лишил его этого; но он думал, что ему следует ни быть бесчестным в материи доверия, ни осквернять наиболее благотворную из добродетелей - добрую веру - через очевидно оправданный акт непорядочности. По словам Эсхила, «он не хотел казаться справедливым, но желал быть таким, пожиная плоды в плодотворной борозде своего разума»[208].

В. Философ Исидор никогда не прекращал хвалить его[209].

29

А. Для большей убедительности и указания - предложенное историей более удобно, чем обеспеченное другими видами речи – и древней скорее, чем новой историей, так как она сообщает нечто более привычное слушателю.

В. Когда вместо реальных событий мы обсуждаем воображаемые - тень мечты, как Пиндар сказал[210].

С. Развертывание деталей рассказа будет почти сразу показывать это.

30

А. Он говорил очень мало, но слушал более истории, которые постарели со временем и стали смешаны с определенной мудростью.

В. Он был настолько скрытен и молчалив в вещах, которые он полагал скрывать, что он не мог рассказать даже своей матери, когда она спрашивала его, где он ходил.

С. Из всех своих современников, одинаково философов и юристов, он был в наивысшей степени молчалив и скрытен[211], пока еще давал волю всей душе в распространении добродетели и сокращении порока.

---

[207] Здесь Эпидавр - это личное имя, а не прилагательное происхождения как заключает Asmus (Leben 19, 148). По другим примерам см. P.M. Fraser - E. Matthews, A Lexicon of Greek Personal Names I, 1987, s.v. (p. 156).

[208] Эсхилов текст (Septem 592-3) имел «лучший» (ἄριστος) вместо «справедливый», вариацией, введенной Платоном, который обсуждает отрывок детально (Resp. 361b). По другой ссылке к этому же отрывку, см. ниже 97F.

[209] Ссылка должна быть отнесена к Эпидавру, а не Серапиону, как заключил Asmus (BZ 18, 448; 19, 269).

[210] Pyth. 8.95.

[211] Это существенное качество пифагорейского мудреца, так подчеркиваемое Ямвлихом в его V. Pyth. 94.

D. Хотя это может звучать странно, со всем своим благородным и суровым достоинством он казался очаровательным тем, кто его встречал. Его главное занятие было совместно с интересами его студентов; время от времени однако он мог охлаждать свою серьезность шутливостью, дразня тех, кто делал ошибки, так умно, что шутка маскировала критицизм.

31

A. В нем правильность и доброта шли рука об руку с энергией и мужественностью; так, хотя он был скромный и даже аполитичный, однажды, когда он был вынужден принять участие в битве по практическим вопросам, он не доказывал ничего, унижая кого-либо из тех, кто барахтается в таких вещах[212].

B. Не только великая опасность не приходит к слабому мужу, как Пиндар говорит, но равно великий муж не будет браться за малое дело, но где, как сказал поэт, «человеческая ценность принесена легко»[213].

32

A. Будучи любителем доказательства, Исидор оставался непобедимым.

B. Его критицизм казался полностью обоснованным, как минимум, неискаженным суждением; но для тех, кто судил в общем и по обычным критериям, он часто казался идущим слишком далеко[214]. Те, против кого он выносил обвинение, обычно подозревали и рассматривали его как сутяжника. Еще он, донимая внутри себя истинной моделью согласия, судил других согласно этому стандарту.

33

A. Все соглашаются, что есть три главных и существенных принципа для исследования, которое рассматривает действительность[215]: любовь, трудолюбие, благоразумие. Любовь - это первый и

---

[212] Тогда как термин καλινδοῦμαι, обозначая тех, кто занимает себя практическими материями, является уничижительным, слово ἀπράγμων, которое Афанассиади переводит как «аполитичный», имеет положительную коннотацию для неоплатоников, ср. ниже, p. 261, n. 282.

[213] О литературной ссылке: Pindar Ol. 1.81 и Homer Il. 13.277.

[214] Глубоко платоновский по духу, этот отрывок, который противопоставляется суждению многих по этому вопросу философов, является в то же время комментарием гераклитовской максимы B 1 (*Diels* - *Kranz* I, 150).

[215] О выражении, Plato Resp. 475e. О подобной вариации на одинаковую тему см. V. Pyth. ap. Photius Bibl. Cod. 249, 440b, 39-43.

наиболее великий принцип, наиболее удивительный наблюдатель за всем, что есть как красивое, так и хорошее. [Затем одна нужна] форма и благоразумные природные силы, способные покрывать большую тему в короткое время, которые истинно знают в последующем верх и распознающие, какие из добытых следов подлинные, а какие ложные для целей охоты. Третье необходимое условие - непреклонное трудолюбие, не позволяющее душе отдыхать до того, как она достигнет конца охоты, которая есть - открытие истины.

В. Что касается божественных принципов, то Исидор устанавливал строго определенные термины и критерии, чтобы отличать их от вещей человеческих: в трудолюбии [он требовал] абсолютной эффективности; в быстром интеллекте - отчужденности от банального и привычного соответствия с массами; в любви - непреклонного импульса к тому, чтобы получать наслаждение в умопостигаемой красоте, который никогда не отклоняется куда-либо.

С. Исидор обычно говорил, что благоразумие и острота ума - не одинаковая вещь, как быстрая фантазия, или гипотетический талант, или просто - как кто-то может думать - интеллект, который является самым быстрым и продуктивным из истины; поэтому они не являются причинами в себе, но служат причине мышления. Как по мышлению, это владение божественным, которое постепенно открывает и очищает глаза души, освещая их духовным светом, чтобы позволять восприятие и понимание истинного и ложного. Это то, что он называл «хорошей судьбой»[216], также утверждая, что ничто из этого не используется без хорошей судьбы, равно как здоровые глаза не используются без небесного света.

34

А. Он имел ум возвышенный и способность вызывать духовное совершенство[217], будучи не вовлеченным в вещи этого мира, но бьющимся постоянно по малейшему поводу к наиболее возвышенному размышлению. Он был укоренен в истинной чистоте платонических идей, которые он не интерпретировал в привычной манере большинства философов, и после Платона в удивительной мудрости Ямвлиха.

---

[216] Что же действительно обозначает ἐυμορία - это небесная благодать или ἐυκληρία, которая является термином, даваемым как синоним Судой (II, 459, 1); ср. Marinus VP 33. О более техническом использовании слова: Proclus In Tim. III, 52, 16.

[217] Выражение τό ὑψηλόνουν καί τελεσιουργόν происходит прямо из Plato, Phaedr. 270a, но второе слово, кажется, было использовано здесь в специфическом неоплатоническом значении начального действия скорее, чем просто в классическом значении практического достижения.

В. Мы видим и слышим немногих среди тех, кто философствует, имея мнение, что некоторые, как Ямвлих, весьма недостижимы, а другие, как он, прославились в своевольной высокопарности скорее, чем в поиске истины вещей.

С. Он проводил мало времени в риторической или поэтической начитанности, бросая себя в более божественную философию Аристотеля. Еще видя, что это тоже полагается на минимальные, скорее, чем на существенные, качества ума[218], стремясь быть скорее техническим и едва ли не пропагандой божественного и духовного, Исидор думал мало и об этом также. Но лишь только он коснулся учения Платона, чем «он почувствовал, что он не найдет что-то сверх того», - как Пиндар говорит, рассматривая это, он мог достичь своей цели, если постигнет всю святыню платоновской мысли, и это было тем концом, к которому вело направление всех его усилий.

D. *Как Дамаский говорит*, Исидор философ, который проверял все доктрины древних, не мог допускать что-нибудь пропустить без строжайшего тщательного исследования. Среди древних философов он почитал как божественных Пифагора и Платона [рассматривая их], что они находятся среди тех крылатых душ, которые обитают в наднебесных сферах, на равнине Истины, на лугу божественных форм.

После Платона он особенно отдавал себя Ямвлиху и его друзьям и последователям, лучшим из которых, как он утверждал, был его земляк Сириан, учитель Прокла[219]. Он также говорил, что в то время там были и другие, которые накапливали великую сокровищницу божественного знания. Действительно, он думал, что в случае накапливания истинного знания никто не должен быть презираем.

[Он учил, что] те, кто посвящал свои труды вещам смертным и человеческим, или просто имели форму интеллекта, или решали

[218] Это дискурсивные скорее, чем интуитивные качества ума; только последнее приводит кого-либо к Богу: ср. выше p. 101, n. 50.

[219] Александрийский философ, наследник Плутарха Афинского и учитель Прокла, который считается платоническим diadoche после него. Также, как и учебник по риторике (Comm. in Hermogenem), который сохранился, он писал комментарии на Гомера в семи книгах (о Гомере как наиболее типичном мистическом поэте в Поздней античности, см.: *Lamberton R.* Homer the Theologian. Berkeley, 1986), трактат о гомеровых богах, другой - о согласии между Орфеем, Пифагором и Платоном, и комментарии на Федра (сохраненные в новом Комментарии Гермия), Государство, Орфическую теологию и Халдейские оракулы (Suda IV 478, 21). Его комментарий на Метафизику Аристотеля сохранился (CAG VI.1 (1902)). Он был родственником и Эдесии, и Аммониану, ср. 47, 56. S IV 274, 11 и Фотий (Ф 36) также упоминают Порфирия. Предположительно его имя было добавлено за счет его потрясающей репутации как философа в Византии.

накапливать знание[220], никогда не могли идти дальше к приобретению великой и божественной мудрости.

Он обычно говорил, что среди древних Аристотель и Хрисипп, которые были в высшей степени одаренными и, в то же время, острыми в учении, а также трудолюбивыми, тем не менее не достигали высшей точки [в знании]. Среди современных, он говорил, что Гиерокл и ему подобные, хотя не лишенные ничего в их человеческом оснащении, были значительно ущербнее во многих вещах, когда это подходило к божественным понятиям.

35

А. Он не проявлял заботы о любых шумно болтающих книгах, которые вызывали множество мнений скорее, чем мудрое размышление. Будучи закрепленным за единственным учителем, он формировал себя по его образцу, и записывал все его слова[221].

В. Даже в вопросах египетской философии они[222] брали Исидора с собой как спутника и земляка-искателя искренне священной истины, которая лежит скрыта в глубинах. Действительно, часто было, что он зажигал свет для них в их поиске традиционной мудрости. И он не получал все эти возможности от запоминания книг или мнений других, но владел от начала могущественным и творческим умением в открывании такового вида истины[223].

36

А. Было ясно, что он не любил настоящую ситуацию[224], и, хотя он не желал почитать статуи богов, но быстро двигался к богам самим, которые скрыты внутри, не в святилище, но в истинном таинстве - ка-

---

220 То есть, для их собственного интереса.

221 Zintzen (p. 62, n. at l. 9); Афанассиади полагает, что этим учителем был Серапион, а не Гераиск. Тон этого отрывка уже вводит в Средние века с их религиозным почитанием одной книги и одного учителя.

222 Предположительно, Гераиск и Асклепиад.

223 То есть, метафизической.

224 Юридический запрет языческого отправления культов. Согласно Alan Cameron ('The last days', 15) в настоящем контексте τά παρόντα - это одна из «кодовых фраз» (...), которую эти последние язычники неизменно имели обычай предпочитать ненавидимому ими слову οἱ χριστιανοί. Еще пока оплакивали лишение религиозной свободы, Исидор понимал личное благочестие как независимое от - и даже противостоящее - публичному почитанию; в этом он следовал по пятам Плотина, о ком его биографом сообщался следующий анекдот: «Когда Амелий рос в ритуалах и предпринимал обходы, посещая храмы в Новолуние и фестивали богов, и однажды спросил, может ли он взять Плотина с собой, Плотин сказал: «*они* должны приходить ко мне, а не *я* к ним» (Porphyry V. Plot. 10).

кое бы это ни могло быть - совершенно непостижимом. И как бы он двигался к ним, когда они такой природы? Властью необычайной любви, самой не менее мистичной. Что есть любовь, если не непознаваемое? Те, кто имеет опыт этого, знают, что я говорю, так как это невозможно описать, и это не легче, чтобы осмыслить его в уме[225].

В. Истина сама по себе находится в опасности быть аннулированной.

С. Люди будут получать опыт его заката, так как они неспособны выдержать его священный рассвет.

37

А. Он был обязан заботиться о детском образовании.

В. Когда он защищал Сократа[226], Исидор сказал также глубоко о понимании его учеников.

С. Во многих поисках для решения этих странных загадок, он излагал много проблем, подобных сфинксовым - не кадмейского Сфинкса, но сфинкса прежнего, еще одного, более божественного и намного более мудрого.

D. Когда он читал лекцию, ему не доставало лингвистического умения, необходимого представить его взгляды удовлетворительно. И еще, не будучи беспомощным в этом отношении, по природе или по упражнению, он с тех пор делал рьяные усилия в пояснении. Оставляя другим изящный показ слов, он занимался открыванием вещей самих в себе, произнося понятия скорее, чем слова; действительно, это было не столько само понятие, нежели то, что он приносил свет того, какова истинная сущность вещей самих по себе.

Е. Он был также очень изобретателен как в предложении вопросов для дискуссии, так и в решении проблем, которые другие выдвигали ему, не используя только эрудицию и относительные мнения других людей, чтобы похоронить и спрятать истину и заставить замолчать своих оппонентов. И не читал он много книг, но он был замечателен в описании всей силы природы, которая была благородна и родственна богам[227]. В безграничном восторге его устремления за Богом он имел сходство с провидцем, который угадывал истину инстинктивно.

---

[225] Ср. Herm. S I. Следующие два выражения также в типично герметическом языке, переименуя Asclepius Apocalypse.

[226] Значимо, что Исидора следует идентифицировать с Сократом, чуждым условности устным учителем, скорее, чем с Платоном как могущим быть наиболее неоплатоником; ср. 116F.

[227] Модель природной мудрости, как противостоящей приобретенной, и одной книги как противостоящей многим, применена Дамаскием к Исидору, который, тем не менее, учился старательно под руководством многих учителей.

F. Он был способен делать различие между сказанным и несказанным аргументами в порядке, чтобы разъяснять первый и отвергать последний.

38

Марин: он принял во владение школу Прокла и наставлял Исидора философа в Аристотелевой доктрине. В течение второго визита Исидора в Афины, после смерти их общего учителя[228], он показал ему многословный комментарий, который он составил на Платонова «Филеба», настаивая прочитать его критически, для того чтобы сказать ему, следует ли опубликовать книгу. Исидор прочитал это тщательно и скрыл все, что он думал, но, в то же время, не произнося неподобающие слова, он просто сказал, что комментарий учителя на диалог был совершенно достаточен.

B. Он превосходил других философов в этом отношении тоже: он не хотел принуждать ни самого себя, ни своих учеников преследовать невидимую истину только через рассуждение, сопровождаясь вместе с логикой подобно единственной дороге, на которой кого-то слепого кто-то [зрячий] ведет на правильный путь. Но он всегда стремился убеждать их помещать глаза в их душу, или скорее очищать те, которые были уже там.

III: Александрия: просопография и история

39

A. Его функция была - разбирать магистратские приказы в стенограммах.

B. Я буду говорить об этом в ходе моего описания. Хотя я знаю это, я не буду говорить ни о чем. Если только я даже никогда не слышал об этом!

40

A. И Леонтий[229], который думал, что он принял отличное решение, пошел назад домой с неудачливым и внушающим болезнь откровением; он не приобрел ни богатства, ни безопасности, как он ожидал,

[228] Это было в 485 году, когда Исидор прибывает в Афины в виду надвигающейся смерти Прокла.

[229] Знаменитый юрист, о ком есть много у Zacharias VC (47, 66-73). Упоминание здесь должно относиться к его конечному обращению в христианство. Несчастье, упоминаемое в 40B, должно относиться к тому, от которого страдал Леонтий.

но потерял благочестие, которое имело расположение богов, и представил свою душу к совершенной гибели.

В. Он так провел всю свою жизнь в несчастье.

41

Епифаний[230] и Евпрепий были оба александрийского происхождения и были знатоками в мистических ритуалах, установленных среди александрийцев, Евпрепий председательствовал на так называемых персидских мистериях, а Епифаний на тех, которые связаны с Осирисом - и не только на них, но также и на мистериях бога, прославляемого как Эон[231]. (Хотя я могу раскрыть сущность бога, я не буду это записывать по этому случаю). Как бы то ни было, Епифаний председательствовал на этих мистериях.

Эти мужи не были рождены традиционным способом жизни, но они превосходили и встречали тех, кто имел [жизнь], и получив помощь от их компании, они становились для своих современников ис-

---

[230] Епифаний, упомянутый здесь, возможно, не может быть хорошо известным софистом из Петры, который процветал в Афинах в середине V века. Zintzen мог прийти к такому заключению (p. 75) только благодаря тому, что он рассматривал информацию Созомена о том, что он составил гимн Дионису (HE VI.25.9) в изоляции от остальных доказательств и без обсуждения того факта, что Епифаний из Петры родился до того, как христианство было провозглашено religio licita в 313 году. Этот Епифаний намного больше похож на лицо, которому посвящены две из работ Теона, который адресовал их τέκνον Ἐπιφάνιε (On Ptolemy's Πρόχειροι Κανόνες p. 199, 2 (Tihon)). Как современник дочери Теона Гипатии (для которого дата рождения около 355 года была недавно подтверждена (*Dzielska*, 68)), александрийский астроном Епифаний подходит для хронологических намеков нашего отрывка: он родился после 313 года, но приобрел важные знания языческих мистерий через его контакт с людьми предыдущего поколения. Это рассмотрение было полезным в решении Афанассиади включить отрывок в контекст историй Олимпа и Гипатии в ходе введения.

[231] Как астроном и ученик Теона в особенности, Епифаний был в высшей степени подходящим, чтобы председательствовать на мистериях Вечного Времени, ежегодного праздника, отмечаемого в Александрии в канун Богоявления (10/11 Tubi) и символизировавшего вечное возрождение Солнца. Согласно Епифанию Саламинскому, который описывает ритуал, как совершаемый в царствование Валента (Pan. 51.22.9-10), когда, после всеночного бдения, верующие спрашивали, что означает мистерия, он отвечал с литургическим криком: «Сегодня в этот час Дева дала рождение Эону». Епифаний дополнительно сообщает, что дева рождает «только сына Господа» - который, как он переводит имя Dusares - также праздновался в Петре в соответствии со сходным ритуалом и на арабском языке (ἀραβικῇ διαλέκτῳ ἐξυμνου˜σι τήν παρθένον… καί τόν ἐξ ἀυτη˜ς γεγενημένον Δουσάρην τουτέστιν μονογενη˜ δεσπότου, *ibid.* 10); о Дусаре ср. ниже, nn. 360, 361. Это заслуживает упоминания в настоящем контексте интерпретации Ипполита Элевсинской мистерии, в которой ἡ παρθένος *ή ἐν γαστρί καί συλλαμβάνουσα καί τίκτουσα ὑιόν* ὀυ ψυχικόν ὀυ σωματικόν ἀλλα μακάριον Ἀιω˜να Ἀιώνων (ср. Ref. V.8.40 и 45 с Marcovicz's записями *ad. loc.*). О популярности Эона как высшего бога в позднеантичном Египте: PGM I, 164-5; IV, 2198, Synesius Hymn 5.67 и ср. *Nock*, Essays I, 377-396.

точником многих благословений и, среди других вещей, могущественно звучавшими посланниками древних рассказов.

42

A. Олимп, брат Генеросы, который прибыл в Александрию из Киликии, для того, чтобы поклониться Серапису[232].

B. Ничья душа не была настолько жесткой и варварской, чтобы он не убеждался и не очаровывался словами, которые текли из его божественных уст; что до убедительности, которая обитала на губах мужа, то она была не человеческой, но совершенно богоподобной.

C. Он был восхитительным во всех отношениях: он был высокий и впечатляющий, с лицом, передававшим красоту и божественность. Достигнув того возраста, когда ум в это наиболее зрел, он был общительным и весьма очаровательным для людей, которых он встречал, и оказывался исключительно полезным для тех, кто следовал его совету.

D. Он предпочитал умеренную и скудную пищу, которая и не вредила ему через нехватку, и не расслабляла его через излишество. Она была сбалансирована и гармонична, подлинно регулируемая согласно дорийскому образу души[233].

E. Он был единственным человеком, кого мы слушали, кто в своих действиях опровергал сказанное в древности: так, будучи молодым, он не получал удовольствия в компании его молодых сверстников, так как Природа, следуя различному правилу, прикрепляла его к тем, кто имел сходство с ним не в телесных годах, но в духовных путях[234].

F. Таким образом он стал учителем в религиозных материях александрийцев в то время, когда их общество уже сносилось прочь бурным потоком[235]. Он обычно собирал вместе их вокруг себя и учил их правилам божественного почитания, древним традициям и счастью, которое сопутствовало им - то великое и изумительное счастье, посылаемое богами тем, кто верно охраняет их.

---

[232] Olympos/Olimpius защищал Серапиона против нападок христиан в 491 г.; о нем и его деятельности в Александрии и за границей, см. JHS 113, 14-16.

[233] Чтение ψυχη˜ς, вместо τύχης следовало Henry, было предложено Augusto Guida, который также обращал внимание на значимость текущего контекста платонического отрывка Lach. 188d и особенно комментария Прокла (In Remp. I, 61, 28ff): ἀγαθόν ἄνδρα ἐίναι καί ὄντως πεπαιδευμένον τόν ἁρμοσάμενον ... τήν ἀυτοῦ ψυχήν ... δωριστί ἥπερ μόνη ἐστίν ἁρμονία ἑλληνική.

[234] Ссылка и в то же время комментарий на Plato Phaedr. 240c.

[235] Ссылка на события, предшествовавшие разрушению Серапиума. Ср. pp. 115-117б n. 77.

G. Так, мужаясь, он предложил [им] совершать на протяжении всего дня предписанный ритуал согласно древнему обычаю[236].

H. Олимп был настолько одержим богом, что он пророчил своим последователям, что Серапис мог покинуть храм; и это произошло.

43

A. Гипатия: она была рождена, воспитана в Александрии и, будучи одарена более благородной природой, чем ее отец[237], она не была удовлетворена математическим образованием, которое ей дал ее отец [Теон], но занималась сама некоторыми различиями в других ветвях философии. И, закутавшись в плащ философа[238], она двигалась вперед через весь город, публично интерпретируя работы Платона, Аристотеля или каких-то других философов, о которых кто-либо пожелал бы слушать. Так же, как и будучи одаренным учителем, она достигла вершины нравственной добродетели и была справедливой и благоразумной; она оставалась девственницей, но так как она была замечательно красива и привлекательна, то один из ее учеников влюбился в нее и, не будучи способным контролировать свою страсть, он открыл это ей также. Незнающая правду легенда гласит, что Гипатия излечила его от его болезни через музыку. Но правда состоит в том, что, когда музыка не возымела никакого эффекта, она принесла тряпку того типа, который используется женщинами, окрашенную кровью, показывая ему символ нечистоты рождения -

B. - салфетку женского месячного осквернения, которые назывались александрийцами «прокладками», -

C. - и она сказала: «Вот то, к чему ты стремишься в своей любви, юноша, а не вещь, полная красоты». Его душа была побеждена стыдом и удивлением к столь непристойной демонстрации, и с тех он усвоил более рациональное отношение [к женщине].

D. (И александрийцы называли «вестницами» женщин, которые ходили вокруг внутренних дворов и соседних кварталов для того, чтобы подобрать и отнести к морю отходы, называвшиеся «прокладками»).

---

[236] Слово ἱερουργία (как также выражение ἱερά ἁγιστεία) весьма общеизвестное у Зосима, ср. Приложение III.

[237] Математик Теон. В Barbarians and politics at the court of Arcadius (50-58), Alan Cameron доказывает, что Теон и Гипатия были последователями неоплатонизма Ямвлиха, хорошо сведущие и в герметической, и в халдейской мудростях - конечно, пристрастие к мистике, показанное ее учеником Синезием является индикатором в этом направлении. Об интеллектуальном окружении Теона и Гипатии, см.: *Dzielska*, *passim*.

[238] Ср. ниже, 86F, о Дамиане.

Е. Гипатия, будучи таковой природы - искусная и диалектичная в речи, мудрая и обходительная в поведении - естественно, пользовалась любовью целого города, который относился к ней с исключительным уважением, тогда как сильные мира сего оказывали свое уважение прежде всего ей, каков, действительно, был обычай и в Афинах. Даже если философия сама уже умерла, то ее имя, по крайней мере, до сих пор казалось наиболее почитаемым и достойным восхищения для тех, кто избегал дел города[239].

Случилось однажды, что Кирилл, муж, надзирающий[240] за противостоящей сектой, проходя мимо дома Гипатии и видя огромную толпу у двери, «смешение людей и лошадей»[241], некоторых идущих, некоторых приходящих и некоторых стоящих вокруг, спросил, что за толпа собралась здесь, и почему такое возбуждение царит снаружи дома. Его спутники сказали ему, что такие почести оказывались философу Гипатии, и что это ее дом. Когда он услышал это, зависть так разъела его душу, что он тут же начал замышлять заговор с целью ее убийства - наиболее безбожного убийства из всех. Когда она покинула свой дом, как обычно, толпа звероподобных мужей - действительно, гнусных - тех, кто не берет в расчет ни божественное возмездие, ни человеческую кару - напала на нее и убила философа; и пока она еще с трудом дышала воздухом, они вырезали ее глаза; так было нанесено величайшее оквернение и бесчестье на город. И император был возмущен этим (...)[242], Эдесий не был подкуплен. Он снял преследование с убийц и перенес его на себя и своих потомков; это был его внук, который поплатился наказанием[243].

---

[239] Заслуживает внимания в этой связи, что убийство Гипатии не положило конец этой традиции: в течение своих студенческих дней в Александрии в начале 430-х годов Прокл также имел близкие связи с политическим истэблишментом (Marinus VP 8-9).

[240] Это уничижительное выражение является каламбуром на слово ἐπίσκοπος - епископ. «Секта» - христиане.

[241] Ср. Homer Il. 21.16.

[242] Асмус правильно подозревает лакуну в этом пункте. Текст может иметь нечто, подобное следующему: «и мог заключить сделку с преступниками». Однако, возможно, что текст полон, со значением «император мог разгневаться, считая, что Эдесий не был подкуплен», так как потенциальное ἄν могло быть пропущено в периоде условного предложения.

[243] Как в деталях, так и в общем духе, мнение Дамаския о Гипатии подтверждает Socrates, HE VII.15, который также дает зависть как мотив для ее убийства; эпиграмма, приписываемая Palladas (Anthol. Gr. IX.400) и адресованная Гипатии, деве, астроному, мудрому учителю и талантливому ритору, ясно отсылает к нашей Гипатии, как, действительно доказано P. Waltz и G. Soury, Anthologie grecque VIII, ad. loc. (атрибуция подвергнута сомнению *Cameron*, *Alan*. The Greek Anthology from Meleager to Palnudes. Oxford 1993, 323-324, который доказывает, что эпиграмма была адресована монахине). Мучени-

44

Брак был недействителен до тех пор, пока жрец богини не подписывал брачное соглашение своими собственными руками.

45

А. Гиерокл, который был украшением александрийской схоластической сцены с его возвышенным духом и красноречием, был мужем потрясающей силы и отличия, что касается широты его ума. Повсюду он впечатлял свою публику своим незаурядным красноречием и легкостью, с которой он производил наиболее красивые слова и выражения в постоянном усилии состязаться с платоновой красотой стиля и выражений и богатством значений. В одном случае он истолковывал своим студентам «Горгия» Платона, и один из его учеников - Феосевий - записал его комментарий. Как было естественно, некоторое время позже Гиерокл снова давал занятие по «Горгию»; тот же ученик записал комментарий и, сравнивая свои предыдущие записи с теми, которые были сделаны позже, он не нашел почти ничего одинакового, хотя обе версии - как бы необычно это бы ни звучало - воспроизводили платоновское значение в том размере, насколько это было возможно[244]. Это указывает, насколько обширным был океан его ума[245].

В. Он имел ученика - Феосевия - который более, чем любой другой муж, которого я встречал, имел силу смотреть прямо в человеческую душу. Этот Феосевий сказал, что в течение лекции Гиерокл однажды уподобил слова Сократа игральным костям: как бы они не падали, они падают правильно.

Гиероклова мужественная и благородная природа была явлена судьбой, которая выпала ему. Однажды в Византии[246], он нанес оскорбление правящей группировке и, будучи взят под суд, он был зверски избит[247]. Когда у него хлынул поток крови, он собрал немного в полость своей руки и брызнул на судью, воскликнув: «На, Циклоп,

---

чество Гипатии, которое имело место в марте 415 года, упомянуто некоторыми византийскими хронистами (Philostorgius VIII.9; Malalas 359; John of Nikiu (Zotenberg/Charles) 87-102; Theophanes A.M. 5906 (de Boor I, 82) среди прочих); о дискуссии об источниках и правдоподобной реконструкции событий, ведущих к ее смерти: *Dzielska*, 83-100.

[244] Если мы судим о двух версиях Дамаскиева комментария In Phaedonem как сохраненных учеником (издано и переведено L.G. Westernik), то это кажется вполне общераспространенной игрой ума.

[245] В Theophrastus Энея Газского Гиерокл назван ὁ διδάσκαλος собеседниками, среди которых есть дядя по матери Исидора - Египт (Colonna, pp. 2, 18).

[246] Умышленный архаизм для Константинополя.

[247] «Правящая группировка» - это язвительное упоминание христиан. Фраза τάς ἐξ ἀν θρώπων πληγάς - это *дословная* цитата из Aeschines Tim. 59.

пей вино сейчас, когда ты жадно проглотил человеческую плоть»[248]. Он был осужден на ссылку и после возвращения в Александрию некоторое время спустя продолжил преподавать философию своим ученикам, как и прежде.

Возможно разглядеть Гиероклову мудрость и возвышенный ум из трактата, который он сочинил на пифагорейские «Золотые стихи»[249] и из его многих других книг «О Промысле»[250], в которых он обнаружил, как иметь благородную философию жизни, но нуждаться в детальном знании.

46

A. Он женился на женщине, которая могла принести ему детей.

B. Но так как демон не мог быть уговорен добрыми словами покинуть женщину, Феосевий выгнал его с помощью экзорцизма, хотя он и ничего не понимал в магии, и даже не обучался теургии когда-либо. Он изгонял его, заклиная лучами Гелиоса и Богом иудеев[251]. И демон ушел прочь, крича, что он убоялся богов, но также почувствовал благоговение перед ним [Феосевием].

C. Он обращался за помощью к каждому возможному методу[252]; делал и говорил все, что мог, путем убеждения и проповеди; так как таков был его характер[253], что он не мог оставить несделанным какое-либо дело, в которое он погружался.

D. Многое из того, что философ Феосевий говорил, пришло из школы Эпиктета, но он также адаптировал многие понятия в согласии с нравственным состоянием своей собственной Музы, которая могла господствовать и подвигать к стыду те души, которые были не всецело стойкие и упрямые, так, чтобы насколько возможно, они отворачивались прочь и бежали от наихудших моделей жизни, и поддерживали и преследовали лучшее, настолько, насколько они могли. Соответственно он оставил свои наставления в письменных сочинениях, подобно аналогичным у Эпиктета в более ранние времена. И мне кажется, что,

---

[248] Homer Od. 9.347.

[249] Сохранились до наших дней; самое последнее издание F.G. Koehler, ср. Bibliography.

[250] См. детальный обзор работы у Photius, Bibl. Codd. 214 и 251.

[251] Синкретизм Феосевия совпадает с магическими папирусами, где Бог иудеев часто упоминался среди греческих божеств. По общеизвестным историческим причинам, силы экзорцизма широко использовались для заклинаний в Египте с более раннего времени.

[252] Морская метафора; литературное «он двигал каждый витой канат».

[253] Запись стандартного гомеровского выражения (Il. 15.94; 18.262; Od. 15.212) использовалась и Дамаскием (In Phaed. I.207), и Олимпиодором (In Phaed. 10.1) в связи с Ямвлиховой смелостью.

если ты сравнишь двух мужей, то он очень много имеет от Эпиктета в нашем времени, исключая то, что он не следует стоическому учению[254]. Так, не было ничего большего, что Феосевий так приветствовал и чем восторгался, нежели Платонова истина. Действительно, он написал небольшой памфлет о проницательности, содержащейся в великом «Государстве», хваля в рациональных терминах теософию, пришедшую от богов. Так он имел исключительное уважение и почитание к теософии[255]. Его всегда видели занимающимся изучением моральной философии. Действительно, он имел естественный уклон к жизни в добродетели скорее, чем к учености[256]; хотя эта «жизнь в добродетели» была вовсе не спокойной, применяясь только в воображаемой работе, но не жизнью, полностью вовлеченной в деятельность; тем не менее он не вел публичного существования, а лишь частное, такое, какие велись Сократом и Эпиктетом и всеми теми, кто является в своем правильном мышлении, сочетая свой наружный образ жизни с жизнью внутри. Это было его первой заботой, а затем - делать то же со всеми другими по очереди с целью их улучшения.

Е. Феосевий, наиболее умеренный из мужей, был согласен иметь связь с женщиной, для того чтобы производить на свет детей. Еще когда дети не были рождены у них, Феосевий показал кольцо воздержания и сказал своей жене: «Жена, много времени назад я дал тебе кольцо, чтобы управлять союзом, предназначенным порождать детей; сейчас я даю тебе это кольцо воздержания, которое будет помогать тебе впредь жить целомудренной домашней жизнью, предусмотренное, конечно, для того, если ты сможешь и захочешь жить со мной в чистой манере; если же нет, то ты можешь получить мое разрешение взять другого мужа; я передам тебя с любовью и хорошим пожеланием, как друг мог бы сделать другу». Но жена приняла его предложение с радостью и жила остаток ее жизни со своим мужем без какой-либо телесной связи.

Феосевий обычно показывал эффективность этого талисмана, не только для его жены, но также для него самого в прошлом; действительно, он признавал, что, когда он был моложе, он боролся за дисци-

[254] Это типичный пример философского империализма неоплатоников, что, присвоив стоическую этику, они нарекали себя «платониками».

[255] Это и предыдущее предложение относится к Халдейским оракулам. Феосевий должен был вложить некоторые стихи в уста Платона, как делал Прокл в своей Platonic Theology (V.35, p. 127, 8-15).

[256] Другими словами, он имел практический, скорее, нежели теоретический ум.

плину за самого себя против сил, которые производят рождение, как против атакующих извне, так и предателей внутри[257].

47

Аммониан был грамматиком, украшенным родством с Сирианом и, в то же время, естественным сходством с ним по характеру и подобием по наружности; как Гомер сказал, «они были близко сходны по наружности, стати и природе»[258], так как они были оба высокие и красивые, они имели здоровье и мощь, в которых не было недостатка в общих или отдельных природных качествах. И их души стремились к совершенству в сходной манере. Еще Сириан был более любим богами и настоящим философом, в то время как Аммониан удовлетворялся искусством, которое имеет дело с интерпретацией поэзии и улучшением греческих текстов.

Это был Аммониан, кому случилось владеть ослом, который, говорят, когда слушал лекции о поэзии, часто забывал есть, даже если его умышленно морили голодом заблаговременно; так он, казалось, превозмогал себя своей любовью к поэтическому учению.

48

А. Исидор был достаточно сведущим в поэзии, не в полном объеме его способностей, но лишь в соответствии с его склонностями; его симпатия к этому была минимальной, так как дисциплина этого не достигала души, но оставалась на уровне воображения и языка, в то время как, действительно, некоторое из нее даже находилось в конфликте с реальностью идей[259]. По этой причине он был скорее несовершенным в этой области, так что гимны, которые он писал, могут быть найдены возвышенными по духу и вызывать ритуальное совершенство, но не безупречно составлены касательно стихосложения. Однако он позволял мне исправлять их метрические дефекты и что-либо, шедшее против правильного ритма[260].

---

[257] Как язык, так и чувство, воспроизводят опыт св. Антония. Еще кардинальной разницей между позднеантичным язычниками и христианами является то, что последние дисциплинируют себя в пустыне, тогда как первые ведут аскетическую жизнь в городах посреди соблазнов, ср. Marinus VP 19.

[258] Homer Il. 2.58.

[259] Дамаский здесь высказывает возражения Платона к поэзии, столь выраженные в Государстве (i.a. 387ab; 599a; 606d).

[260] В этом Исидор является двойником Плотина, который «ждал» Порфирия, чтобы «исправлять его сочинения» (Porphyry V. Plot. 7).

В. Он уделял минимум внимания риторике, чувствуя подозрение к ней и ненавидя ее напыщенную и претенциозную природу[261].

49

Феон был учителем риторики; он, в конечном итоге, вел происхождение от святой Марцеллы[262] и, кроме того, по отцовской линии, от Экдикия, который сам был также учителем риторики.

Теперь этот Феон был не особенно острым и блестящим, но был исключительным в своей любви к учению и усердной работе. Этим способом он получил отличное знание и безошибочную память на поэтов и риторов, достигнув в обеих этих областях высочайшего уровня технической компетентности. Равно он стал очень хорошо осведомленным за короткое время, охватывая великое дело как древней, так и новой истории. Но как бы ему ни нравилось это, он был неспособным в написании поэзии и прозы[263].

50

Во времена Валентиниана, который управлял Римом после Гонория, имела место битва перед городом Римом между римлянами и скифами [гуннами], которыми предводительствовал Аттила; и кровавая резня была настолько великой, что никто из сражающихся воинов на каждой стороне не выжил, за исключением военачальников и немногих их непосредственных телохранителей. Но самой необыкновенной вещью из всего является рассказ о том, что когда сражающиеся воины пали, их тела потеряли силу, но они до сих пор стояли там сражающиеся своими душами в течение трех полных дней и ночей, ни в чем не уступая в битве живущим по физической мощи и храбрости. Призраки душ могли, действительно, быть видны и слышны, противостоя друг другу и бряцая своим оружием.

Он говорит, что многие такие древние видения войн являлись к настоящему дню, и их действия ни в каком способе не хуже их живых в войне, за исключением того, что они не произносят ни легчайшего звука. Одно такое видение может быть видимо на равнине Согды, некогда болотистого озера; феномен является на заре, когда свет начинает озарять землю. Другое видение проявляет себя в Курбах, месте в

---

[261] Одно из ясных посланий этой книги - то, что, в целом, риторы - глупцы: ср. Introduction, pp. 36, 41-42.

[262] Упоминание должно быть отнесено к жене Порфирия: если бы мать Прокла, которая также звалась Marcella, имелась в виду, Прокл сам был бы упомянут.

[263] Дамаский изучал риторику под руководством Теона в течение трех лет в Александрии: Test. III, 78-9. Сохранившиеся Теоновы Progymnasmata (Spengel, Rhetores Graeci II, 59-130) обосновывают суждение Дамаския по всем пунктам.

Карии; оно не видимо каждый день, но через интервалы, которые даже не регулярны. Тогда между рассветом и моментом, когда солнце поднимается в своей полной славе, «призрачные фантому душ»[264] могут быть видимы, летящими в воздухе и сражающимися друг против друга. В наше время также многие люди, не способные ко лжи, говорили, что на Сицилии, на так называемой «Равнине четырех башен» и в некоторых других местах, привидения вражеских конников могут быть видимы нападающими преимущественно летом и в наивысшей точке полудня[265].

51

А. Он сказал, что лошадь Севера – а он был римлянином, который был приведен Антемием в надежде, что тот сможет осуществить восстановление павшего Рима, и, покинув Рим, вернулся и взял консульскую должность - лошадь тогда, когда он обычно ездил, испускала много огромных искр от своего тела, когда ударяла копытом, до того момента, когда исполнилось знамение его консулатом в Риме.

Был также осел, как сообщает Плутарх из Херонеи, который, когда Тиберий еще молодым изучал риторику на Родосе, предсказал ему царство в схожей манере.

И Валамир, один из спутников Аттилы, излучал искры от собственного тела. Этот Валамир был отцом Теодориха, который сейчас имеет верховную власть над целой Италией[266].

Говоря также о нем, автор указывает: когда я одеваюсь или раздеваюсь, случается, хотя и редко, что огромные искры скачут по моему телу, иногда с трескающимся звуком, в то время как в другое время огоньки освещают мою одежду без ее возгорания. Однако он не знает, какой результат это знамение принесет. *Он также говорит,* что он видел мужа, который излучал искры от своей головы и кто, кроме того, мог светить огнем, когда бы он ни захотел, потерев свою голову против грубым предметом одежды.

В. Он двигался на своей лошади так быстро, как только возможно, пока он был оставлен позади другими.

---

[264] Cp. Plato Phaedo 81cd.

[265] Критская традиция Drosulites (= Росяные люди), которая относится к битве Греческой войны за независимость в Сфакийской области, очень похожа. В конце мая и начале июня на равнине Франкокастелло как раз перед рассветом является процессия фантомных воинов, марширующих вниз от руин монастыря св. Хараламбоса к морю. Видение, которое длится несколько минут, как полагалось, представляет солдат эпирота Хаджимихалиса Далианиса, которые пали в битве против турок в мае 1828 г.

[266] Валамир был королем остроготов (ок. 447 - 465 гг.) и сражался на стороне Аттилы в битве на Каталаунских полях (451 г.); он был скорее дядя, чем отец Теодориха.

C. Потерпев неудачу в политике, он прибыл в Александрию и вернулся к спокойной жизни досуга из-за своего отвращения к неприятностям публичной карьеры. (Он яростно ругался против как народа Рима, так и императоров). Он преследовал изучение философии через многочисленные и различные книги, которыми он владел. И он был более способен, чем кто-либо, привлекать тех, кто отличился в учении, так что они постоянно посещали его. И он был благочестив[267].

D. Брахманы также пришли к Северу в Александрии, и он принял их в своем собственном доме со всей должной учтивостью[268]. Они, со своей стороны, проводили все их время непотревоженно в доме в поистине святой манере, без стремления посещать или общественные бани, или что-либо еще, которое шло в городе, будучи полностью незаинтересованными во внешних вещах. Они ели финики и рис, а их питьем была вода. Они не принадлежали к ни тем брахманам, которые жили на горах, ни к населяющим города индийцев, но были обитателями двух миров, давая советы, когда нужно брахманам по городским вопросам, и городам по вопросам, касающимся брахманов. Они также рассказывали все истории о горах брахманов, которые повторялись авторами, что они вызывали дождь и засуху молитвой, также отгоняя голод и эпидемии, а также удаляя всякое другое зло, которому не предопределено быть неисцелимым. Они еще говорили, что видели одноногого человека и семиголовых змей необычайной длины, *и другие сверхъестественные вещи.*

E. Север сказал, что он видел растение, похожее на Горгону, чей корень выглядел точно как девочка, чья голова покрыта локонами в виде змей.

52

Гадание по облакам, которое не было известно древним даже по слухам, было изобретено женщиной по имени Анфуса[269] во время правления римского императора Льва. Эта женщина пришла из Эг в Киликии, но ее первоначальное происхождение было из семьи Орестиадов, которые осели на горе Коман в Каппадокии, а она про-

---

[267] Слово ἐπιεικής - один из любимых терминов Дамаския, встречающийся более двенадцати раз в дошедших фрагментах; его базовое значение - быть не только порядочным, образованным и высшим классом, но также традиционно благочестивым, т.е., «хорошим язычником».

[268] Как выясняется из истории, описанной Malchus fr.3 (ср. p. 85, n. 24), слава Севера, как поистине справедливого мужа, превосходила границы Римской империи.

[269] Так же, как являясь именем дочери Илла, Anthusa - была мистическим именем Константинополя по аналогии с Roma-Flora (ср. *Dagron G.* Constantinople imaginaire, 44, 336).

слеживала свою родословную от Пелопса. Беспокоясь за своего мужа, который был облечен полномочиями некой военной должности и отправлен с другими на Сицилийскую войну[270], она молилась восходящему солнцу для предвидения будущего в своих снах. Затем ее отец, являясь во сне, увещевал ее молиться садящемуся солнцу, наряду с тем она молилась и формируемому на ясном небе облаку около солнца, которое постепенно вырастало и приобретало форму человека. Другое облако отделилось от него и росло до тех пор, пока оно не достигло равного размера и не приняло форму льва, который стал голодным и, широко открыв свой рот, проглотил мужа. Облако в форме мужа выглядело как гот. Тогда после этого видения император Лев вероломно предал смерти Аспара, вождя готов, и его детей[271]. От этого времени до теперешнего Анфуса продолжала практиковать этот метод гадания по облакам.

53

A. Египетские теологи отождествляют Сотис с Исидой, в то время как греки соотносят эту звезду с Сириусом, которого они представляют в виде собаки, которая сопровождала Ориона на его охоте, они скорее показывают его запечатленным на небе в этой форме[272].

B. Некоторые люди скрытно сломали и разрушили священные статуи. Лишенное ритуальной поддержки местное египетское населе-

---

[270] Упоминание экспедиционных сил под руководством Василиска, которые были отправлены против вандалов в 468 г. История была, возможно, связана с Севером, который отправился в Карфаген в 474 г. во главе посольства договариваться с Гейзерихом об условиях мирного договора, который оставался в силе до упразднения Вандальского королевства Юстинианом. О гибельной Вандальской войне, предпринятой Львом в 468 г., см. *Stein-Palanque* I, 358-362, 390-391 и *Blockley*, 75-76.

[271] В 471 г.; два сына Аспара, Ардабур и Патрикий, были атакованы, но последний с течением времени выздоровел от своих ран, ср. ниже, p. 261, n. 285.

[272] Это упрощение следующего: Sothis (Sopet у египтян, Seirios у классических греков) - самая блистающая звезда в созвездии *Canis Minor*, которое является за Орионом. Египтяне наблюдали, что на широте 30^0 (где расположен Мемфис) Сотис восходит в то же время, что и солнце, 19/20 июля после затенения около семидесяти дней; этот солнечный восход Сотис совпадает с подъемом воды в Ниле-Осирисе и указывает на начало календарного года в Египте (ср. i.a. Porphyr. De antro 24). О важности каникулярного года не только в Египте, но и на всем Ближнем Востоке, см. *Bidez J., Cumont F.* Les mages helle'nise's. Paris, 1938, I, 123-127. Идентификация Исиды с Сотис была очень древней и оставалась популярной на протяжении фараоновского и эллинистического времен (ср. Plutarch Is. 38 и 21 об идентификации созвездий с божественными душами (Isis= Пес, Horus=Орион, Typhon=Медведица), вместе с Griffith's комментарием, p. 371); также PMG VII. 490 ff.; P. Oxy. 1380 etc. Дамаский, тем не менее, кажется, получает информацию из Horapollo's Hieroglyphica I.3 (Sbordone, pp. 6-9), где Исида, как репрезентация года, названа у египтян Sothis, а у греков - Astrocyon. О разумной презентации доказательства относительно Сотис, см. *Bonneau,* 263-269.

ние преуспевало в борьбе с трудностями в сохранении гавани, используя человеческие усилия и умения[273].

C. Слуги женщины преследовали пса, который схватил страусиное мясо и бежал прочь.

D. Когда они копали, там появился и стал виден фронтон очень древнего храма[274].

54

Гермий был александрийцем по происхождению, отцом Аммония и Гелиодора, *которые были учителями Дамаския*. Гермий был также огромным другом Египта, брата Феодоты, матери философа Исидора. Что касается Египта, он был охотником за знанием[275].

Гермий имел благопристойную натуру и простой характер. Изучив философию под руководством великого Сириана, он не оказывался вторым ни с одним из учеников в тяжелой работе, даже ни со своим знаменитым земляком-студентом Проклом, *кто позже стал диадохом*. И не был он недостаточным в любви к тем действительно приятным наукам, поставляемым философией. Еще он не был очень острый, и не был он тем, кто изобретает убедительные аргументы, и не был могучим искателем истины. Так он не мог отстоять свое мнение против тех, кто задавал ему вопросы для дискуссии, хотя он учил наизусть практически все, что он слышал из объяснения своего учителя, и все, что бы-

---

[273] Испорченный текст. История рассказана Zacharias (VS 28-29), который представляет христиан как разрушителей идолов в Canopus-Menuthis. Первоначально Афанассиади реконструировала последнюю часть этого отрывка как следующую: ὁι ἐπιχώριοι ἀνθροπίνῃ σπουδῆ καί τέχνῃ <ἐις> τόν λιμένα μόλις ἑαυτο<ύ>ς περισῴζουσιν ὁι Ἀιγύπτιοι, предполагая, что местные жители преследовались христианами, и, следовательно, переведено это было в следующей манере: «местные жители строго избегали гавани с риском для их жизни, используя человеческую скорость и хитрость», но Augusto Guida привлек внимание к более правдоподобной версии, предложенной текстом рукописей: лишенные божественной поддержки после разрушения статуи богини, местные жители полагались всецело на свои собственные силы, для того чтобы сохранять мелкую болотистую гавань удобной для навигации (ср. Strabo 17.801 и *Baedeker*. Aegypten. Leipzig, 1906, 105: "Abukir, ein unbedeutendes Dorf mit seichtem Hafen" – *Абукир, маленькая деревня с мелкой гаванью (нем.)*).

[274] Ср. Zacharias VS 19: "Ménouthis, le village de la déesse, où quelqu'un a, accomplissant ainsi une bonne action, enfoui sous le sable le temple d' Isis, au point qu'on n'en voit même plus la trace" - *Менуфис, деревня богини, где кто-то, делая доброе дело, похоронил под песком храм Исиды, до такой степени, что даже не виден след (фр.)*.

[275] Исидоров дядя - очевидно анемичный собеседник Феофраста и Гессия в Theophrastus Энея Газского; он был также учеником Гиерокла, как выясняется из того же текста. Интересно отметить, что философский диалог Захарии «Аммоний, или О сотворении мира» был написан в ответ на Theophrastus. Вместе два текста сообщают живую картину атмосферы философских дебатов среди учеников и учителей в Александрии 480-х годов. См. Appendix III, p. 353.

ло записано в книгах. Но в своей оригинальности ума он не расцветал в гармонии с эрудицией.

Он был более несовершенен в своей способности аргументировать, нежели в точности, но так хорошо упражнялся в добродетели, что даже Мом (Обвинение) сам мог бы найти ошибку по сравнению с ним, или Phthonus (Зависть) испытывать отвращение к нему. Таковы были его доброта и чувство справедливости.

Однажды некий мирянин предложил продать ему книгу, прося за нее меньше, чем она стоила, Гермий исправил ошибку и купил книгу по более высокой цене. На деле так случалось не раз, что он обнаруживал это чувство справедливости, которое не было предметом заботы других людей, но часто, всякий раз, когда случалось, что продавец не знал правильную цену, он указывал на это. В этом отношении он был непохож на других людей, которые любят наталкиваться на неожиданный кусочек удачи, думая, что они не совершают несправедливость, если они наживутся за счет желающего продать продавца. Он считал, что сделка такого рода содержала обман и мошенничество, которые состояли не только в говорении лжи, но в и в утаивании правды; это была несправедливость, основанная не на насилии, но на краже, которая проходит незамеченной многими - метод воровства не в опасной манере разбойника, но который не менее губителен для справедливости, так как пренебрегает законом.

Говорили, что, когда он умирал, он клялся Египту, что душа бессмертна и нерушима. Что давало ему эту смелость, - это его добродетельная жизнь, отрицавшая телесную природу, обращающая себя и упражняющая разделение [души и тела], когда она уже стояла лицом к лицу с бессмертием[276].

55

Григорий, брат Гермия, был точной противоположностью ему: крайне сообразительный и быстрый в исследовании и в учении, он не был спокойным и не имел уравновешенности в своем поведении; фактически он был скорее взбудораженным. Вскоре после того, как оба брата вернулись из Афин в Александрию, Григорий уступил болезни в такой степени, что его разум не мог больше служить его логической способности, став крайне отчужденным [от реальности].

56

[276] Этот отрывок должен относиться к собственной смерти Гермия скорее, чем Египта, хотя в состоянии, в котором это было передано, текст двусмысленный. Об одинаковой мысли, выраженной как общее положение, см. Plutarch Mor. fr. 178.

Эдесия, жена Гермия. Она была родственницей великого Сириана, наиболее красивой и благородной из александрийских женщин. Она имела сходный характер с ее мужем, простой и уважаемый, пока заботилась на протяжении всей своей жизни о справедливости не менее, чем об умеренности. Но где она была поистине исключительной, так это в своей любви к Богу и Человеку. Поэтому она пыталась помочь нуждающимся в манере, далекой от ее денежного состояния, так что, когда после смерти Гермия она осталась присматривать за сиротами, она продолжила тратить равно так много на благотворительность, что она в итоге завещала сыновьям жизнь в долгах. Из-за этого некоторые люди критиковали ее. Но она, думая, что есть одно сокровище - ценность жизни после смерти[277], желала облегчить бремя бедности для святых и хороших людей, не берегла ничего в своем сострадании к человеческим обстоятельствам. Как итог, она была любима даже наиболее злыми из ее соотечественников.

Она проявляла особую заботу об образовании своих сыновей в философии, желая передать по наследству им профессиональные умения их отца, как если бы это было наследие предков; и она стояла во главе школы, чтобы сохранить для своих детей общественное содержание, даваемое их отцу от времени, когда они были слишком юными, до того, как они могли стать философами, чего, насколько мы знаем, ни один другой мужчина или женщина не достигал когда-либо. Действительно, уважение и честь, оказываемые Эдесии повсеместно, были значительными. И когда она сопровождала своих сыновей в Афины, где они изучали философию, ее добродетель вызвала восхищение целого хора философов и не менее их корифея - Прокла. Это была та Эдесия, которую как молодою девочку Сириан намеревался обручить с Проклом, если бы некое божество не предохранило Прокла от вступления в брак. Она была настолько благочестива и свята по отношению к Богу и – если говорить правду - настолько любима богами, что она блистала множеством божественных откровений.

Такова была Эдесия, которая провела всю свою жизнь любимая и хвалимая Богом и людьми. Я знал ее, как пожилую женщину; и когда она умерла, я прочитал на ее могиле обычную погребальную речь, украшенную героическими стихами. Я был тогда очень юный, просто мальчик.

57

---

[277] Упоминание Ἀμείνων/ἀγαθή ἐλπίς немедленно приводит на ум формулу Элевсинских мистерий.

A. Мальчик, самый старший из [будущих] философов, был рожден Эдесией от Гермия, и когда он был в возрасте семи месяцев, Эдесия играла с ним, как это естественно, и смягчая свой голос она могла позвать его “babion” или даже «маленький ребеночек». Слыша это, он становился злым и критиковал эти детские уменьшения, выражая свой критицизм ясным и четко поставленным голосом. *Он рассказывает много других необычайных анекдотов об этом ребенке и говорит, что* так как он не мог вынести телесную природу, он ушел из жизни в возрасте семи лет; так как его душа не могла содержаться в этой земной сфере.

Сирийцы, и особенно те, кто жили в Дамаске, называли младенцев и даже более старших детей “babia”, в честь Бабии, богини, почитаемой ими[278].

B. Из сыновей, которых она имела от Гермия, младший - Гелиодор, а старший - Аммоний. Последний был более смышленый и любитель учености, в то время как первый был проще и более поверхностный как по характеру, так и в рассуждении. Так они оба изучали философию под руководством Прокла, поступив к нему под руководством своей матери. И Прокл уделял особое внимание им, так как они были детьми Гермия, его друга и земляка-студента, и Эдесии, родственницы Сириана, который был также там с ними. В то же время прибыл вместе с ними в Афины Гиеракс, брат Синезия[279].

C. Аммоний был крайне трудолюбивым, он сделал величайший вклад из комментаторов, кто когда-либо жил[280]. Он был действительно эксперт по Аристотелю. В геометрии и астрономии он отличался не только среди своих сверстников, но также и более старших в классах Прокла; действительно я мог бы чуть ли не сказать, что в этих предметах он превосходил людей всех возрастов.

58

A. Уже таинства философии были обращены в предмет веселья и великий смех некоторых из тех людей, чьи уши были уничтожены, а

[278] Является ли комментарий текстом Дамаския или Фотия, никто не может сказать; о babosa в значении 'puellus': *Brockelmann C.* Lexicon Syriacum, 1928^2, p. 62A (ссылку указал Dr Sebastian Brock).

[279] Это явно не Синезий, который посетил Афины, возможно в 410 г., как избранный епископ (о новой хронологии: *Cameron, Alan.* Barbarians, 409-411), но другой человек, чей брат - современник Аммония; ср. 58B.

[280] Исправление πλεῖστον для πλείστοις в тексте было предложено Augusto Guida, который цитирует Galen XV, 519, 1 и XVI, 589, 2 по ὠφέλεια комментаторов.

восприятие разрушено, *говорит Дамаский о том факте, что некоторые люди разглашали таинства философии*[281].

B. Гиеракс Александрийский, современник Аммония, говорит, то он видел похожее на Пана животное, которое перевозили из Эфиопии в Константинополь; оно выглядело точно как те, на изображениях и скульптурах, а его голос, который он слышал, когда оно провозилось через Александрию, был похож на пронзительный крик[282].

C. В царствование императора Льва некоторые эфиопы привезли жирафов и двух слабоумных людей с крошечными телами, кого Гомер называет «пигмеи»[283].

IV. Афины в 470-х годах

59

A. Исидор пришел в великую радость, когда он поймал взгляд Прокла, чья внешность была как серьезной, так и жуткой, так что он казался уставившимся на истинное лицо самой философии. Прокл также восхитился внешностью Исидора, как божественной и полной философской жизни внутри. Его глаза выдавали подвижность его ума и, в то же время, через них пробегали чарующая серьезность и естественная скромность, которые привлекали философа и делали его смотрящим на молодого человека как на старого друга.

B. Прокл приказал [Исидору] изменить свою внешность для целей лучшей жизни и надевать грубый плащ. Но Исидор не мог заставить себя сделать это, хотя он почитал Прокла почти как бога.

C. «Он не ступил так далеко», - как оракул говорит, в направлении благочестия, но установил правила для себя, подходящие для его

---

[281] Комментарий есть у Суды; отрывок явно упоминает эпизод, подразумеваемый выше (53) и описанный Захарией полностью: после того как двенадцать верблюдов, нагруженных идолами, открытыми христианами в тайном храме Исиды в Менуфисе, прибыли в Александрию, жрец богини был вынужден описать особенности и функции каждого идола в присутствии церковных и светских властей (VS 33ff.). Особенно обличительная в этой связи параллель отрывка из Суды (III 66, 13: κατεαγόντων), которая гласит следующее: ἀυ῀τη τοίνυν ἡ προθυμία ἐνίοις τω῀ν τά κατεαγόντων καίʹάμα διεφθαρμένων τάς διανοίας ἐπί κωμῳδίᾳ (l. -ίαν) ἐτράπη καί γέλωτα πολύν. «Это рвение (явно со стороны жреца Исиды) породило веселье и великий смех у некоторых из тех людей, чьи уши были уничтожены, а восприятие разрушено». Захария, с другой стороны, сообщает: «*люди также высмеивали других идолов. Если кто-то из них имел руки и ноги, он их ломал и в шутку кричал на языке страны*» (VS 35). После того, как их так вандальски разрушили, священные объекты были публично сожжены.

[282] Нет ничего невозможного в том, что это могла быть ссылка на Пампрепия; ср. 112A.

[283] О гомеровской цитате см. Il. 3.6. Об иконографии карликов в античности, см. *Dasen V.* Dwarfs in Ancient Egypt and Greece. Oxford, 1993.

возраста, перерабатывая религиозные материи с ясным и чистым сознанием.

D. Исидор говорил то, что подобает молодому человеку, кто, только приступив к изучению философии, был полон рьяного энтузиазма к своему предмету; в то время как благочестивая приверженность богам наиболее подходила тем, кто был уже развит и был далеко на пути как по годам, так и в философии.

E. Прокл помещал теологию перед другими ветвями философии, и он казался предпочитающим благочестие его аналогам - жизнь, укрепленную в добродетели.

F. Прокл был поражен подражанием Исидора крикам и другим шумам, производимым птицами. Иногда в течение халдейских ритуалов он давал показ его имитации воробьев и кур, и других птиц, машущих своими крыльями, когда они поднимают себя для полета.

60

Салюстий: он приехал из Афин в Александрию с философом Исидором[284]. Манера Салюстия казалась странной каждому, так как он философствовал настолько глубоко, а его шутки были настолько забавные, что в обоих занятиях он переходил черту, а ведь хорошее суждение необходимо для такого способа жизни превыше всего.

По линии своего отца Салюстий приходил из ... в Сирии, в то время как его мать была эмеской. Имя его отца было Василид, а его матери - Феоклея. Человек многих талантов с суровым и честолюбивым характером, он первым делом положил свой глаз на судебную карьеру и посещал риторические курсы Евноя, софиста, который был тогда в Эмесе. Но впоследствии он обратил свое внимание от юридической карьеры к этому софисту, и поэтому начал изучать ораторов, будучи восхищен его трудолюбием не менее, чем его природной одаренностью. Поэтому он выучил наизусть целые публичные речи Демосфена, но, в то же время, мог и импровизировать, хотя и не в манере современных софистов, но имитируя архаический отпечаток риторических сочинений. И действительно, он писал речи, которые были не намного хуже тех.

Среди учеников Евноя он записал, что мой собственный соотечественник Марцелл выучил наизусть восемь книг «Истории» Фу-

[284] Предположительно, после Исидоровых штудий с Проклом в середине 470-х годов. Полагая, что, когда Исидор прибыл в Афины, он уже завершил учебную программу в Александрии и изучал философию с Гераиском и Асклепиадом - занятие, за которое ненормально браться раньше двадцати двух лет - мы можем поместить дату его рождения в начале 450-х годов.

кидида, даже еще не будучи способен говорить что-нибудь достойное слушания. Говорят, что Нонн также изучал Демосфена усердно от корки до корки шесть раз и еще не был способен даже открыть свой рот, чтобы сопоставить несколько подходящих предложений. Ведь выучить огромную массу текста наизусть - это вещь, совершенно отличающаяся от хорошего написания.

Когда Салюстий уже стал сильным мастером своего искусства - полный юношеской самоуверенности и напыщенных слов - считая Евноя недостойным себя (ритор Евной имел медлительный ум)[285], он приплыл в Александрию и начал подбирать учителей риторики там.

61

Супериан, софист исаврийского происхождения школы Лахара[286]. Этот Супериан пришел учиться довольно поздно и также имел тупой ум, но он был настолько трудолюбивый и серьезный, что в возрасте более чем тридцати лет, он начал читать работы риторов и вообще заниматься свободными искусствами и принуждал себя (не жалея ни выговора, ни кнута) учиться в таком пожилом возрасте, совершенно как тот, кто был заставляем наставниками и учителями учиться в юности, когда они до сих пор дети. Этого Супериана часто виделим в общественных банях с нанесенными им самому себе ударами бича. И действительно, он не потерпел неудачу в своих надеждах, так как немного спустя был публично провозглашен софистом «в блистающих и прославленных Афинах»[287], будучи ненамного позади Лахара в известности.

62

А. Я, действительно, в состоянии знать, что Лахар стал софистом через прилежание скорее, чем через природную одаренность, так как я читал некоторые из его речей. И мое первое впечатление, судя из его сочинений, что он был исключительно прилежен, хотя не особо одарен. Я также видел статую мужа, который говорит непосредствен-

---

[285] Это очевидно пометка Фотия, обобщающая суждение Дамаския о Евное.

[286] Лахар был учеником Сириана и земляком-учеником Прокла, которого по хронологическим основаниям Дамаский не мог никогда встретить (*pace* PLRE II 'Lachares 2'); Марин полон восхищения его благочестием и философским поведением (VP 11). Длинная, но, к сожалению, крайне испорченная погребальная эпиграмма (No 119, Athens, Epigraphic Museum; см. SEG 30, no. 276, о реконструкции первых пяти строчек), составленная его сыном Евстафием, восхваляет многие добродетели Лахара в соответствии с теми же строками, какие делают Марин и Дамаский, и в то же время позволяет нам идентифицировать PLRE II 'Eustathius 6' с сыном Лахара.

[287] Pindar fr. 76 (Mähler), вероятно, процитировано через Ps.-Lucian Dem. enc. 10.

но, какого сорта мужем был Лахар: скорее медленный в интеллектуальных занятиях, но хороший и порядочный, когда приходилось созерцать добродетель; достойный, действительно, быть названным философом скорее, чем софистом; действительно, Лахар был мужем, много любимым богами, который потерял свое зрение, но затем восстановил его.

В. - святой муж, величайше вдохновлен божественным безумием -

С. Митрофан софист был потомком Лахара, который, когда еще был очень юным ребенком, громко крикнул: «Я плешь Аристофана»[288], ничего не слыша о таких материях. Но когда те, кто слышали его, спросили его, что точно он имел в виду, он отрицал какое-либо знание того, что он сказал. Супериан софист написал речь против этого Митрофана.

63

А. *Автор говорит, что он видел статую Афродиты, посвященную Геродом софистом.* При виде ее меня прошиб пот из-за влияния божественного ужаса и изумления, а моя душа почувствовала такую радость, что я был совершенно не способен идти назад, домой. Я шел прочь некоторое время только чтобы вернуться к этому зрелищу снова. Скульптор смешал в ней так много красоты - ничуть не сладкое и чувственное, - но нечто облагороженное и мужественное: покрытая броней и как если только вернувшаяся с победы, с выражением радости[289].

В. *Он говорит,* что Гиерий, сын Плутарха[290], который учился философии под руководством Прокла, видел в так называемом доме Квирина человеческую голову на себе самой, настолько маленькую, что она не отличалась от гороха ни по размеру, ни по форме; и это - почему она названа «горох». Во всяком другом отношении это была человеческая голова, детальная с глазами, и лицом, и волосами и совершенным ртом, из которого издавался звук, настолько громкий, как будто производился тысячью мужей[291]. *Связывая это чудовище с «гороховой» головой, автор добавляет множество других истории об*

---

[288] Ср. Aristophanes Pax 767, 771.

[289] Этот отрывок составляет типичный *ekphrasis*, который формирует составную часть патриографического жанра.

[290] PLRE II 'Hierius 5', 'Plutarchus 2' соответственно. Последний, описывая себя в посвятительной надписи как μύθων ταμίας, и обозначенный в другой как βασιλεύς τῶν λόγων, три раза оплачивал цену священного корабля Афин в Панафинеях, ср. *Robert,* Hellenica IV, 94-5.

[291] Равно типичный *paradoxon*, который хорошо согласовывается с предыдущим параграфом.

этом, заслуживающих доверия и записывания у нечестивого Дамаския.

64

Николай оратор: он был учеником Плутарха и Прокла - я имею в виду Плутарха, имевшего имя Несторий[292]. Он писал декламации и риторические упражнения и другие работы. Он процветал в царствование Льва Старшего и до Зенона и Анастасия.

65

Оденат Сириец. Он был учеником философа Плутарха и задавал в его классах учителям так много вопросов, что аргумент блокировался и не позволял продолжать. Еще до тех пор, когда пришло понимание истины, Оденат был скорее несовершенным. Он не думал, что философу следует получать вопросы или давать ответ кулаком. Действительно, трудно и почти невозможно для людей говорить или думать что-то о богах[293].

66

А. Салюстий философ, который сказал, что нелегко для людей философствовать - фактически, это невозможно. Слушая это, я чувствовал отвращение, так как это сказанное казалось и ни правдивым, и ни ценным. Салюстий, однако, знал, как выразить внутреннюю правду. Он не возражал философам как таковым, но был ненавистник безнравственного, и, по словам Гераклита «презиратель толпы»[294], который нападал на любого, кто делал ошибку и хватался за любой повод, чтобы критиковать и делать смешным для людей. Иногда он делал это,

---

[292] Эта фраза может быть богаче по значению, чем можно было себе представить, содержа ключ к идентичности Нестория. Если Плутарх Афинский имел альтернативное имя Несторий, тогда его отец кажется, был иерофантом Несторием, который спас Афины от землетрясения в 375 г. (Zosimus IV.18.2-4), как, действительно, намекалось Marinus VP 28. Если идентификация правильная, тогда слово πάππος, упоминавшее на Нестория в Прокловой фразе πάππος ὢν Πλουτάρχου (In Remp. II, 64, 6), имеет в виду «предок» скорее, чем «дедушка» и 'Nestorius 2' и '3' в PLRE II - одно и то же лицо. О Плутарховой культовой деятельности на посту схоларха (предположительно, наследственной) и его особой связи с Асклепием, см. важную надпись no. 30 (*Sironen*, pp. 48-50) и ср. 89А. Николай был учеником Лахара и современником Прокла, кого он приветствовал по его прибытии в Афины (Marinus VP 10); о его обильных литературных сочинениях: *Walz*, Rhetores Graeci I, 266-420.

[293] Отрывок, очевидно, испорчен. Объектом в предпоследнем предложении может быть Плутарх; тема финального предложения продолжена в 66.

[294] *Diels-Kranz*, Die Fragmente der Vorsokratiker I (1952 6), I, 141, 4: прилагательное, описывающее Гераклита самого - найдено в Timo (fr. 43).

имея среди источников серьезный аргумент, но обычно с помощью юмора и насмешки. Действительно Салюстий был совершенно остроумный и имел природное расположение и склонность к насмешке; этот дар, которым он владел на исключительном уровне, был, тем не менее, семейной характерной чертой[295]. Салюстий также был мужем, который называл истинную веру о богах «пятой добродетелью»[296], которая иногда присутствует и в наиболее безнравственных из людей. И однажды, когда какие-то иностранцы[297], хвалили его другие качества, но говорили, что он нуждается в этой одной вещи - что он придерживается той же веры в богов, как большинство - он сказал: «Позвольте мне хранить эту одну странность держа Немезиде». Встретив Пампрепия, когда последний был в зените своего могущества и будучи спрошенным им в эгсгибиционистской манере[298]: «Как боги связаны с людьми?», Салюстий ответил: «Каждый знает, что ни я еще не стал богом, ни ты человеком». Так много [сказано] о Салюстии. Его философия соответствовала направлению кинизма.

B. Как кинический философ Салюстий не следовал проторенным путем философии, но делал его тернистым через критицизм, нарушения и особенно через тяжелый труд службы добродетели. Он мог редко надевать обувь, и когда он делал так, он появлялся в общественном месте, нося или аттические *iphicratides* или общественные сандалии. И он никогда не являлся или больной телом, или утомленный духом надолго, но подчинялся общественной жизни «со своей непокорной шеей», как поговорка гласит.

C. Он обходил целый мир, как сказать, босоногим.

D. Когда Салюстий входил в или выходил из места студенческого жилища, он видел, что готовящиеся котлы были абсолютно чистыми и свободными от дыма, как если он был на выставке для продажи на рыночном месте; так он делал особый акцент на соблюдение диеты в виде неприготовленной пищи в течение длительного времени.

E. Салюстий вел молодежь прочь от философии одним из двух способов: или он ссорился с учителями и, через свою враждебность к

---

[295] Сирийцы имели репутацию насмешников, которую, например, Юлиан, находил исключительно непривлекательной (Misopogon, *passim*.).

[296] В дополнение к четырем основным платоническим добродетелям (мудрость, мужество, умеренность, справедливость).

[297] Это христиане, которые обозначены в Юлиановой манере как «чужестранные» как божественным материям, так и человеческим институтам (Contra Galilaeos, *passim*).

[298] Редкое слово ὡραΐζομαι также употреблено Зосимом с одинаковым саркастическим оттенком (IV.42.5; IV.51.1).

ним, интриговал против философских школ, или, суммируя величину задачи, он обсуждал, что ни один человек не достоин этого.

F. Действительно, случалось, что те молодые люди, которые были искренне в любви к философии, проверялись подобно золоту в огне. И даже хотя он не признавал, что это была проверка, в действительности это очень сильно походя на попытку поставить ловушку и разоблачать повышенной активностью в движении. Меня, по крайней мере, он пытался предохранить от погружения в такую задачу на том основании, что это было крайне трудно.

G. Афинодор имел в своем распоряжении все существенное для философской карьеры, как через свою природу, так и по праву решения он сделал... когда Прокл был в живых. Он объяснял (тексты) своим ученикам с доходчивостью[299]. Салюстий, который восхищался им за его усердие, обычно говорил, что муж был подобен огню, разжигавшему что бы ни лежало перед ним. И все же он убеждал Афинодора бросить философию.

67

Зенон был александриец, иудей по рождению, который публично отрекся от его иудаизма в традиционной манере, именно проводя белого осла через их так называемую Синагогу в Субботу. Этот Зенон был по природе скромный и благочестивый муж, но скорее медлительный в искусствах и науках, всегда ища знания и задавая вопросы о материях, о которых он не знал, но оставаясь не знающим по существу все. Так он был крайне медленным в понимании и когда он в конце концов понимал что-нибудь, он быстро утрачивал это снова из-за забывчивости.

68

Среди Прокловых учеников был также другой Зенон, в то же самое время. Он был пергамского происхождения, и он также был по природе скорее несовершенный в учении, но хорошей личностью с нравственной дисциплиной. Сейчас, какой из двух Зенонов дал Салюстию предлог для ссоры с Проклом, я не могу сказать.

69

[299] Очевидно, Афинодор был участником афинской профессорской организации, на которую намекает Marinus (VP 22 *ad fin.*), преподавая философию в Академии бок-о-бок с Проклом, Салюстием и другими.

A. Марцеллин[300] был благородный и храбрый муж. Он управлял Далмацией, областью в Эпире, населенной иллирийцами, и получил римское образование, будучи также знатоком в гадании так же, как и мужем высокой общей культуры. Он был независимым, не подчиняясь ни римскому императору, ни какому-либо другому национальному правителю, но был автономен, управляя своими подданными со справедливостью. Он владел благоразумной мудростью и имел выдающееся мужество, хорошо упражняемое в военном деле.

B. Хорошие и достойные похвалы политические действия и человеческие дела он вел на одном и том же уровне[301].

C. Армия, ведомая Марцеллином, особенно отличалась из-за ее легковооруженной экипировки[302].

D. Когда Гейзерих, король Карфагена, услышал, что римляне убили Марцеллина, своего союзника против него, предательски и против клятвы, которой они поклялись на мече, он ликовал в надежде на победу и очевидно говорил что-то подходящее более римскому императору, нежели карфагенскому правителю: а именно, что римляне отрезали свою правую руку своей левой. Марцеллин был независимым правителем Далмации и эллином [язычником] по своим религиозным верованиям. Философ Салюстий был при его дворе.

E. Такова была надежная уверенность, что вера Марцеллина в божественные материи вдохновлена в них[303].

70

Смотря в глаза людей, которых он встречал, Салюстий мог предсказать каждому насильственную смерть, которая может прийти к нему[304]. Причину этого знания он сам не мог объяснить, хотя, если

---

[300] Подобно Северу (ср. 51A, 77A) Марцеллин был очень близок к языческому императору Запада, Антемию. О его карьере - PLRE II 'Marcellinus 6'; о критическом анализе исторического контекста, в котором он действовал, *Stein-Palanque* I, 387-391; о язычестве этой обстановки и его историческим предпосылкам, *O'Donnell J.J.* The demise of paganism // Traditio. 35. 1979. P. 45-88.

[301] Этот отрывок, вероятно, суммирует то, что уже было сказано о качествах Марцеллина.

[302] Ср. Thucydides III.22.2.

[303] Сочетаясь с независимым свидетельством, информация, предоставленная Дамаскием, намекает на скоординированный план реставрации язычества в конце 460-х годов, в котором Салюстий и его патрон Марцеллин могли быть ключевыми фигурами, как Север и его собственный патрон император Анфемий: ср. мои замечания в JHS 113, 18. Более того, то, что сохранилось из PH, предполагает, что одной из центральных тем этого было географическое единство язычества, озабоченность которым также характеризует «Историю» Зосима.

[304] Возможно, это предложение относится к пропущенному фрагменту информации, рассматривающей предсказание Марцеллиновой смерти, упоминаемой в 69D.

спрашивали, он пытался отнести это к темноте и туманности глаз и избытку влажности в них, такой, какая собирается в самом зрачке глаза в моменты великой скорби. *Он также говорит, что некий Ураний, гражданин Апамеи Сирийской и правитель Кесарии Палестинской, мог распознать проклятых магов по их глазам в сходной манере. Автор также упоминает некого Нома[305], своего соотечественника, который распознавал скрытых убийц, смотря в глаза людей, которых он встречал.*

V: Александрия в 470-х годах

71

А. Пересекши Эгейское море, Исидор...[306]

В. который преподавал философию у братьев. Он был исключительно прилежный в науках и более чем кто-либо еще способен выдвигать аргументы по существу всех материй, касающихся святых вещей. Еще у меня, по крайней мере, он создал впечатление, что является философом по своему образу жизни, но в области знания он не казался действительно сильным, будучи неподготовленным в искусстве диалектики скорее, чем без какой-либо природной способности.

72

А. Гераиск был более богоподобен по природе, в то время как Асклепиадд был более знающий мудрость египтян, потому что, пока последний последний проводил так много времени в Египте, первый путешествовал за границей. Каждый из двух был очень несовершенен, когда сравнивался с другим, один (Асклепиад) относительно природной одаренности, другой (Гераиск) относительно точного знания.

В. Отсюда его жизнь достигла стадии, где при каждой удобной возможности его душа обитала в храмах и местах инициации, так как он возрождал ритуалы предков не только в Египте, но также за границей, где бы такой какой-нибудь обычай мог сохраниться.

С. Он прилагал все свои усилия к сбору информации о тайном почитании богов.

---

[305] Также упоминается в 106В и 109. Земляк-гражданин Дамаския, Ном учился риторике в Александрии в то же время, как он и другой ученик Гораполлона, Север Антиохийский, с которым он поддерживал отношения (ср. PLRE II, 'Nomus 3').

[306] Пропущенные строки должны относиться к возвращению Исидора в Александрию из Афин вместе с Салюстием. Полноценный философ, Исидор сейчас признается в качестве коллеги своими наставниками, Гераиском и Асклепиадом.

D. Что же до Асклепиада, который был образован преимущественно в египетской литературе, то он имел более точное знание своей родной теологии[307], исследовав ее принципы и методы и тщательно узнавая об абсолютной бесконечности ее крайних пределов[308]. Кто-то может это явно увидеть из гимнов, которые он составлял к египетским богам из трактата, который он намеревался написать о согласии всех теологий[309]. Он также написал работу, имеющую дело с египетской доисторией, которая содержит информацию, охватывающую не менее, чем тридцать тысяч лет, а в действительности слегка больше.

E. Асклепиад также сказал, что он видел в Ниле локон волос сверхестественного размера и красоты. В другом случае два из них поглощались Нилом[310] (там присутствовала также третья сторона - наш философ)[311], и поднимался из реки локон волос, который казался пяти локтей в длину[312]. *Действительно, он рассказывает много таких историй.*

---

[307] Ср. S I 42, 26: Ὅ δέ τήν τῶν Ἀιγυπτίων σοφίαν ἦν ἀδαημονέστερος ὁ Ἀσκληπιόδοτος (Асклепиодот был крайне неосведомлен о мудрости египтян). Я подозреваю, что это предложение было неправильным прочтением S II 579, 3 (72A), скорее, чем каламбур эксцептора Суды, использующего сходство между прилагательными и именами (δαημονέστερος Ἀσκληπιάδης / ἀδαημονέστερος Ἀσκληπιόδοτος).

[308] Запись двойного значения слов ἀρχή, μέσον, πέρας в тексте.

[309] Более подробно об этом трактате в Princ. III, 167. Как было понято Combès (Princ. III, 240, n. 5), краткий анализ, которым Дамаский снабжает теологические работы Асклепиада и Гераиска, устанавливает двойную связь между герметической теологией (Herm. S XXIII. 32) и Ямвлихом (Myst. VIII.3), с одной стороны, и между тем же герметическим текстом и Гераиском и Асклепиадом, с другой. Как хорошо известно, в V веке главный герменевтический вопрос неоплатоников состоял в обеспечении согласия между всеми греческими и восточными теологиями; ср. p. 113, n. 72 (о Сириане); Marinus VP 22 (О Прокле).

[310] Упоминание должно относиться к Асклепиаду и Гераиску.

[311] Исидор.

[312] Критическое чтение литературного свидетельства (фараоновского, птолемеевского, римского) перспективно в сочетании с умственным пониманием естественной природы. Danielle Bonneau (259-263) интерпретирует мифы и легенды, которые лежат за феноменом «локон Исиды»: во время, когда Нил обрамлен гигантскими папирусными растениями, измеряемыми двумя или тремя метрами в высоту (как до сих пор в случае пятого порога), сила его наводнения для многочисленных головок растений порождает отъединение от их стеблей; когда они плыли вниз по реке на их пути к морю, они казались похожими на гигантские локоны волос, которые народное воображение приписывало Исиде, так как она была полезной в восстановлении Природы, порожденной подъемом вод. Этот феномен имел место к концу июля (во время, когда звезда Сотис появлялась на небе, о котором ср. 53A с соответствующим замечанием) и рассматривался как символ воскрешения Осириса, предсказывая обильное наводнение. Так как возрождение Адониса в соседней Финикии случалось в то же время года, египтяне и финикийцы, даже перед концом второго тысячелетия до н.э. начинали отмечать вместе воскрешение их богов, беря прибытие первых папирусных головок в Библ как сигнал начала праздников; ср. описание глазами очевидца во II веке н.э.: ἑκάστου ἔτεος ἐξ Ἀιγύπτου ἐς Βύβλον

F. Он говорит, что Асклепиад поднимался на гору Ливан в области Гелиополя в Сирии и видел много так называемых baetylet или baetyl[313]*, о которых он рассказывает множество чудовищных историй, достойных нечестивого языка. Он говорит, что некоторое время позже*[314] *он сам и Исидор также видели их*[315].

73

А Святое племя[316] вело частную жизнь, уважая богов и счастливо, посвящая жизнь философии и почитанию божественных вещей.

В. Они возжигали святой огонь на алтарях.

74

А. Леопард вечно жаждущий, сокол[317] - никогда. По этой причине кто-либо редко видит его пьющим.

В. Гиппопотам - несправедливое животное; отсюда оно доставляет знак для несправедливости в иероглифических надписях; оно ведь убивает своего отца и насилует свою мать[318].

ἀπικνέεταί πλώουσα τόν μεταξύ πλόον ἑπτά ἡμερέων καί μιν ὁι ἄνεμοι φέρουσι θείῃ ναυτιλίῃ (Lucian Dea Syr. 7). Подобный ритуал описан в Книге Исайи (18.1), и в своем Комментарии на этот отрывок Кирилл Александрийский (PG 70.440-442) говорит, что каждый год женщины Александрии объявляли женщинам Библа Афродитино открытие Адониса посредством письма, запечатанного в глиняный горшок. Этот ритуал, обозначающий воскрешение Природы, оставался неизмененным во времена Дамаския, если верить Прокопию Газскому (Comm. ad proph. Es. 258). Рассмотренная в контексте этой длительной традиции с ее устойчивыми обычаями, Каллимахова элегия о волосах Береники представляет безуспешную попытку Птолемеев эллинизировать миф в поддержку наводнения Нила.

313 Об исторической эволюции культа baetyl как неиконического выражения номадического и устного культа, см. *Frankfurter D.T.* Stylites and Phallobates: pillar religions in late antique Syria // Vig. Christ. 44. 1990. P. 180. Частое представление baetyls на монетах иллюстрирует популярность культа на древнем Ближнем Востоке, и более конкретно в Финикии; см. *Teixidor*, Pagan God, 38-39 и *Baumgarten*, 202. О мифологическом аспект: Philo of Biblos, 23 (= Baumgarten 810): ἐπενόησεν Θεός Ὀυρανός βαιτύλια, λίθους ἐμψύχους μηχανησάμενος.

314 В течение поездки обращения ок. 489-490 годов, ср. 138. О baetyls (бетиль), см. предыдущее примечание.

315 Рассказы Асклепиада о священном туризме, как сообщено в этом фрагменте, были, очевидно, среди влияний, которые настроили Исидора на его путешествия.

316 О выражении ἱεράγενεά, которое должно быть «внутренним» термином для неоплатоников, ср. Hierocles On Providence ap. Photius Bibl. Cod. 214. 173a *ad. fin.*

317 Священное животное Гора, который часто представляется или как сокол, или с соколиной головой.

318 Это топос: ср. Plutarch Is. 32, где гиппопотам обозначает позор: «λέγεται γάρ ἀποκτείνας τόν πατέρα τῇ μητρί βίᾳ μίγνυσθαι»; похожая информация в Aelian NA 7.19 и Porphyry Abst. 3.23. Но прямым источником Дамаския по иероглифам должен быть сам Гораполлон, которому мы обязаны трактатом по этому предмету (ср. p. 151, n. 125). Под

C. Suchos - справедлив, Suchos - имя типа крокодила - так как он не несправедливее любого животного[319].

D. Кот отмечает прохождение двенадцати часов, мочась в каждый как день, так и ночь без исключения, в эти часы. Но также фазы луны могут быть посчитаны его потомками, так как в первые роды кошки производят семь котят, во вторые - шесть, в третьи - пять, в четвертые - четыре, в пятые - три, затем в шестые - два и наконец в седьмые - одного. И число потомства кошки одинаково с номером фазы луны[320].

E. Kebus[321], который является видом обезьяны, извергает семя в пересечение солнца и луны[322].

F. Когда антилопа чихает, она извещает о восходе Сириуса[323].

заголовком 'The unjust and ungrateful' (I.56) мы читаем следующее: «Чтобы символически изобразить несправедливого и неблагодарного мужа, они рисовали две лапы гиппопотама, повернутые вниз. Так как это животное, когда прибывает в пору своего расцвета жизни, борется в битве против своего отца, пробуя, кто сильнее из двоих, и, если отец сдается, он выделяет ему место проживания, разрешая ему жить, а сам вступает в сексуальную связь со своей собственной матерью, но, если его отец не разрешает ему иметь сношения с его матерью, он убивает его, будучи сильнее и энергичнее из двух» (The Hieroglyphics of Horapollo Nilous. London, 1840, 76-77). Заслуживает внимания, что египтяне различали мужскую и женскую особь гиппопотама; в то время как женская чтилась как богиня Thoueris, мужская была тифоническим животным, идентифицируемым с Seth, ср. Plutarch Is. 50. Оба ассоциировались с наводнением Нила.

[319] Согласно Plutarch Is. 18, Исида искала конечности Осириса, пока плавала на папирусной лодке через болота; «это, почему людям, которые плавают на папирусных яликах, не причиняется вред крокодилами в счет страха или благоговения последних к богине». Об иконографическом свидетельству, иллюстрирующем эту веру, и о тексте из Дендеры, описывающем Гора, приносящего конечности Осириса в его крокодиловом облике, ср. *Griffiths,* 340 и 556-557 (с ссылкой на Plutarch Is. 75). О дальнейших деталях о природе Sobek-Suchos в египетской литературе, ср. *Bonneau*, 299-300.

[320] Соответственно итоговое число кошачьих отпрысков - двадцать восемь, так много, как фаз луны; одинаковое наблюдение у Plutarch Is. 63, который также замечает, что кот - это символ луны διά τό ποικίλον νυκτουρνόν καί γόνιμον τοῦ θηρίου. В Is. 74 Plutarch упоминает традицию, согласно которой кот производит зачатие через ухо и дает рождение через рот, таким образом символизируя рождение речи.

[321] Aelian, NA 17.8, описывает κῆβος/κῆπος как длиннохвостую обезьяну, живущую у побережья Красного моря. Th. Hopfner (Der Tierkult der alten Ägypter. Vienna, 1913, 31) идентифицирует его с павианом (cercopithecus ruber) и таким образом с египетским Гермесом или Тотом. Иоанн Лид описывает ее как посвященную луне (Mens. III.11).

[322] В чем предварительно мы кажется имеем описание объектов и иероглифические знаки в храме Исиды в Менуфисе вместе с толкованием их священного символизма. Как таковой, отрывок есть зеркальное описание VS 34-35, где идолы, найденные в Менуфисе публично выставлялись перед тем, как они будут разрушены: «*в их числе все еще есть собаки и знаки и, кроме того, семейства кошачьих; потому что это тоже были египетские боги*» (VS 35).

75

A. Он использует слово ἕδη для гробниц самих и также обозначать статуи богов[324]; основание храма также называлось ἕδος[325].

B. Видение явилось тысячу раз, как сказать, как сон и однажды, когда он был бодрствующим.

C. Противоположно общему использованию [Дамаский пишет] - муж был «наблюдающий и ждущий» вместо «смотрящий прямо» или «замечающий».

D. Они остались неразрушенными трудностями, которые естественно окружают людей,

E. пока их лидеры были настроены друг против друга в ссоре, которая принесла бедствие гражданам[326].

F. Масса света на стене казалась сгущающейся и приняла форму лица, которое было действительно божественным и сверхъестественным и которое сияло добродетелью, которая не была приятной, но строгой; лицо это было, тем не менее, очень красивым для созерцания и которое для всех своей строгостью показывало не меньше мягкости[327].

76

A. И Гераиск стал Вакхом[328], как сон предсказал ему.

---

[323] Это почти дословная1 интерпретация Aelian NA 7.8: Ἀιγυπτίων ἀκούω λεγόντων τόν ὄρυγα συνιέναι τήν τοῦ Σειρίου ἐπιτολήν πρῶτον, καί μαρτύρεσθαι τῷ πταρμῷ ἀυτήν. Horapollo (I.49), с другой стороны, сообщает о противоречивой традиции, которая делает антилопу символом нечистоты ('akaqarsi'a). Даже через нестрогую правильность в иероглифических терминах, эта версия кажется более согласованной с местной религиозной верой и практикой, которая рассматривает антилопу как животное Сета: о полном комментарии ср. *Sbordone*, 102-107 и *B. van de Walle - J. Vergote* в La chronique d'Egypte 35 (January 1943), 77-78.

[324] Одинаковое использование у Zosimus (IV.36.2). Обычно термин используется для сидящей статуи бога и латинских пенатов.

[325] Фотий (или его секретарь) комментирует Дамаскиево использование слова.

[326] Судя по употреблению слова ἡγεμόνες, Дамаский должен был ссылаться здесь на христианские и языческие общины в Александрии, городе, в котором традиционно каждая этническая и религиозная группа была представленной лидером или этнархом. Интерпретируя свидетельство, даваемое VS, кто-то может определить титул языческого лидера у Гораполлона. Равно, по внутреннему свидетельству, титул может быть отнесен к Пампрепию (ср. p. 112). *Asmus*, Leben 167, предполагает, что ссылка относится к «*диофизиту Иоанну Талайе и монофизиту Петру III Монгу*».

[327] Как словарь, так и двузначность качеств отсылают нас к Ямвлихову описанию архангела, чье лицо было в одно и то же время βλοσυρά καί ἥμερα (Myst. II.3).

[328] Явная ссылка на Orphic fragment 5 (Kern), в его платонической интерпретации (Phaedo 69c), которая определяет "bacchoi" как истинных философов; ср. также Introduction, p. 57.

B. И он предсказывал будущее согласно тайному видению[329].

C. Гераиск был не просто добрый и мягкий, но он мог показывать гнев против безнравственности и мужественную решимость против человеческого предательства, без какого бы то переступания границ справедливости.

D. Египтянин Гераиск имел необыкновенную силу восприятия, но не был ни сильным бойцом за правду, ни острым, чтобы выслеживать и выявлять путии, исходящие из этого. Еще ему было определено противостоять таковым добродетелям: *eumoiria*[330].

E. Гераиск имел природный дар различия между одухотворенными и неодухотворенными священными статуями. Он только смотрел на одну из них и немедленно его сердце поражалось божественным безумием, в то время как и его тело, и душа колотились, как если бы находились во владении божества. Но если он не двигался таковым способом, статуя была неодухотворенной и была лишена божественного вдохновения. Было ясно, что таким способом он распознал, что невыразимая[331] статуя Эона находилась во владении божества, которое почиталось александрийцами, будучи одновременно Осирисом и Адонисом как результат подлинно мистического акта единения[332]. Гераиск также имел нечто в себе, что инстинктивно отвергало загрязнение, связанное с продолжением рода. Если он когда-либо слышал где-то голос женщины в состоянии нечистоты, он немедленно страдал от головной боли; и это был знак, что у нее были месячные[333].

В том, что он столь долго жил, было нечто божественное в нем; и после того как он умер, когда Асклепиад приготовился отдать ему почести, обычные жрецам и, в частности, покрыть его тело одеяниями Осириса, мистические знаки, купающиеся в свете, появились везде на простынях, а вокруг них божественные видения, которые явно открывали богов, с которыми его душа сейчас разделяла свое жилище[334]. Но

---

[329] Не невозможно, что этот отрывок ссылается на предсказательную активность Памрепия, который мог обозначать себя в качестве лидера александрийской языческой общины.

[330] Ἐυμοιρία кажется быть слово-ловушка, обозначающее «будучи благословенен в рождении с интуицией». Ср. p. 111, n. 69.

[331] Литературно «которая не может быть упомянута». Как персонификация вечности Ἀιών идентичен невыразимому Первому Принципу; о похожем выражении, упоминающем бога, PGM I. 165: ἀδιήγητον αἰῶνα.

[332] Осирис символизирует смерть, а Адонис возрождение, ср. *Bowersock*, 26. Об Aion, см. p. 125, n. 84.

[333] Это предложение, которое отсутствует в Фотиевой «Эпитоме», может быть объяснительным вмешательством эксцептора Суды.

[334] Как ясно из выражений, использованных Гораполлоном в публичном документе о его собственном отце (ἐν τοῖς ἁγίοις μακαριωτάτω μου πατρί Ἀσκληπιάδη – τοῦ

его первое рождение также[335] было священным и мистическим. Говорилось, что он был передан его матери в свете с пальцем во рту, приказывающем молчать, в том же виде, что Гор и перед ним Гелиос были рождены согласно египетской легенде[336]. И так как его палец был присоединен к его губам, нужна была операция; его губе, тем не менее, через всю его жизнь докучал рубец прорези, показывая метку его мистического рождения.

Говорят, что даже Прокл распознал Гераиска, как стоящеговыше него самого; так как Гераиск знал все, что знал Прокл, в то время как противоположного не случалось.

77

А. Он говорит, что римский император Антемий был по религиозным убеждениям эллином, имея одинаковые взгляды с Севером, приверженцем идолов, кого он сделал консулом. Вместе они имели тайный план восстановить мерзость идолопоклонства.

В. Он также заявляет, что Илл и Леонтий (кого первый провозгласил императором в противовес Зенону) имел такие же нечестивые идеи и проекты, и что лицом, которое вело их по этому направлению, был Пампрепий[337].

С. Касательно Пампрепия, Дамаский, подобно другим историкам, отмечает его стремление рассказывать сумасбродные истории, его предательство друзей и его насильственную смерть. Пампрепий был египтянином по происхождению и грамматиком по профессии[338].

D. Будучи любящим учение, Илл хотел послушать подробную дискуссию о душе в присутствии образованных мужей. Многие пришли и предложили различные философские теории как ответ на его вопрос, но когда дискуссия стала противоречивой и зашла в тупик, Марс сказал, что Пампрепий может предложить безошибочное решение проблемы.

Этот Пампрепий был темного цвета кожи и отталкивающей внешности, грамматик по профессии, который пришел из Панополя в Египте. После проведения долгого времени в Греции из-за своей сва-

---

ἧρωος μ πατρός Ἀσκληπιάδου: P. Cair. Masp. 67295 I.15, 26 = BIFAO 11, 165-166) вера, что благочестивая смерть достигает святости, должна была быть общей в кругах, в которых Дамаский вращался.

[335] В этом мире, который противостоит духовному перерождению, обеспечиваемому инициацией; ср. выше, 76A, Plato Phaedr. 248d, Marinus VP 3.

[336] Ср. Plutarch Is. 68 (o Horus-Harpocrates).

[337] О восстании Илла, *Stein-Palanque* II, 19-31.

[338] Ясно, что Фотий здесь обобщает текст Дамаския.

дьбы[339], он был приведен к Иллу Марсом и произнес изящно составленную речь о душе, написанную за некоторое время до, и, так как, по Платоновым словам[340], незнающий кажется более убедительным, чем знающий необразованному, Илл был обманут его болтовней и объявил его наиболее ученым из всех учителей в Константинополе. Так дав ему существенную публичную поддержку, он предложил ему давать образование тем, кто часто посещает школы, как он думал подходящим образом. Таковы были основы его процветания, которое было причиной многих несчастий для государства.

78

A. Никто не является настолько глухим к божественному, чтобы не чувствовать его общей активности и, в частности, наказания грешников[341].

B. Он (?) не ошибся бы относительно настоящей Музы, или он не ошибся бы относительно святой правды[342].

C. Ученики и земляки снаружи убеждения[343].

D. Я не желаю говорить что-то, что неопределенно в своей истиности и обязано доказываться в споре.

E. Аммоний и египтянин Эритрий[344] вели интриги друг против друга в Константинополе и ежесекундно толкали друг друга в смертельные опасности[345].

F. Сейчас мне бы хотелось оставить пифийское и вернуться назад к Гераиску.

79

A. Он кричал так громко, как только мог.

---

[339] Намек, что он был в Афинах не по своему собственному праву, как результату своих способностей, но из-за жены. Ср. p. 269, n. 301.

[340] Gorg. 459d.

[341] Похоже, что это предложение относится к Пампрепию.

[342] Это Фотиевы стилистические варианты Дамаскиева текста, которые сами по себе базируются на Plato Resp. 548b, 8-9.

[343] Христианство. О похожем выражении, ср. 66A и 118 с nn. 154 и 322 соответственно.

[344] Известный и популярный руководитель, который служил три раза в качестве преторианского префекта Востока, приобретя себе репутацию за справедливую деятельность; ср. Malchus fr. 6. Могло быть причиной некоторой важности в настоящем контексте, что Эритрий назвал свою дочь Гипатией.

[345] Что подвигло поместить эту выдержку из статьи Суды о Гераиске здесь (скорее, чем под 77, которая упоминает имперскую политику в контексте с языческими интеллектуалами) – так это то, что возражение в предыдущем фрагменте может ссылаться на это.

B. Его волосы достигали внизу его плеч.

C. Финикийцы и сирийцы дают Крону имена Эл, Бел и Болафес[346].

80

Асклепиодот[347]: всегда от рождения он объявлялся самым остроумным и ученейшим из всех своих сверстников, так как он никогда не переставал заниматься тем, что бы не встречалось на его пути, было ли это чудо природы или выполненное человеком изделие[348]. Так в короткое время он полностью понял все методы смешения цветов для краски и разнообразие красок, приготовленных для одежды; также бесчисленные типы дерева и способ, которым их волокна вплетены в традиционную и в сложную моду. Более того, он мог использовать

---

[346] Эл был верховным богом ханаанеев; об эпиграфическом свидетельстве о его почитании от Каратепе до Лептис Магна, см. *Teixidor*, Pagan God, 46-47. Доказательство (главным образом, из Библа и Берита) обсуждено D. Sourdel (Les cultes du Hauran à époque romaine, 1952, 35) и показывает, что введение культа Крона в Финикии в эллинистическое время было результатом возрождения популярности местного Эла, с которым Крон естественно стал идентифицироваться. О культе Крона в Хауране в римский период: *ibid.* 35-37. Явная идентификация Эла с Кроном встречается у Philo Bybl. 16 (809), который ссылается на четырех детей Урана и Геи как Ἦλον τόν καί Κρόνον καί Βαίτυλον καί Δαγών (ὅς ἐστι Σίτων) καί Ἄτλαντα (ср. также *ibid.* 20 (=Baumgarten 810)), и может быть отражением библской версии бога (*Baumgarten*, 225). По идентификации Elos=Cronus на надписях из Апамеи, Пальмиры и Хаурана, см. *Teixidor*, Pagan God, 46-48. Об Эле-Кроне как управляющем оракулами: *Hajjar Y.* Divinités oratoires et rites divinatoires en Syrie et en Phénicie à l'époque gréco-romaine // ANRW II.18.4. 1990, 2240-2241. Наконец, о философской ипостаси Эла согласно Дамаскию: Princ. II, 210 и 285, n.5. Вавилонский верховный бог Бел, который с течением времени стал соединен с предэллинистическим пальмирским Bol (*Teixidor*, The pantheon of Palmyra, 1,7 и Pagan God, 106; *Sourdel*, 44), был обычно идентифицируем с Зевсом. Только позже и как часть более общей тенденции к монотеизму через радикальный синкретизм и единообразие, Бел стал идентифицироваться с Кроном; ср. Nonnus XL.392-3: Βῆλος ἐπ᾽ Εὐφρήταο…Ἄραψ Κρόνος, Ἀσσύριος Ζεύς. Bolathes выглядит как смесь с именем пальмирского бога Бола, хотя эта часть обычно для имени бога показывается как второй элемент божественного или богоносного имени (например, Yarhibol, Aglibol, которые представляют Солнце и Луну соответственно в пальмирском пантеоне, Zabdibol=дар Бола, и т.д.); тем не менее, в надписи из храма Baal-Shamîn есть упоминание некого Soados, сына Boliades (Βωλιάδους), и имена Βολακλῆς, Βωλακλῆς засвидетельствованы в Киренаике и, возможно, на Делосе (*Fraser-Matthews*, I, *s.vv.*).

[347] Афанассиади принимает, что 79 упоминает Гераиска и его путешествия. Связью с 80 может тогда быть то, что земляк Гераиска александриец Асклепиодот был его полной противоположностью.

[348] Изобретательность Асклепиодота может быть ответственной за горизонтальные солнечные часы в Афродисии, которые откалиброваны по широте 31^{0} (приблизительная широта Александрии), тогда как широта Афродисии - $37^{0}40'$: о полных деталях: *Pattenden P.* A late sundial at Aphrodisias // JHS. 101. 1981. P. 101-102; pl. II *Roueché*, Aphrodisias, 91-92.

любое средство для исследования и узнавания о многообразных свойствах и вариациях камней и растений, как привычных, так очень необычных. И он был великой досадой знатокам в любой области, так как он часто оставался с ними и задавал им вопросы по каждому пункту в точных подробностях. Что он любил в особенности - это естественная история растений и еще больше животных; действительно, он проверял то, на что мог бросить свой взгляд, а то, что он не мог найти, он полностью обследовал через слухи, также собирая все, что древние написали об этом.

81

Он и его бывший наставник Асклепиодот пришли на реку Меандр, для того чтобы поплавать через нее. Но Меандр захватил их в своем вихре и топил их, до тех пор пока Асклепиодот не поднялся на поверхность на момент, столь длинный, чтобы только поймать вид солнца, и не крикнул «Мы погибаем», справившись также, чтобы добавить некое тайное заклинание[349]. Тогда вдруг, без какой-либо явной помощи, они были выброшены на берег реки полумертвыми. Вскоре, придя в сознание, они ушли от сильного потока Аида. Такова была божественная сила, которой владел Асклепиодот, даже когда он был еще связан в земном теле.

82

А. Карийцы зовут это место «Зал Аполлона»[350]. Теперь Асклепиодот приехал домой в Афродисию оттуда. Солнце уже село, когда он увидел луну, поднимающуюся неожиданно, как если это была полная луна, хотя солнце не было в противоположном знаке Зодиака.

В. Но эта статуя также была разрушена Роком[351], который ниспровергает все древнее.

83

А. Он был александриец по рождению, ребенком родителей, которые не выделялись в признаках земного успеха, но по-иному - были порядочными и благочестивыми людьми. Я знаю его из частого обще-

---

349 Хотя никто из тех, кто знает Меандр сегодня, не найдет эту историю заслуживающей доверия, Страбоново свидетельство (XII.8.19) показывает иначе.

350 О пещере Apollo Aulaites и чудодейственной статуе, упомянутой ниже, см. *Robert L.* BCH. 101. 1977, 86-88, где дается полный комментарий на наш отрывок.

351 В записи возможно двойное значение слова Ἀνάγκη, упоминая время как естественную причину разрушения или христианскую деятельность, чей эффект был не менее неминуемым.

ния, как мужа хороших намерений и едва ниже своего отца[352] в благочестивом пылу и в сильной и страстной надежде, которая ведет к божественному; действительно, в философии и общей культуре его одаренность была определенно выше, чем у его отца.

В. Будучи хорошим управляющим домашним хозяйством и земледельцем, он был способен выплатить много долгов, когда его отец умер. И хотя он накопил много денег праведными средствами, он, тем не менее, нес огромные расходы за счет его благочестивых наклонностей и его огромной гражданской щедрости, в которой он чувствовал традиционную обязанность дома [Асклепиодота Старшего]. Поэтому он также вынужден был оставить свое имущество своим дочерям, обремененное долгами.

84

А. Иаков, имевший прозвище Психрист[353], сын врача Гесихия. Его отец прибыл на Родос, а оттуда на Дрепан около Аргоса, где он женился на женщине, которая дала рождение его сыну Иакову; он затем покинул жену и ребенка и уехал за границу в Александрию и Италию на девятнадцать лет, так что думалось, что он не выжил. Поэтому мать Иакова взяла второго мужа, который умер после того, как он подарил ей двух сыновей и дочь. Гесихий, однако, вернулся в Константинополь и, после того, как узнал об этом, Иаков поехал к нему; это было в то время, когда он погрузился в его образование и практиковал медицину в Константинополе в царствование императора Льва.

В. О враче Иакове, семья которого под конец жила в Александрии, но которая прибыла из Дамаска, (он говорит, что) он был сыном врача, который практиковал в течение сорока лет, объездив практически весь мир в упражнении и применении своей дисциплины; он учил медицине своего сына в течение равного числа лет. Сейчас об этом Иакове он рассказывает много невероятных вещей (как делают другие авторы), среди которых такие как слух о женщине, которая потеряла все ее зубы из-за своих чихательных конвульсий, он мог описать из этого одиночного случая все об этой женщине: ее внешность и цвет лица и рост, и более физические характеристики ее души.

---

[352] Ясно из контекста здесь и далее везде, что под «отцом» упоминается александрийский отчим Асклепиодота (в Греции и на Среднем Востоке даже сегодня, обращаются к одному из родителей по закону как «мать» и «отец»).

[353] “Chilliest”, очевидно из-за холодных бань, которые он обычно предписывал как лечение (84D). Он был *comes* и *archiatrus* в Константинополе во время правления Льва (Malalas 370; Chron. Pasch. 595, s.a. 467), которого он лечил, удивляя придворных своей бесцеремонной и неформальной манерой (Marcellinus Comes s.a. 462).

C. После своего длительного путешествия по миру отец Иакова прибыл в Константинополь и нашел, что врачи практикуют там не точные знания или личный опыт в своей профессии, но используют мнения других как основу не лечения, но пустой болтовни. *Оба, сын и отец, были нечестивыми*[354].

D. Они [Гесихий и Иаков] (применяли) очистительные лекарства и бани. Они не стремились во всем действовать огнем и железом, но боролись даже с наиболее злокачественными для язв диетами; и они воздерживались от кровопускания[355].

E. Иаков врач. Он происходил из Дамаска и был совершенен в своей науке, достигнув вершины точности не только в диагностике болезней, но также в лечении их, так как с прилежанием и умением он добывал как теоретические знания, так и практический опыт; так что он захватывал первый приз в медицинском первенстве среди современных врачей и был уже сравним с древними, большинство из которых он считался превосходящим. Действительно, он был любим и почитаем теми, которые нуждался в помощи, как если бы он имел божественную силу. И он имел такое доверие к себе и к своим методам лечения, что, если, при посещении пациента и диагностировании болезни из ее симптомов, он объявлял, что человек может жить, то каждый чувствовал надежду, что последует восстановление, но, если нет, - они ожидали смерти. И ничьи ожидания не были неоправдавшимися. Он обычно говорил, что совершенный врач должен или давать надежду лечения болезни, или, приняв пациента, улучшать его состояние немедленно и оставлять его только тогда, когда он находится в более терпимом положении; иначе ему не следует оставлять его[356]. Действительно он освобождал почти каждого немедленно или в короткое время от какого-либо страдания, беспокоящего его, и по этой причине люди называли Иакова спасителем, так же как Асклепия в прошлом. Однако врачи никогда не переставали дискредитировать и оскорблять его, что он был не врач, а святой муж, любимый богами. И в том, что они так говорили, была правда, так как этот муж был благочестив и подлинно имел милость Бога. И если я должен сообщать, что философ (Исидор) говорил, то он думал, что душа Иакова была Асклепиевой,

---

[354] Это Фотиев комментарий на Дамаскиев текст, который очевидно конкретизирует язычество двух мужей.

[355] Это почти дословная передача Iamblichus V. Pyth. 244, где составлены базовые пифагорейские правила лечения.

[356] Это соответствует характеру общих взглядов Иакова на здоровье: согласно Аммонию, он обычно говорил, что врачу не следует быть самому в плохом здоровье, но он должен сначала лечить себя, а затем заботиться о нуждах пациентов (история, сообщенная Olimpiodorus In Gorg. 204, 14 ff.).

наделенная природой целительными силами[357]. Более того, он имел такую пылкую преданность своему призванию, которая особенно подходит умельцу, приближенному к богу, покровительсвующему его искусству, создавая подлинно тесную связь между ними. Так было, когда Фидий, вдохновленный богом, создавал свои произведения искусства, и когда Зевксис придавал форму своим статуям[358].

F. Когда приходилось лечить пациентов, он имел ум, умевший точно поражать цель.

G. Иаков убеждал своих богатых пациентов помогать болеющей бедноте, а он сам не получал денег за лечение, живя на свое городское жалованье.

H. Более чем кто-либо из его современников он имел мягкое и ласковое сердце к тем, кто находился в нужде[359].

I. *Писатель говорит:* «Я видел статую Иакова в Афинах. Муж этот не выглядел для меня очень красиво[360], но благородно и солидно»[361].

J. Во время, когда этот Иаков жил в Афинах и был в большом уважении, он говорил больному Проклу воздерживаться от капусты и брать вместо нее для своего насыщения мальву[362]. Прокл, однако, не мог заставить себя есть мальву, следуя Пифагорову закону.

85

A. Ум Асклепиодота не был совершенен, как думало большинство людей. Он был крайне остроумен в поднятии вопросов, но не такой острый в понимании себя. У него был неравномерные умственные способности, особенно когда это касалось божественных материй -

---

[357] О теории Исидоровых слов: Proclus In. Remp. II, 118.

[358] Cp. Plotinus V.8.1.38ff.

[359] Жестокость времен (каковая представлена природой гонений в «Кодексе Феодосия» среди прочих свидетельств) компенсировалась индивидуальными благотворительными действиями или институциональной благотворительностью, как активностью Церкви, так и «пасторскими» планами императора Юлиана.

[360] Или, возможно, «интеллектуально».

[361] Статуя Иакова была также возведена в Константинополе Сенатом (Malalas 370).

[362] Капуста была частью пифагорейской диеты (Iamblichus V. Pyth. 98), в то время как мальва была запрещена (*ibid.* 109). Иаков, очевидно, предписал ее из-за слабительного свойства, которому слово обязано своей этимологией (μαλάσσω < μαλάχη). По этой же причине кто-либо должен был «воздерживаться от мальвы» в течение горячего месяца августа, как советовали Chald. Oracl. (210a) и Иоанн Лид (Mens. 4.120); этот запрет, вероятно, дошел до Лида через посредство самого последнего Проклова ученика Агапия (ср. n. 278). Диоскорид (Mat. med. II, 118 (Wellmann I, 19)) обеспечивает одинаковой информацией в отношении каждого из этих случаев: μαλάχη κηπαία: Πυθαγόρας ἀνάθεμα, Ζωροάστρης διάδεσμα. Ἐυκοίλιος … ἐντέροις δέ καί κύστει ὠφέλιμος.

незримой и умопостигаемой сущности Платоновой возвышенной мысли. Еще более он нуждался в области более высокой мудрости - орфических и халдейских знаний, которые превосходят общее философское чувство[363]. В естественных науках, однако он был самым лучшим, намного превосходя его современников. Подобно тому, как он был силен в математике, это приобрело ему репутацию абсолютного гения. Наконец, в области нравственной философии он постоянно пытался ввести нововведения и ограничить исследование видимой сферой на нижнем уровне, без отражения какого-либо учения древних, но упаковывая все вместе и низводя это до уровня физического мира.

В. Несмотря на Асклепиодотов великий дар к музыке, он не был способен восстановить энгармоническую шкалу, которая уже угасла, даже хотя он мог анализировать и играть другие две шкалы, так называемые «хроматическую» и «диатоническую». Что до энгармонической, то он не находил ее, хотя, как он обычно говорил, он перемещал монохорду в не менее чем 220 позициях. Причина его неудачи лежит в очень маленьком размере интервалов энгармонической шкалы, которая известна как *diesis*. Потеря этого интервала из нашего восприятия вызывала исчезновение целой энгармонической шкалы, наше ухо больше не было натренировано слышать ее[364].

С. Асклепиодот изучал хроматическую и диатоническую шкалы в музыке. Так он делал свой голос и органы связанными с ним, более легкими для формовки, чем воск, модифицируя его согласно своим пожеланиям и потребностям, так что он мог имитировать звуки всех животных и любой другой шум.

D. В медицине Асклепиодот был учеником Иакова и ступал по его шагам, и действительно были области, где он превосходил его. Так он заново составил длинный список областей применения белой чемерицы, который даже Иаков не был способен восстановить, и через это он вылечивал неизлечимые болезни против всех ожиданий.

Е. Изучив медицину так хорошо, философ Асклепиодот признавал только Иакова среди современных врачей, а среди древних - кили-

---

[363] Прокл, например, мог не согласиться с этим положением. Он посвятил Асклепиодоту его «Комментарий» на Парменида, метафизический диалог *в высшей степени* моделирующий лицо, которому он посвящен не только как φίλων φίλτατον, но также как φιλοσοφίας ἐπάξιον ἔχοντα τόν νοῦν (618, 16-20).

[364] Как наиболее типичный эмпирик, Асклепиодот отрабатывал все возможные комбинации на монохорде, используя пифагорейские пропорции. О более полном анализе и неоплатонической интерпретации характера каждой из трех моделей древней музыки: Proclus In Tim. II, 168, 14 ff.

кийца Сорана, имевшего прозвище Mallotes, как следующего после Гиппократа[365].

86[366]

A. Асклепиодот был святой и благочестивый. И в начале он был таким чрезмерно богобоязненным и благочестивым, что он не мог заставить себя совершить жертвоприношение или слушать что-то, связанное с тайным поклонением; так он думал, что эти вещи были неподходящими для мира становления и достойными только Олимпа и тех, кто думает, что они живут на Олимпе[367].

B. Следовательно, город Афродиты наслаждался религиозным возрождением под его властью. И действительно, он даже вывез священные мистерии за границу - в Александрию, знаменитую своими оргиями в честь Осириса и очарованную многими вещами с Востока[368].

C. И они посвящали всю свою энергию философии, хотя изначально они потерпели неудачу в получении хороших философских указаний[369].

D. Обращаясь к молитве, он вернулся от своих странных мечт к нормальному человеческому восприятию[370].

E. И действительно он отдал ее ему, когда подходящее время для свадьбы уже прошло[371],

---

[365] В двух заметках (включая ту, из которой происходит наш фрагмент) Суда упоминает Сорана как эфесца (S IV 407, 20 и 23). Адепт школы методизма в медицине, Соран практиковал в Риме в начале эпохи Антонинов. О полном толкованию, оценке его места в медицине см.: *Burguière P., Malinas Y.* Soranos d'Ephèse: Maladies des femmes, I. Paris, 1988. P. VII-LXXIV.

[366] Эксцерпты A, B, E и F, кажется, упоминают Асклепиодота Старшего.

[367] Это странное положение, кажется, упоминает тех, кто достиг единства с божественным через их собственные духовные усилия. Однако текст может быть испорчен.

[368] Это особенно неясный отрывок. Zintzen' интерпретация (p. 177, n. at 1.4) грамматически возможна, но не очень логична, так как подразумевает, что Асклепиодот экспортировал культ Осириса из Афродисии в Александрию. A. Guida и G. Agosti предлагают исправление τῆς μαγευούσης для τήν μαγεύουσαν, которое подразумевает, что многие места на Востоке были посвящены зороастрийскому поклонению.

[369] Объект речи - это Аклепиодот и Дамиана; принимается, что они путешествовали в Александрию, где Асклепиодот инициировал свою жену в мистерии философии и ввел ее в свое окружение; эта интерпретация также подходит для истории, даваемой VS 16-19. Асмус, с другой стороны думает, что фрагмент относится к гражданам Афродисии (Leben, 77).

[370] Это может быть параллельный отрывок VS 18: " *он остался… у своей жены*".

[371] Ср. VS 16-17: "*Асклепиодот Александрийский, который заботился о чарах, использовал магию, совершал демонические заклинания и тем самым завоевывал восхищение язычников своей философией, отважился просить его тезку, который в то время хвалился почестями и достоинствами, которыми царь щедро одаривал, и занимал пер-*

F. но обернув невесту в философский плащ, как если она была философом[372].

G. Соответственно, Асклепиодот сделал Дамиану, которая была чрезмерно скромной, своей женой; она была высоко разумная и имела крепкое суждение в домохозяйственных материях, и была скромная и неподкупная[373] в совместной жизни.

87

A. В Гиераполе во Фригии было святилище Аполлона, и ниже храма было подземное отверстие, которое испускало губительные испарения[374]. Даже крылатые создания не могли пролететь над этой ямой в безопасности, так как все, что попадало внутрь этого контура, гибло. Однако для инициированных было возможно спускаться к его самым нижним глубинам и оставаться там без страдания от повреждения. *Автор говорит, что, превозмогаемые своим энтузиазмом, он и философ Дор спустились вниз и пришли наверх без страдания от какого-либо вреда. Автор также говорит:* «Засыпая в Гиераполе в это время, я имел сон, в котором я был Аттисом и, при побуждении Матери богов, *я отмечал праздник так называемой*[375] *Иларии,* которая обозначала мое[376] спасение от смерти. По моем возвращении в Афродисию я описал мой сон Асклепиодоту; он подивился тому, что случилось и рассказал мне не «сон для сна», но более великое чудо для более малого. Он сказал, что в его юности он приходил к этому месту проверить его

вое место в сенате Афродисии, чтобы тот отдал ему свою дочь замуж". Свидетельства Дамаския и Захарии, в сочетании с фактом, что Асклепиодот Младший был наставником Исидора, побуждают нас принять, что, когда Асклепиодот достиг Афродисии, в какое-то время в 470-х годах, он был уже эрудитом, описанным Дамаскием и, следовательно, как минимум, в свои тридцатые годы. «Чрезмерно скромная» Дамиана должна была быть также молодой для свадьбы к этому времени, а Асклепиодот мог проводить некоторое время, пытаясь убедить его тёзку отдать ему его дочь в жены, как предполагают оба текста. Эти события, по-видимому, случились в начале 480-х годов, и два или три года позже, когда у пары не было детей, они прибыли в Александрию - или скорее Менуфис - как Исида проинструктировала мужа в вещем сне (VS 17); это ценное упоминание в той связи, что Исида Менуфиса была известна как Правда: Pap. Oxy. 1380, 63.

[372] Или «так как она была философом».

[373] Ἄθρυπτος - это ключевое слово, оценивающее идеальную пифагорейскую диету (Carm. Aur. 35 и ср. Гиероклов комментарий *ad. loc.*, pp. 76-79, чей язык является очень сходным по отношению к тому, который использован Дамаскием в настоящем контексте).

[374] Ср. Ammian. Marcellin. XXIII.6.18.

[375] Хорошо введенный пейоратив и, в то же время ханжеское выражение, которым христиане упоминали вещи язычников.

[376] Греческий текст имеет ἡμῶν, полное сдержанности со ссылкой на духовный опыт, как это до сих пор случается в современном турецком.

природу. Обернув свое одеяние вокруг своих ноздрей два или три раза, так что, даже если он бы часто дышал, он бы втягивал не плохой и вредный воздух, но здоровый и полезный воздух, который он приносил снаружи внутрь своего одеяния, он проник в подземный канал, следуя течению горячих вод почти так далеко, как их непроходимые края, даже хотя он не достиг границы спуска; так как канал прерывался там, где воды становились очень глубокими и непроходимыми для человека. Еще *kataibates*[377] достиг конца в состоянии вдыхания. И, действительно, благодаря своей мудрости, Асклепиодот пришел наверх оттуда свободным от вреда, и некоторое время позже он умудрился произвести пар, подобный смертельному, используя различные ингредиенты».

B. Будучи талантливым с детства до старости, он обеспечивал храмы многими устройствами своего собственного изобретения, украшая статуи богов, жертвуя гимны некоторым из них.

C. Оба - как приемлемый, так и тайный аспекты божественного культа.

88

A. Не подобает философу преподавать или культивировать гадание или какую-либо другую часть науки теургии; так как области философа и жреца не менее отделенные чем Мизии и Фригии, согласно поговорке. И еще Патрикий, который имел наклонность в этом направлении, осмеливался делать так в нарушение философского правила[378].

B. Он порицал его страсть к предсказанию и его наклонность доверять свои собственные дела бродягам[379].

C. Так как, действительно он был бродягой, заточенным на гадание[380].

D. Но она сказала: «Я крестьянская женщина и деревенщина».

89

---

[377] Эпитет Зевса «спускающийся в громе» и Гермеса как проводника душ в нижний мир.

[378] За этим замечанием обнаруживается критицизм активного интереса в теургии, как теория и практика, показанная Проклом и Гегием; об одинаковом более явном высказывании см. 150.

[379] ἀγύρτης может также значить «жрец-попрошайка», фактически возможное значение во взгляде на религиозный контекст.

[380] Если сочетать с VS 40, этот фрагмент может рассматриваться как ссылка на Пампрепия.

А. Домнин философ был сирийского происхождения из Лаодикеи и Лариссы в Сирии, учеником Сириана и студентом-земляком Прокла, как говорит Дамаский. Он был сведущим в математике, но скорее поверхностный в других ветвях философии. Так он искажал много Платоновых доктрин введением своих собственных взглядов. Однако он удерживался в правильном мнении в этой фальсификации в руках Прокла, который написал против него целый трактат «Очищающий», как его название указывает, «Платоновы доктрины»[381]. И в своем образе жизни он не показал того совершенства, которое могло дать право ему называться истинным философом.

Афинский Асклепий предписал через оракул одинаковое лечение афинянину Плутарху и сирийцу Домнину. Последний часто разбрызгивал кровь - которая признавалась по данному ему эпитету болезнью[382] - в то время как природу заболевания первого я не знаю. Лечение для них было - набивать себя свининой. Но Плутарх не мог находиться в таком режиме, даже хотя это не шло против его родных обычаев; пробудившись и склонившись на одно колено на его ложе, он зафиксировал свой взгляд на статуе Асклепия (так как ему случилось быть спящим в притворе храма) и сказал: «Господин, что бы ты предписал для иудея, страдающего от этой болезни? Конечно, ты бы не приказал ему наполнять себя свининой!»[383] И Асклепий подал голос наиболее мелодично из своей статуи и предписал различное лечение для болезни.

Но Домнин был убеждаем сном идти против традиционных сирийских обычаев и, не обращая внимания на пример Плутарха, ел мясо и продолжал делать так[384]. Даже говорилось, что, если он терпел неудачу и не мог вкушать свинину в течение одного дня, страдание возвращалось с новой силой до того, как он не наполнял свой желудок.

В. Его тело нуждалось в мясной диете, но он не мог переносить есть мясо, которое не было предложено в жертвоприношении, интер-

---

[381] Как ясно из многих отрывков в этой работе, во времена Прокла был только один ортодоксальный способ интерпретации Платона, и еретики были надлежащим образом осуждаемы. Те, кто желал оставаться внутри ортодоксального главного течения и получать одобрение своих современников и потомков, уничтожали все собственные работы, которые отклонялись от догматической нормы: ср. случай Марина, 38А и 97J.

[382] Предположительно он был известен как ὁ αἱμοπτυϊκός.

[383] Стандартный анекдот. Когда пергамский Асклепий приказал Полемону воздерживаться от холодных напитков, софист возражал: «Что бы ты предписал, мой друг, если ты лечил быка?» (Philostratus, V. Soph. 535).

[384] Каждое возможное усилие делалось, чтобы дискредитировать Домнина: комбинированной атакой на его *mores*, характер и ум, он показан еретиком, который заслуживает *damnatio memoriae* (ср. 93). Еще Домнин достигал статуса *diadochus* (Marinus 26; cp. p. 231, n. 247).

претируя в этом ключе древний завет «воздерживайся от туши животного»[385].

90

A. Он был утонченный и общительный не только в серьезных собраниях, но и в беззаботных случаях, так что он был крайне приятен, так же, как и будучи полезным для тех, кто обращался к нему.

B. Будучи остроумным, так же, как и серьезным, он был крайне приятной компанией тем, кто встречал его.

C. Он не покидал Афродисию в течение того времени, когда вызывался.

D. После отплытия из Афин и достижения Селевкии в Сирии, Асклепиодот начал изучать человеческое поведение. И в этот целый период он говорил, что он встретил только трех умеренных мужей[386]: в Антиохии - Гилария философа, в сирийском пограничном городе Лаодикее - Мараса, наиболее справедливого мужа среди наших современников, который заработал себе прозвище «Аристид»; и Домнина философа[387].

91

A. Гиларий - из сирийского города Антиохии, где он занимал первое место в совете. Хотя он был от природы талантливый муж, любящий науку, а также остроту в аргументах и имел в своем распоряжении книги всех видов, он, тем не менее, пришел поздно к изучению философии, так, будучи обязан проводить свою жизнь в общественном управлении своей страны, он не имел свободного времени посвятить себя философии. Его характер в юности не мог легко быть направлен к умеренности, который также удерживал его от лучшей жизни. Но судьба и обстоятельства поступили более мудро с ним во время, когда годы горячности были в любом случае влачащимися к концу. Поэтому с ним случилась домашняя неудача, которая в действительности дока-

---

[385] Пифагорейский запрет: ср. Diogenes Laertius VIII.33.

[386] Слово «умеренный» употреблено в платоническом значении, последующее описание поведения трех мужей иллюстрирует четыре платонические добродетели.

[387] В мнении, какое позже сказано об этих трех мужах, это кажется экстраординарным положением. Принимается, что Асклепиодот должен был быть правомочен каким-то образом, особенно в случае Домнина, который был исключен Асклепиодотом из его классов после диспута о математической теореме. Судя из историй, данных ниже и из случая распутства Гилария и δικαιοσυνή в случае Мараса - хотя σωφροσύνη нигде не найдена в сохранившемся тексте, - принимается, что в ходе обсуждения стереотипа сирийской неумеренности, Асклепиодот упомянул три случая сирийцев, соблюдающих каноны Платоновых добродетелей.

зала, что является частью счастливого случая; его жена была поймана в сексуальном сношении с одним из его близких друзей[388]. Соблазнитель был оратором по профессии, по имени Мосх; имея возможность наслаждаться благорасположением и близостью Гилария, он проявил несправедливость по отношению к своему благодетелю, так как он был пойман, занимаясь любовью с его женой. Но Гиларий, не показав признака какого-либо возмущения в этом несчастье, повел себя в манере по-прежнему мужественно и благоразумно[389]; он вызвал мужа, передал ему свою жену и так много своего имущества, как представлялось по статусу для члена городского совета, и (так как его брак был бездетный) он покинул свою страну и отправился в Карию и Ликию, где он обратился к философской жизни. Прибыв в Афины, он пожелал быть учеником Прокла в философии. Однако, так как Прокл слышал, что он прибыл со своими любовницами и своей обычной жаждой наслаждений, то не потерпел его распутства. Гиларий покинул Афины и искал достижения своих интересов в манере, которая подходила ему более, чем та, которая была у Прокла.

B. Занимаясь философией, но, в то же время, посвящая свою жизнь удовольствиям ниже живота, Гиларий не был принят в студенты Прокла[390].

C. Он предал тяжелую работу через его стремление к жажде наслаждений Сирии.

92

Марас из сирийского города Берoя, был одним из богатейших людей, но изобилие не вызывало у него заносчивости; его непомерное состояние не бросалось в глаза, но он употреблял его как средство справедливости и благотворительности, обеспечивая нужды и даруя необычайную щедрость для города. И он был настолько добрый и справедливый к каждому, что ни граждане никогда не выдвигали обвинения против него, ни какой-либо чужестранец, ни кто-то из его соседей в городе или стране. Действительно, он не рассматривал справедливым поведение, если он просто воздерживался от несправедливо-

---

[388] Или даже «родственник», греческий имеет два значения.

[389] Хотя как любящий удовольствия антиохиец, Гиларий проявляет добродетели соответственно трем частям души, так представляя разительный контраст с печально известным *diadochus* Карнеадом, который в подобном случае поступил в гневе (по истории Numenius fr. 27,61 ff. и Diogenes Laertius IV.63-64, который цитирует Favorinus, fr. 67 (Barigazzi), как свой источник). В практических терминах, однако, декурион Гиларий кажется схватившим золотой повод для освобождения себя от обременительного и в настоящее время весьма незавидного статуса.

[390] Это предложение звучит подобно обобщению более поздней части 91А.

сти какого-либо из его сограждан, но только если он никогда не уставал делать благотворительные пожертвования на них. Поэтому он не только заботился о своих собственных делах, но также о делах других людей, особенно его соседей в городе и стране. И самое большое доказательство этого – факт того, что, если кто-либо хотел продать или купить землю, граничащую с его, то продавец запрашивал более высокую цену, а покупатель давал больше, чем рыночная стоимость, только ради того, чтобы иметь Мараса, наиболее справедливого из людей, как соседа, и делить межевую границу с ним. Так Марас включил свой жизненный путь в поговорку о справедливом отношении к соседям.

93

Говорили, что в своей юности Асклепиодот встретил его [Домнина], преждевременно состарившегося мужа, который имел столько снобизма и упрямства в себе, что едва снисходил обратиться к тому, кого он встретил, будь то местные или чужестранцы, и особенно тем, кто гордился собой, будучи выше[391]. И действительно, он также отнесся к Асклепиодоту оскорбительно, потому что последний не мог заставить себя согласиться с ним по некоторой математической теореме или, в своей юношеской манере, сделать вежливую уступку, но опровергал его доказательство так неистово, что Домнин никогда снова не допускал его в свой круг[392].

94

A. Он не имел аппетита, так как он имел расстроенный желудок.

B. Он призывал бога из-за крайне сильной боли, вызванной выведением из его заднего прохода.

95

A. Он обычно говорил, что он был убежден, что его телесная жизнь продлена как результат умений его жены. Он говорил это в духе не признательности, как если бы кто-то мог ожидать, но омерзения, так как будучи заключен в теле, он считал его ответственным за отложен-

---

[391] Ученик Сириана, который был допущен наряду с Проклом к «выпускному семинару» по орфической /халдейской теологии, Домнин, кажется, обеспечивает ключ к загадке термина *diadochus*. Это могло явиться из комбинированного доказательства 148C, относящегося к Исидору, как к почетному преемнику, и Марин (Marinus VP 26) пишет относительно Домнина, что этот титул даровался тем, кто доходил до определенной стадии интеллектуального и духовного достижения, еще без превращения в актуального держателя Платонова кресла; ср. также p. 39, 43-44, n. 61, 73, 74.

[392] Жалоба, от которой Домнин пострадал (ср. n. 89), может иметь корень в его неприятной манере.

ную смерть, в той сере, что любое человеческое существо может делать так.

B. Он хвалил ответственный характер его жены и радовался ему.

C. Показывая сострадание для первых надежд брака, бог дал знак последующего рождения, и муж затем увидел, что его жена была беременна.

D. Он брал с собой[393] свою жену, которая была уже близка к родам[394].

96

A. Когда он лег в кровать, он внезапно получил возможность увидеть Справедливость. Она была лучистая дева, хорошо подпоясанная, носящая короткую айвово-желтую тунику, украшенную широкими пурпуровыми полосами; ее волосы были ограничены лентой, она не носила плаща и выглядела суровой, и с завязками не на лбу, но к началу.

B. Философ Асклепиодот, студент Прокла, мог читать в великой темноте без света и узнавать тех, кто присутствует.

C. И темнота не была помехой чтению для Асклепиодота[395].

D. Он соотносил множество сверхъестественных вещей, о которых он услышал, и немало тех, которые он видел сам.

E. Он говорил, что он сам видел в Карии змеиную голову, которая упала на землю Пифея Карийского и была принесена самим Пифеем[396]; она имела размер гигантской бычьей головы. Асклепиодот также сам видел живую змею, застывшую посреди воздуха в мутном небе, которая, когда была захвачена ветром, стояла неподвижно в толще облака, растянувшись как длинный шест; он наблюдал это и показывал это присутсвующим, но когда облако уплотнилось еще более, монстр исчез.

---

[393] Предположительно в Афродисию.

[394] Явно, 95C и D - альтернативные версии одного и того же отрывка Дамаския.

[395] 96C, которое принадлежит второму Фотиеву эксцерпту, - это пересказ 96B, и в то же время раскрывает нечто о методе Фотия как компилятора.

[396] Другой афродисийский магнат, ср. *Roueché*, 93-97. Pytheas был *vir illustris* и, очевидно, ведущий светоч языческой общины в Афродисии, как указывает его погребальная эпиграмма (Anthol. Gr. VII, 690). Афанассиади аргументирует, что надпись 59 в корпусе Roueché - это двойное граффити, обеспечивающее дальнейшее доказательство социальной и религиозной напряженности между языческой и христианской общинами в Афродисии; призыв +νικᾶ ή τύχη τοῦ Μαργαητου+ процарапан последователями ?Margaetus (очевидно, христианского лидера, судя по крестам, начинающих и заканчивающих надпись); а Πυθεανίται, то есть, сторонники Пифея, отвечали призывом νικᾶ ή τύχη τῶν Πυθεανιτῶν. Эта напряженность, которая богато иллюстрируется Zacharias' VS, далее подтверждается надписью 64.

F. И неизвестный голос, кому бы ни принадлежал, приказал кораблю остановиться.

G. Tό ὀμμακόϊν значит «видеть и слышать в одно и то же время».

VI: Золотая цепь

97

A. Марин, преемник Прокла, происходил из Неаполя в Палестине, города, основанного около так называемой горы Аргаризон [Гаризим]. *Тогда нечестивый автор богохульно говорит*: где есть наиболее священный храм Зевса Высочайшего[397], которому Авраам, предок древних евреев был посвящен, как Марин сам обычно говорил. Рожденный самаритянином, Марин отказался от их вероисповедания (которые во всяком случае являются отклонением от религии Авраама) и принял эллинизм[398].

B. Он оставался до самой своей смерти свободным от какого-либо сексуального контакта. Ни даже его худший враг не поднимал такое ложное обвинение против него[399].

C. Тем не менее, через тяжелую работу и неустанные усилия Марин наследовал в захоронении с его собственным именем репутации многих людей, более одаренных и также более старших, чем он сам.

D. Было невозможно проверить мужа правильно, так как он был ослаблен телесной болезненностью, чтобы задать ему какие-нибудь вопросы по причине страха беспокойства, которое они могли причинить ему.

E. Исидор не позволял [им] спрашивать его, так как он был ослаблен телесной болезненностью, из страха беспокойства, которое они могли причинить ему[400].

F. Судя из его речей и его сочинений (которых немного, в любом случае), Марин явно не получил в результате глубокую борозду

---

[397] Baal Shamîn.

[398] Об истории Самарии и различных типов «самаритян» см. *Bickerman E.J.* The Jews in the Greek Age. Cambridge Mass., 1988. P. 8-12. О македонской колонии Неаполь (Nablus), *ibid.* 9. Восстание самаритян при власти Зенона в середине 480-х гг. привело в результате к строительству храма Девы на вершине горы Гаризим: Procop. Aedif. V.7.1-7 и ср. *Stein-Palanque* II, 31-3.

[399] Девственность составляла главную позднеантичную тему равной важности среди язычников и христиан: ср. 43A (о Гипатии), 56 (о Прокле), 46E (о Феосевии).

[400] Здесь также в 97D и E мы имеем варианты предложения одинакового происхождения.

идей, из которых выстреливает мудрое созерцание истинной природы бытия.

G. Птолемей, лучший гид в науке наблюдения звезд.

H. Он скопировал выборку, сделанную комментаторами с крайне дотошным оставлением запаса напоминаний для себя, как Платон сказал[401], когда забывчивость суждений (проявляется) в старческом возрасте.

I. По причине своей тупой натуры, Марин не мог переносить возвышенной интерпретации «Парменида» своим учителем, но ослаблял исследование от трансцендентных генад до человеческих родов, следуя большей частью теориям Фирма[402] и Галена[403], скорее, чем незамутненной интуиции блаженных мужей.

J. Он имел уже сообщить ему [Исидору] в письме его собственное мнение о гипотезах и толковании «Парменида». Он собрал и отослал аргументы, которыми он был убежден, что диалог не имеет дело с богами, но с человечеством. Он даже создал трактат, в котором он интерпретировал диалектические гипотезы «Парменида» в этом ключе. На это письмо также Исидор ответил, доказывая бесконечностью аргументов, что более божественная интерпретация диалога наиболее истинная. И действительно, хотя книга была еще не опубликована, он [Марин] был бы немедленно уничтожен в противном случае; вероятно, хотя, он был также предупрежден от этого поступка тем, что увидел во сне, так как Прокл сказал, что он однажды видел во сне, что Марин однажды может написать комментарий на «Парменида».

K. Видя слабость его тела, Прокл боялся за юношу.

98

A. Умерший муж, один из тех, кто сейчас блаженный - я имею в виду его душу и образ души - явился мне очень явно, пока я лежал на этой постели.

B. Неправильно не доверять сообщению, чья истина подкреплена безошибочной внешностью ведущего мудреца, словам, недавно слышанным мужем, вторым после него в правдивости, и на третьем

---

[401] Phaedr. 276d; ср. Damascius In Phaed. I.253.

[402] Кастриций Фирм (Castricius Firmus) был учеником Плотина и эстетом, который сделал карьеру в политике (Porphyry V. Plot. 7). Порфирий посвятил свое сочинение De Abstinentia ему в попытке отвратить его от овощной диеты. P. Kalligas (Πορφυρίου· Περί τοῦ Πλωτίνου βίου. Athens, 1991. P. 120) правдоподобно предполагает его идентификацию с узурпатором с этим именем в царствование Аврелиана (ср. Historia Augusta *Firmus* III.2-6).

[403] Знаменитый врач II века.

месте - правдивым объявлением моего собственного сообщения как переданного в этом сочинении[404].

C. Прокл добавил к надеждам, возлагаемым им на него [Исидора][405], не отвергать его собственного отеческого предписания, и не презирать суждение Ямвлиха или Плутарха, и не полагать свои собственные интересы перед общим благом. Еще более важность Преемственности была выражена в Прокловых словах, которые становились менее склонннымии убеждать Исидора, чувствующего, что бремя, которое он должен нести, слишком велико для него. «Если я получил приглашение к священству», - он сказал, - «хотя принимаю, что эта вещь сама есть наиболее святая и любима богами, я мог, тем не менее, выражать страх из-за моей собственной неадекватности. Из-за умаления и потупления моих глаз перед этой великой - действительно, безмерно - священной должностью, я отступал не из-за чего-то, что недостойно меня, но которого я не достоин, как говорит Пиндар»[406].

D. Исидор не подчинялся предписанию [Прокла], когда строка Ивика пришла ему на ум, что он мог получить честь от мужей по цене согрешения против богов[407].

E. Прокл боялся, что истинная золотая цепь Платона могла покинуть наш город Афины,

F. боясь также насчет физической слабости Марина...[408]

---

[404] Этот загадочный отрывок должен относиться к платонической преемственности и более конкретно к Исидорову избранию на должность главы школы (схоларха). «Ведущим мудрецом» должен быть Прокл, являющийся во сне, тогда как «мужем вторым после него в правдивости» может быть Марин, чьи слова затем «правдиво объявлены» Дамаскием.

[405] Буквально: «надежды, которые он видел по отношению к нему».

[406] Это, вероятно, ссылка на O. 1,52.

[407] Fr. 29 (Page), цитированный Plato Phaedr. 242cd, и стандартная неоплатоническая цитата (ср. Marinus, VP 1).

[408] В сочетании с Marinus VP 10 (τήν ἄνωθεν ἐσομένην ψῆφον τῆς διαδοχῆς), этот отрывок делает явным, что Прокл и другие неоплатоники видели преемственность прежде всего в духовных, нежели в просто интеллектуальных понятиях, как божественный дар, который может в любой момент быть забран богами, если не обслуживается достаточно заботливо. Горькое подозрение о завещании городу Афины подразумевается в анекдоте относительно Проклова прибытия туда как молодого студента: достигнув городских ворот в сумерках, он был приветсвован привратником символическими словами: «Поистине, если бы ты не пришел, я бы запер ворота» (VP 10). Это предложение осталось крепко врезано в Проклову память, так как он повторял его своим студентам «в истинных словах маленького человека» (*ibid.*); действительно, когда критический момент преемственности подходил, и не было найдено явного наследника среди его студентов, Прокл стал тревожен, особенно после того как ему было приказано во сне подготовить свой дом принять Афину тогда, когда ее культовая статуя была удалена из целлы Парфенона (VP 30). Это говорит против той ситуации, что Прокл затем вызвал в Афины Асклепиодота, о котором он думал очень высоко (ср. n. 220).

99

A. Истинная любовь к философии была вживлена в него и, ломая всяческие земные связи и растаптывая под ногами все надежды славы и богатства, он прибыл к Проклу в Афины[409].

B. Но такой как философ Зенодот также был описан как единственный муж, как думали, достойный прозвища «любимец Прокла», который помещал свои самые великие надежды на него.

C. Он рассердился его отказом, но не показывает это в настоящем[410].

100

A. Феаген, афинянин, архонт[411]. Амбициозный муж великой знатности, в высшей степени отличавшийся среди греков своим богатством, которое он главным образом использовал, как было необходимо, возмещая несчастья[412] некоторых городов и помогая людям в нужде, давая не только одной рукой, но обоими, как говорит пословица. Он был щедрый и даже экстравагантный в своих дарах. Много денег было потрачено им на учителей, врачей и другие материи, относящиеся к благосостоянию города. Это достойные похвалы стороны Феагена. С другой стороны, он был вспыльчивый и не мог терпеть пренебрежения со стороны других, но он стремился везде обеспечивать то, чтобы каждый - и не менее прочих философы, - льстил ему. Он с презрением отвергал и ссорился с другими, особенно с теми, кто был могущественным и страстно желал отличиться среди прочих на государствен-

---

[409] Возможно, это Асклепиодот, который немедленно слушается призыва Прокла, оставляя богатство Афродисии. Соответственно, он кажется описанным в чрезвычайно хвалебных терминах, если мы судим из следующего отрывка, который подразумевает сравнение с Зенодотом.

[410] Этот фрагмент может хорошо относиться к состоянию ума одного из неудачных кандидатов для платонической преемственности, который поэтому Афанассиади помещен здесь.

[411] Архонт-эпоним (чье имя использовалось для датировки) был почетной должностью в Афинах, которой страстно добивались члены местной аристократии. Мы знаем из «Жизни Прокла» (VP 36), что в 484/5 г. эта должность была занята Никагором Младшим, членом философской династии Минукиана, к которой принадлежали среди прочих Плутарх из Херонеи и Никагор, который процветал в начале IV века (ср. *Schissel O.* Die Familie des Minukianos: ein Beitrag zur Personenkunde des neuplatonischen Athen // Klio. 21. 1927. S. 361-373). Ср. p. 251-253, n. 277.

[412] Слово πταῖσμα обозначает несчастье, обязанное чьей-то собственной ошибке, и в настоящем контексте может относиться к принятию христианства городами.

ных должностях[413]. Еще, так как он предпочитал новые чествования традиционному благочестию, он неуловимо соскальзывал к жизни большинства, отделяя себя от эллинов и своих более дальних предков[414]. Более того, он не осознавал, что те, кто окружал его, не были настоящими друзьями, но лживыми льстецами, и он уже больше не сохранял какого-либо его прежнего уважения к философии, но в то время, как на словах он окружал себя философами, в реальности он окружал себя льстецами.

Это было началом его неприязни к Марину, верному традиционному достоинству философов, платя должное количество уважения Феагену - он почитал справедливость и все, что подходит философии, скорее, чем лесть и общий путь - и не был заносчивым, грубым или высокомерным и необщительным, когда бы они ни встречались, и он не хотел превосходить статуса частного гражданина, но в приветствии ему и прощании с ним он заметно отдавал ему все должные почести, действительно, почести, принадлежащие мужу, кто был выдающимся в своем городе и, вероятно, в целом, в Римской империи также[415]. Так действительно, он был одним из римских патрициев, предводительствующих в Сенате в Константинополе за счет своего аристократического происхождения, своей величественной манеры и своего явного рвения, а также старания в области литературы.

B. Феаген отличался среди остальных сенаторов не только за счет своих собственных достоинств, но также как философ; так что даже Марин предпринимал усилия, чтобы увеличить его славу во всех вещах.

101

A. В общественном собрании он был неуклюжий, но в своих действиях он был полной противоположностью: спокойный и скорее хитрый.

B. В течение раздора он присоединился к худшей партии, отказываясь от своего изначального образования и переходя к другим[416].

---

[413] Феаген здесь предстает как защитник устаревшего дела, благоволящий муниципальному и противостоящий центральному правительству; это, однако, кажется противостоящим тому, что наступает немедленно.

[414] Согласно энкомию Памперия Феагену, последний был прямым потомком Мильтиада (IV, 4).

[415] В своей VP Марин называет Феагена благодетелем (29).

[416] Равно возможный перевод следующий: «В философской позиции он принадлежал к меньшей партии, имея отказаться от своей первоначальной веры и присоединяясь к другим».

C. По причине раздора[417], Марин уехал из Афин в Эпидавр, так как он подозревал, что интриги были направлены против самой его жизни.

102

Поместье *diadochi* не переходило прямо от Платона, как общепринято думали. Платон был беден, владея только садом Академии, который формировал крохотную часть *diadochica*. Доход от сада считался только до трех монет, в то время как с течением времени общий доход достигал суммы одной тысячи монет или даже больше во времена Прокла, так как благочестивые любители учености, которые умирали в различные времена, завещали философам необходимые средства для досуга и спокойствия философской жизни.

103

A. Хотя нам надо бы повернуть судно речи назад к тому месту, которое мы покинули.

B. Асклепиодот - зять старшего Асклепиодота, за чью дочь он был уже просватан - был обеспечен всеми вещами, которые дает обаяние этой жизни, и они ни с чем иным (так как не могли использовать брак как средство продвижения), кроме того, что они были настоящими философами, оба смогли достигнуть вершины мастерства - (Исидор) в интуитивной проницательности, (Марин) в прилежной скрупулезности[418].

---

[417] Это обычно берется как ссылка на христианское гонение, но Афанассиади кажется, что это аллюзия к ссоре из-за преемственности, которая, очевидно, началась, пока Прокл был еще жив, но был уже дряхл (VP 20, 26). Фрагменты Дамаския предполагают мощную борьбу между двумя магнатами, Асклепиодотом из Афродисии и Феагеном из Афин, которые благоволили своим зятю и сыну соответственно (так как Гегий как *diadochus* был преемником Марина, 145A). Могло быть, что Феаген в особенности преследовал болезненного Марина, который, боясь за свою жизнь, вынужден был покинуть Афины.

[418] Это очевидно поврежденный текст, который в кодексах идет следующим образом: ὁ μέν Ἀσκληπιόδοτος ἐκοσμεῖτο πᾶσι τοῖς τοῦ βίου λαμπροῖς, ὁι δέ ὀυδενί τούτων ὁι προβεβλημένοι τήν γαμικήν προβολήν, ἀλλά μόνον ἦσαν τῷ ὄντι φιλόσοφοι, ἐπ’ ἄκρον ἑκάτερος ἥκων, ὁ μέν ἰθυβόλου φύσεως, ὁ ἐπί θυγατρί γαμβρός τοῦ μεγάλου Ἀσκληπιοδότου Ἀσκληπιόδοτος, ὅν δ’ ἤδη ἐμνήστευεν, ἐπιμελοῦς ἀκριβείας, ὁ Ἰσίδωρος. Предлагаемая Zintzen'ом реконструкция (pp. 212-214) также принятая Henry в его издании Bibliotheca, обращает множественное число в единственное, таким образом, противопоставляя Асклепиодота с Исидором только: ὁ μέν Ἀσκληπιόδοτος ἐκοσμεῖτο πᾶσι τοῖς τοῦ βίου λαμπροῖς, ὁ δέ <’Ισίδωρος> ὀυδενί τούτων, ὀυ προβεβλημένος τήν γαμικήν προβολήν, ἀλλά μόνον ἥν τῷ ὄντι φιλόσοφος· ἐπ’ ἄκρον ἑκάτερος ἥκων, ὁ μέν ἰθυβόλου φύσεως, ὁ <δ’> ἐπί θυγατρί γαμβρός τοῦ μεγάλου Ἀσκληπιοδότου Ἀσκληπιόδοτος, ἥν [δ’] ἤδη ἐμνήστευεν, ἐπιμελοῦς ἀκριβείας {ὁ Ἰσίδωρος}. В своей реконструкции отрывка Афанассиади сохраня-

C. Марин, а также сам Прокл, крепко прилипли к Исидору не только одной, но двумя руками.

D. Видя, что его рвение было неутомимым, а его любовь к учености ненасытной, Прокл вливал в его душу пружины святости и философских речей, и радовался, видя его предложение ума, который был полностью открыт и восприимчив.

E. Он уступил, боясь осуждения их обоих, а также их возмущенного горя.

104

A. Он/она стал/а причиной сверхъестественного землетрясения, того, которое не было работой природы[419].

B. Она была афинянкой, много умеющей в искусстве убеждения, как она впоследствии доказала[420].

C. Она молится богу даровать ей подлинно святой совет, и советовать ей, что делать.

105

A. Архиад. Он показывал природу своей души: во время, когда большая часть его собственности была разграблена, понимая, что Феаген - тогда ребенок - сокрушался о том, что было потеряно и разграблено, он сказал: «Приходи, Феаген, поприветствуй и возблагодари богов за спасение наших жизней, и не переживай из-за денег; если Афина, покровитель нашего города, приказала бы нам потратить эти деньги на Панафинейский фестиваль, мы бы еще доплатили какую-нибудь цену, чтобы получить честь несения этих расходов. Нам следует рассматривать настоящий случай как более славный и более святой, чем Панафинеи или какое-либо другое состязание»[421].

ет множественное число, которое, по ее мнению, противопоставляет Исидора и, возможно, Марина (см. 103C), с одной стороны, как являющихся «философами», Асклепиодоту, с другой. Слова ὁ ἐπί θυγατρί... ἐμνήστευεν кажется являются схолией, которая инкорпорирована в текст.

[419] Это может быть ссылка на Проклову сверхъестественную деятельность как описано в Marinus VP 28. Равно, это может бы метафорический способ описания Проклова гнева при отказе Исидора принять *diadoche*, или также ссылка на «афинянку», упомянутую в следующем предложении.

[420] Вероятно, это Асклепигения (Старшая), дочь Плутарха Афинского и мать Архиада, которая посвятила Прокла в искусство теургии; ср. VP 28.

[421] Архиад был внуком Плутарха и ближайшим другом Прокла, специалистом в философии и одаренным политиком (Marinus VP 14, 17). Случай, описанный здесь, может хорошо подходить к разорению Афин Аттилой в 447 г., как предполагает Асмус, хотя более похоже, что ссылка относится к ущербу, причиненному вандалами в 467 г.: ср. *Stein-Palanque* I, 359; *Frantz*, 78-79. Впоследствии Феаген женился на единственном

B. Таков он был в теле и в душе, способный изумлять окружающих его своей глубокой мыслью, когда случай требовал степенного и весомого поведения и слов; но к тем, кто показывал обаяние, он мог быть обаятельным также.

C. Источник дает воду, которая была святой и хорошей для питья, так что поэт мог сказать о своих устах и своем лице, что это было жилище Харит.

D. Если они нуждались в чем-то, они немедленно шли к нему, как друзья идут к другу.

VII. Александрия в 480-е гг.

106

A. Исидор и Гипатия были очень разные, не только как мужчина отличается от женщины, но как настоящий философ отличается от математика.

B. Память этих событий, которая до сих пор жива среди александрийцев, значительно уменьшила уважение и преданность, которые они показывали Исидору. Однако, несмотря на великий страх, пере-

---

ребенке Архиада Асклепигении Младшей, которую Прокл спас от неизлечимой болезни (Marinus VP 29), и которая естественно была названа по имени ее бабушки по отцу. Архиад происходил из семьи, в которой благочестие и необыкновенная щедрость на общественные расходы были традиционными, и, не имея сыновей сам, он очевидно желал сформировать в соответствии с этими идеалами мужа, которого он может уже иметь выбранным как своего будущего зятя. Асклепигения и Феаген произвели на свет как минимум одного сына, который был назван Гегий, весьма вероятно, в честь памяти прадеда, так как предшествующее поколение, где было бы нормальным найти имя, не произвело детей мужского пола (ср. экспрессивное утверждение Марина в VP 29). Посвятительная надпись конца IV или начала V века (I.G. II/III^{2}3692; *Sironen* no. 11, p. 26-27) читается так:

τόν λαμπρότατον
Ἡγείαν τόν Τιμοκράτους
ἄρξαντα τήν ἐπώνυμον
ἀρχήν φιλοτειμότατα
καί πανηγυριαρχήσαντα
περιφανέστατα ἡ πόλις
σύνπασα τόν ἑαυτῆς
ἐυεργέτην τειμῶσα
ἀνέστησεν.

Сочетание имени Гегий и упоминания *panegyris* (который берем как Панафинейский ввиду посвящения надписи городом Афины его архонту-эпониму) заставляет предполагать следующую идентификацию: *clarissimus* Hegias (не записан в PLRE) мог быть мужем Асклепигении Старшей, которая выпускается из наших источников (ср. PLRE II, Stemma 35). Это может также иметь некоторый интерес к настоящему доказательству, что статуя была перепосвящена софисту Плутарху (ср. p. 173, n. 147).

данный в их сердца, он часто они все часто искали его общества, чтобы слушать речи, которые вылетали из его мудрого рта.

Те, кто управлял школами риторики и поэзии, также одобряли частое общение с философом, так как несмотря на его недостаток в этих предметах, он давал им через свою философскую точность чувство внимательности к их собственным малым дисциплинам. Так как он обсуждал все в детальных замечаниях, то он давал критику речей и поэм, которые они создавали, в манере старшего над другими. В риторических представлениях в театре он хвалил исполнителей умеренно и в спокойных тонах, но подходяще и разумно; и практически весь театр использовал его суждения как критерий меры достоинств или пороков риторов.

Среди моих современников я знаю трех критиков, способных судить сочинения как продукты поэтической и прозаической речи - так, действительно, подтверждено, что суждение о поэзии и прозе является областью одной и той же персоны. Более того, я думаю, что одна и та же персона может быть творцом в обоих областях, обеспеченная испытанием в одинаковом количестве подготовки и равно восторженная в обоих жанрах. Сейчас я не полагаю Исидора среди этих трех, но рассматриваю его как много их худшего. Судьями являются Агапий, Севериан, Ном; Ном есть того же возраста, что и я.

107

Агапий[422] - философ в Афинах, который учился под руководством Марина после смерти Прокла и вызывал восхищение своей любовью к учению и за предложение обсуждения трудных вопросов. Он

---

[422] Различие между двумя Агапиями, данное Судой (I 20, 16ff., 19ff.) на основе слов «Афинский» и «Александрийский», было увековечено PLRE II (‘Agapius 2’ и '3'). Ясно, тем не менее, что александрийский и афинский Агапий - есть одна и та же личность, и фрагменты Дамаския помогают нам реконструировать его идентичность как следующую: рожденный в Александрии около 460 г., Агапий имел сообразительный и критический ум (106B *ad fin.*, 107), который помогал ему усваивать различные дисциплины грамматики, медицины и философии (127A). После завершения первого цикла его обучения в Александрии, он прибыл в Афины и был принят в кружок Прокла во время, когда учитель не мог больше учить, т.е., после 480-х (Ἀγάπιος ἠ῀ν κατ̕ ἐκει῀νον τόν χρόνον, περί ὀ῀υ Χριστόδωρος ὁ ποιητής ἐν τῷ περί τω῀ν ἀκροατω῀ν του῀ μεγάλου Πρόκλου μονοβίβλῳ φησίν ὅυτος· Ἀγάπιος πύματος μέν, ἀτάρ πρώτιστος ἀπάντων: John Lydus. De mag. III.26), становясь самым последним из учеников Прокла (πύματος). После смерти Прокла он учился у Марина (107), и был признан подлинным афинским философом. По его возвращении в Александрию в конце 480-х он, кажется, присоединился к уже знаменитому врачу Гессию. Пойманный в Великое Гонение и арестованный специальным эмиссаром Зенона (126C), он решил после своего освобождения покинуть Александрию и поехать в Константинополь, где он учредил философскую школу, в которой, годы спустя, Иоанн Лид изучал Аристотеля под его руководством (De mag. III.26).

был александрийского корня. Будучи подготовленным с детства в свободных искусствах и став показательным в науке медицины, он прибыл в Константинополь, где он основал очень известную школу; взяв преимущество своих великих природных талантов и проворной фортуны, он стал знаменитым в своем искусстве и накопил огромное количество денег.

108

Севериан из Дамаска происходил от одной из лучших семей, сын Авксентия, сына Каллиника[423], происходившего от римских предков, которые поселились как колонисты в Александрии. В дополнение к его природному дару острого интеллекта, он получил образование в поэзии и риторике, также как в римском законе и так являлся выше своих современников. Будучи как упорным, так и быстрым претворять в жизнь задумки своего ума, он увлекался действием перед тем, как взять время подумать, с тем результатом, что его жизнь была неудачной во многих путях.

С самого начала он желал посвятить себя философии и доверил себя Проклу; действительно, это было время, когда Прокл расцвел и добился успеха в Афинах. Но его отец противостоял ему, так как он хотел, чтобы он стал юристом и зарабатывал деньги, определив себя в администрацию юстиции[424]. Однако, отец умер очень скоро впоследствии и, так как он отправился в Афины, он увидел следующий сон: он казался сидящим на гребне горы, как если бы он был на колеснице, двигая гору. И действительно, судьба, необходимость и его собственный свободный выбор - который [в его случае] был плохой вещью[425] - вели его к другому сорту жизни, которая имела видимость бытия, как возвышенного и благородного, а в действительности она была грубая и бессмысленная. Он сам был ответственен за это и это было подтверждено последующими событиями. Вместо искания философии и жиз-

---

[423] Дамаский здесь говорит как местный, имея семейные связи с Северианом, который учил и его, и его брата Юлиана, предположительно, перед тем, как они отправились в Александрию искать более высокое образование в риторике. Интересно заметить, что, несмотря на греко-латинские имена и родословную, Севериан и его предки идентифицируются по-восточному, через цепь отцовских имен - факт, который может рассказать нам больше о Дамаскии и его происхождении, нежели о Севериане.

[424] Это непереводимая игра слов, χρηματιμός обозначает как администрацию юстиции, так и зарабатывание денег.

[425] Весь отрывок, кажется, является комментарием на иллюстрацию Plato Resp. 617de.

ни неторопливого блаженства[426] он ударился в политику и управление[427]. Будучи сутяжнической натурой, непобедимой в том, что он предпринимал, и амбициозной на беспрецедентном уровне, еще также принося к свету через почтенные дела и слова добродетели, скрытые в его душе, он не проводил какое-либо время, зарабатывая деньги для себя, и его должность и власть не делал его склонным к несправедливости и жадности; в то же время, он всегда спорил и был воинственным с вышестоящими, не терпя, чтобы какой-нибудь из более высоких магистратов превосходил установленные границы справедливости[428]. Он был очень суровым судьей. Иногда действительно, побуждаемый гневом и заботой не потерять лицо, он был ответственен за смерти, принесшие с собой осквернение и неудачу. И этому он приписывал причину своих последующих страданий в жизни.

Действительно, он также вошел в конфликт с Ардабуром, который был сыном знаменитого Аспара, варвара с великим влиянием на императора. Ардабур был командиром Восточной Армии[429], а Севериан создал много проблем как для него, так и для его отца. Страдая взамен более сильно и даже более экстраординарно несчастьем и бесчестьем, он не получил ничего от всего этого противостояния. Будучи чрезвычайно благочестивым и эллином, *жалкое создание*, он не уступал, несмотря на присутствие столь многих опасностей и угроз.

Он взял меня (в ученики) из-за наиболее важных и политических из речей Исократа, не в технической манере, но с мудростью философа. И тогда я узнал его как мужа большого красноречия и с умом, хорошо подготовленным для политического анализа, который был также отличным судьей, как люди говорили. Что касается моего младшего брата Юлиана, то он воспламенил в нем такую любовь к литературе, что тот был готов изучать поэтов наизусть и наиболее популярных из ораторов. Вознаграждение, которое он предлагал ему за рвение

---

[426] Идеал ἀπραγμοσύνη ἐυδαίμων встречается достаточно часто также у Зосима, который явно идентифицирует с ἐπιεικεῖς καί ἀπράγμονες, и показывает их преследуемыми властями (I.5.4; I.13.3).

[427] Это снова кажется, является вдохновлено аллегорией пещеры: те, кто изучили μέγιστον μάθημα, не хотят править; они будут делать так вне крайнего чувства долга, когда обстановка не позволяет иначе (520d: ἥκιστα πρόθυμοι); ср. Marinus VP 14, где это недвумысленно выражено в случае Прокла, который просил Архиада заняться политикой, ἐπειδή πράττειν ἀυτός ἐκωλύετο τά πολιτικά, διά τό καί περί μείζονα ἠσχολῆσθαι.

[428] Законы и юридические решения общеизвестно были игнорируемы в Римской империи. См. p. 323, n. 387.

[429] Ardabur был *MUM per Orientem* между 453 и 466 годами; он был убит вместе со своим отцом Львом в 471 г.

было типом щедрости, подходящей для ученика - обед[430]. Он имел умеренный энтузиазм для других поэтов, но, когда он брал Каллимаха в свои руки, он не мог остановиться, показывая свое крайнее презрение для ливийского поэта; и, так как его раздражение нарастало, он ударял по книге во многих местах.

Император Зенон обещал ему самый высокий пост после императора на условии, что он обратиться в господствующую [религиозную] веру, но даже так он не был убежден им, и не было ему предопределено когда-либо сделать так. И действительно, он читал нам строку за строкой письмо, которое делало такое предложение, но, тем не менее, не поддался ему.

Действительно, он критиковал Аркадия из Лариссы[431] в письме - так как Севериан был мастерский и проницательный автор письма, как можно увидеть из его писем.

109

Ном и Януарий превосходили в беспристрастности и справедливости своих соотечественников и, я верю, почти всех людей, ныне живущих, среди вовлеченных в политику. Они приобрели хвалу и любовь граждан и чужестранцев, так как они обеспечивали великую службу своей стране и доброту к чужестранцам. Выбрав тихую жизнь вдали от общественных обязанностей, они предпочитали видеть свои собственные доходы уменьшенными, нежели приобретать что-то еще более дорогое. Это особенности, которые они имели вместе[432]. Ном был более смышленный и с большей склонностью к философской речи и учению, которое служит как подготовительная тренировка для юноши[433]. Более того, среди наших известных современников он был лучшим критиком стилистических достоинств и недостатков всех жанров поэзии и прозы. Резюмируя, я могу сказать, что ни Севериан, ни философ Агапий не были так одарены литературной критикой, как он. Что касается Януария, то он был лучше сведущ в делах и более мудрый политик, чем его брат Ном, и в общем более благоразумный и систематический муж.

---

[430] Об обеде как стандартной награде для многообещающего ученика, ср. недвусмысленный комментарий Марина относительно Прокла и его учителя математики Герона Александрийского: VP 9.

[431] Вероятно, *PPO* в 486 г.

[432] Возможно, это игра слов на слово κοινά, которое значит как общую собственность, так и особенность.

[433] Согласно куррикулуму, это риторическое обучение, которое оформляло первый цикл высшего образования: *Marrou*, 293-307.

110

A. Ведь было невозможно[434] делать легкий прогресс, а не развиваться шаг за шагом[435], как Феодор Асинский развивался под руководством Порфирия.

B. Философ беспрепятственно совершенствовался, прогрессируя шаг за шагом, вплоть до панической неудачи[436].

C. Предлагая ему как пример, подобно одаренным скульпторам, кто, получая бесформенную глыбу бронзы, приводит ее в форму и обеспечивает ее видом[437].

111

Исидор дружески относился к этому мужу, который в благочестии и своей общей философии жизни превосходил всех других, исключая самого Исидора. Он был настолько полный истины в своем поведении и речи, что обеспечивал жизненный пример хорошо известного афоризма: «Храни свой свет под сосудом»[438], так что я сомневаюсь, если какой-нибудь из его более молодых или более старших современников может быть известен своей истинной природой. И не знает кто-либо еще, каким сортом мужа был Серапион, и действительно не мог бы я иметь это знание сейчас, если бы сам философ не описал бы Серапиона мне. Так он сказал, что нет способа, чтобы Серапион мог когда-либо быть убежденным встретить других людей, особенно так как он почти никогда не покидал свой дом, где некогда вырос. Он жил один в крошечном домике, избрав жизнь решительного уединения, вступая в контакт с немногими из его соседей только, когда абсолютная необходимость требовала этого. Он сказал, что Серапион был исключительно благочестив, обходя одетый как частный гражданин священные места, где бы праздничный обычай ни проводился. Но наибольшую часть времени он проводил дома, ведя жизнь, которая была не человеческой, но почти буквально богоподобной сущности,

---

[434] Предположительно, для его учеников.

[435] Стандартное выражение, ипользованное в сходном контексте Марином (VP 26), чтобы описать прогресс, сделанный Гегием под руководством Прокла. Ср. также Eunapius VS VII.3.6 и особенно Zosimus IV.41.1.

[436] По всей вероятности, это ссылка на Пампрепия.

[437] Это стандартная метафора, относящаяся к прогрессу духовной жизни: см. Plotinus I.6.9.8ff. и ср. сказанное *Abu Yazid al-Bestami*, как цитируемое *Farid al-Din Attar*: «В течение двенадцати лет я был кузнецом моей души...» (Tadhkirat al-Auliya' (trans. A.J. Arberry, London 1966) p. 113). Так как Афанассиади считает, что это ссылка на Исидора, то она помещает этот фрагмент здесь.

[438] Эпикурейское предписание (дословно: «живи, не привлекая внимание») было полностью перенято неоплатониками, которые открыто атрибутировали его Пифагору; ср. Marinus VP 15, с упоминанием Прокла.

постоянно адресуя молитвы и гимны себе или божественному, или скорее медитируя в молчании[439]. Искатель Истины и муж с теоретическим складом ума, он не мог выносить заниматься технической стороной философии, но погружался в те сильные понятия, которые наполняют кого-то божеством. По этой причине он не владел и не читал почти ничего, кроме сочинений Орфея, задавая вопросы, когда они возникали, Исидору, который, так как это было в него вложено, обладал абсолютным теологическим знанием. Только [Исидора] он признавал как родственника и принимал дома. Действительно он думал, что он видел в нем [Серапионе] легендарный золотой век Крона. Он проводил всю свою жизнь в деле и слове, фокусируя свое внимание и концентрируясь так сильно, насколько возможно, на внутреннем и невидимом.

Так велико было его презрение к материальным благам, что он не владел ничем, кроме двух или трех книг, среди которых была поэзия Орфея. И таково было его пренебрежение телесными удовольствиями, что со своей самой ранней юности он предлагал своему телу только голую необходимость, в то время как оставался на протяжении всей своей жизни совершенно неиспорченным сексуальными сношениями[440]. Помимо этого, он настолько презирал общественные почести, что даже его имя не было известно в городе; не мог он стать известным и впоследствии, не пожелай некоторое божество наградить человечество моделью золотого века Крона, так, чтобы это выражение не упоминалось просто в легенде, не поддержанной историческим доказательством[441].

Так, *так называемый* Хейрон, кажется, стоял на пограничной линии между царствованием Крона и Зевса, отсюда его двойная природа[442]. Но этот Серапион, который был известен[443] философу, позволил ему быть описанным в этом ключе. Он сделал Исидора своим наследником, не имея родственников, так как он считал, что никто еще не достоин его имущества, которое есть в его двух или трех книгах.

112

А. В то время там прибыл в Александрию другой муж, диаметрально противоположный Серапиону - или скорее более, чем диамет-

---

[439] По Ямвлиховой трехчастной категоризации молитвы, вариант которой, кажется, есть, Myst. V.26; ср. 22.

[440] Запись упоминания великой позднеантичной темы девственности. Ср. n. 255.

[441] Ср. 18.

[442] Возможно, это ироническая аллюзия на современные Дамаскию христологические конфликты о природе Иисуса.

[443] «Известен» в смысле признанный как духовный наставник.

рально, если кто-то может употребить это выражение. Так, один был Кронический и Зевсоподобный в своем способе жизни, в то время как другой был Тифоноподобный, действительно, животное даже более искаженное и неистовое, чем сам Тифон[444]; поэтому он не живет среди людей, и является безрассудной природы Памперепиевой души и его судьбы[445].

В. Будучи амбициозным и не желая казаться ниже кого-либо, он соперничал с каждым за исключением Прокла и других философов, так как он не мог подойти близко к нему в мудрости. Но что касается предварительного обучения[446], Памперпий трудился и прилагал усилия сам настолько много, что в короткое время он создал впечатление, что является наиболее знающим и эрудированным мужем среди местной интеллигенции, а именно афинянина Плутарха, сына Гиерия[447], и александрийского ритора Гермия, чью репутацию в учености он стремился превзойти. Это он делал таким способом, что тяжело трудился, чтобы приобрести предварительное образование настолько глубоко, насколько подготовка в поэзии и грамматике может сделать кого-то мудрым.

Он был египтянином с природным талантом к поэзии и, попрактиковавшись в искусстве поэзии в своей родной стране, он прибыл в Афины, для того чтобы зарабатывать на жизнь, упражняясь в профессии поэта. Афиняне установили ему их собственную оплату[448], сделав

---

[444] Об игре слов, соотносящей Тифона с высокомерием, см. p. 279, n. 320.

[445] Факты о Памперепиевой жизни известны с точностью от различных источников, включая гороскоп (*Pingree D.* Political horoscopes from the reign of Zeno // DOP. 30. 1976. P. 144-146). Памперпий был рожден в Панополисе в 440 г. и был одним из первых учеников Нонна. Бедный грамматик до 33 лет, когда он женился и «начал оживать» согласно его гороскопу, Памперпий поехал в Афины, возможно, по приглашению Феагена, и преподавал как официальный грамматик с 473 по 476 г. Мы имеем значительные фрагменты непомерного ἐγκώμιον в честь Феагена (Pamprepii Panopolitani Carmina (ed. H. Livrea), No 4, p. 33-37), с которым он, тем не менее, поссорился, впоследствии покинув Афины ради Константинополя (ср. 77D). Пристав к Иллу, он последовательно добился титулов квестора, консула и патрикия, и в 481/2 г. он вернулся в Египет «с большой свитой и великой пышностью» и начал поездку по стране, предсказывая восстановление язычества и призывая местных жителей восстать против Зенона. В течение этого времени он безвозвратно скомпрометировал языческое сообщество (ср. VS 40), чьи представители находили его абсолютно омерзительным, описывая его как беспринципного, предательского и похотливого (его гороскоп содержит главу по его ἀσέλγεια). Найдя убежище в крепости Папирий после поражения Леонтия (484 г.), он был почти немедленно казнен его собратьями-повстанцами живописным способом, описанным Дамаскием (115C).

[446] Дисциплины грамматики и поэзии, ср. 77C и предыдущий комментарий.

[447] Это могли быть PLRE II 'Plutarchus 4' и 'Hierius 5' соответственно.

[448] Значение этого предложения может быть в том, что Памперпий был приглашен занять муниципальное, скорее, чем имперское, кресло. Если это так, то фрагмент обеспечивает доказательство для продолжения существования двойной системы в Афинах в конце V века.

его грамматиком и назначив его учить молодежь. И до недавнего времени он почитался афинянами как учитель, который был далек от ничтожества. Но после пришли другие вещи, как роскошные, так и губительные, от которых мы можем изучить, как изменчивость судьбы обнажает различные наклонности души не менее, чем состояние пьянства на вечеринке.

113

A. Он рассказывал тысячи историй, которыми он очаровывал свою публику не менее - если не более - чем Гомеров Одиссей феакийцев. Однако Одиссеев рассказ Алкиною[449] был полон мифических чудес, правдивый в скрытых глубинах, хотя на поверхности он казался отклонявшимся ко лжи[450].

B. Все, что проситель хотел, было даровано встречей, на которой оказывалось уважение магистрату.

C. Большинство было воскрешено их надеждами на восстановление хорошего старого способа жизни.

D. Пампрепий был эффективным средством, которым Рок противостоял благу.

E. Будучи трусом по натуре и видя, что Илл был оправданно любим и уже очень могущественен, Зенон начал бояться за себя. Его подозрительная натура не позволяла ему какого-либо мира, так как он истощил все каналы и плел любой заговор, чтобы устранить Илла с пути[451].

F. Будучи предметом горькой зависти от Зенона, он пребывал в тиши.

G. И не долго после того он был освобожден от командования в этой манере.

H. *«в будущем» вместо «позже».*

---

[449] Всегда, начиная с Платона, выражение «Алкиноев рассказ» (Resp. 614b), означает историю, рассказанную Одиссеем феакийцам; ср. в общем Himerius (Or. 39, 14), где выражение использовано в связи с императором Юлианом.

[450] Афанассиади помещает этот фрагмент здесь, как относящийся к Пампрепию, который был лгуном по натуре и поэтому противопоставлялся Одиссею. Не видно, почему такой нелестный комментарий был атрибутирован предшественниками к языческому герою Олимпа. Чтение Guida τερατολογίας (Афанассиади предположила ἀληθείας против μυθολογίας Hermann) поддержано Strabo I.2.3; VI.2.4 и особ. Proclus In Crat. 55.21.

[451] По восстанию Илла-Леонтия, см. Malalas, 388-389 (Melbourne 1986, 216-218) и соответствующие комментарии для дополнительного материала. О поведении Зенона по отношению к Иллу, которое описано Дамаскием: *Stein-Paranque* II, 28-31, получается на основе разнообразия источников. Как утверждается византийским историком Зонарой (14.2), Зенон был «ἀίσχιστος καί τήν μορφήν καί τήν ψυχήν».

I. Лидер среди ответственных за государство, назначенный следить за их убеждениями, звался Петр, безрассудный и действительно злой муж[452].

J. Его[453] отношение к некоторым из членов философского кружка было неискренним - не во всем доброкачественное.

K. Пампрепий виделся ими как ненадежный и вскоре был игнорируем ими.

L. Но, вероятно здесь также предсказания Пампрепия преобладали, советуя бездействие и постоянно откладывая войну на будущую дату.

M. Не могло ли это показаться не просто наносами ерунды (что правильно названо лепетом старух), но превосходящим даже границы абсолютного абсурда?[454]

N. Со своей стороны я сказал: «Я думаю, что те, кто хочет быть человеком, а не зевать в безграничной поставке фуража, как животные, нуждается только в этом сорте предсказаний».

O. Прибыв в Египет, Пампрепий дал Исидору впечатление через свои слова, что его отношение к Иллу было порочным.

P. Действительно, он уже смотрел как потенциальный предатель, который осторожно наблюдал поворот событий в Римской империи.

Q. Философ избегал его как мужа, преследуемого карой.

R. Но, когда он почувствовал, что Исидор явно остерегался его и держал себя в абсолютном отвращении, он ушел и никогда не подходил к нему снова[455].

114

A. Эта скала, чья верхняя часть простиралась широко, однако сужалась внизу к точке, так что только было достаточно поддерживать более обширную часть, которая подвешена в воздухе, далеко окаймляя

---

[452] О Петре Монге, ср. Introduction, p. 28-32.

[453] Более похоже, что фрагмент относится к Пампрепию, чем к Петру Монгу, хотя Аммоний также возможен.

[454] Этот отрывок был связан Adler с христианами, упомяутыми в 58A, тогда как Asmus понимал его, как ссылающегося на врачей в Константинополе по прибытии Гесихия туда (84C). Так как он содержит два платонических выражения (Theaet. 162a, 176b), упоминая софистическую точку зрения в моральном и метафизическом плане, Афанассиади находит более вероятным, что Дамаскию следовало использовать эти сильные выражения о Пампрепии, скорее, чем о христианах или какой-либо другой группе.

[455] Ссылка может быть на Пампрепия или на Аммония.

гористую основу, которая поддерживала ее, была похожа на длинную шею, которая несет гигантскую и скорее впечатляющую голову[456].

B. Экстраординарно высокий и длинный.

C. В общем, чрезвычайно заметная твердыня склонялась разделять эти особенности. Кто-то может оценить это положение, если он рассматривает историю цитаделей: они действительно думали, что это вносит великий вклад в безопасность городов, в которых они расположены и для поддержания свободы, но часто они становились причиной рабства и несомненных злоупотреблений, как говорит Полибий.

115[457]

A. *Обозревая тех, кто неистовствовал против нашей святой и бессмертной веры, хотя неохотно и принужденный светом правды, которая светит вперед, Дамаский пишет следующее:* Попытка была сделана императором Юлианом, однако его царствование не длилось дольше, чем четыре года; другая попытка была сделана некоторое время спустя Луцием, который занимал пост *magister militum praesentalis* в Константинополе под властью Феодосия[458]. Он пришел во дворец с намерением убийства императора и, пытаясь извлечь меч из своих ножен три раза, был схвачен в своем изумлении при внезапном видении грозной и могущественной женщины, которая охватывала Феодосия сзади. После этого была попытка Великого Магистра Востока, но он был предупрежден насильственной смертью: он упал со своей лошади и, повредив ногу, умер[459]. Затем Севериан, мой собственный согражданин, предпринял такую попытку в мое собственное время вместе с многими другими; но он был предан собственными сообщниками и подошел близко к тому, чтобы быть осужденным на смерть, когда Эрменарих, сын Аспара - и, вероятно некоторые другие тоже - раскрыли заговор Зенону[460].

---

[456] Это, кажется описание замка Папирия, где восставшие удерживались в течение четырех лет (484-488 гг.). О возможной идентификации см.: *Gottwald J.* Die Kirche und das Schloss Paperon in Kilikisch-Armenien // BZ. 36. 1936. S. 86-100, который идентифицирует замок с массивными руинами Çandır Kalesi, величественное место на горной гряде Тавр около 40 км северо-западнее Тарса.

[457] Детальный комментарий на этот отрывок дан *von Haehling R.* Damascius und die heidnische Opposition im 5. Jahrhundert nach Christus // JAC. 23. 1980. S. 82-95.

[458] Ср. PLRE II 'Lucius 2'.

[459] Это должен быть исавр Zeno, *MUM per Orientem* (447-451 гг.), консул в 448 г. и patricius (451 г.), против кого Феодосий II отправил военные силы: John of Antioch fr. 199.1. Наш текст, вероятно, поврежден, так как манера смерти, атрибутированная Зенону, действительна для Феодосия II.

[460] Эрменарих был самым младшим сыном Аспара; его жизнь была спасена Зеноном, когда его отец и брат были убиты в 471 г. (источники у *Stein-Palanque* I, 591, n.

В дополнение к этим были Марс и Илл; Марс умер от болезни в течение самого восстания, а Илл был арестован и покончил самоубийством от собственного меча.

B. Исход дела мог обеспечить истинную радость даже для тех, кто не во всем были склонны к смеху[461].

C. Он бросил голову во вражеский лагерь, метнув ее как диск с вершины скалы[462].

116

A. Но давайте вернем наше повествование к теме Исидора.

B. Исидор не был наполнен высокомерием, и не ему не было трудно мириться[463]; и он не был несведущим в так называемом поведении стоиков[464].

C. Он был обаятелен, так далеко, как возможно удален от сквернословия и грубых шуток.

D. И он мог быть видимым в то время, будучи лучистым и радостным, физически процветающим, его душа поднималась к вершине, даже хотя страх смерти всегда присутствовал.

E. Не менее, чем Сократ в поиске истины; он также не был способен подчиняться руководству Тридцати Тиранов, которые приказывали ему не делать обсуждений.

F. Его готовность души была выдающаяся.

117

A. Гарпократ, знакомый Аммония, египтянин, грамматик в царствование Зенона. Когда Никомед услышал, что он знал о занятии Аммония, он поспешил арестовать его. Но, догадываясь от начала, что могло случиться - или даже имея предварительную информацию - он немедленно исчез.

58; и 108). Поэтому может быть принято, что в раскрытии Зенону заговора против него Эрменарих вернул благосклонность.

[461] О гневе Дамаския против Пампрепия, который рассматривался неоплатониками как главная причина последующего гонения 489 г., см. JHS. 113, 19.

[462] Это должно относиться к Пампрепию, чье тело было растерзано в этой же манере.

[463] Дамаский, который провел восемь месяцев с Исидором в тяжелой обстановке (скрываясь в Александрии и путешествуя из Египта в Афины через Сирию и Малую Азию, 137D), говорит это на основе личного опыта.

[464] В отличие от Пампрепия, который походил на Тифона (о характеристике см. 112A). Запись игры слов Τυφών· τετυφωμένος, уже использована Plutarch Is. 2: ὁ Τυφών πολέμιος <ὢν> τῇ Θεῷ καί δὶ ἄγνοιαν καί ἀπάτην τετυφωμένος καί διασπῶν καί ἀφανίζων τόν ἰερόν λόγον.

В. Никомед искал Гарпократа и не мог найти его. Услыхав это, Исидор философ отправил Гарпократу письмо, указав на его преследователя. Носитель письма был захвачен и раскрыл личность мужа, который отправил письмо. Они тогда арестовали Гораполлона и Гераиска и, подвешивая их за руки на канатах, они потребовали информацию о Гарпократе и Исидоре.

С. И когда двое из них были повешены на дыбе под пыткой, чтобы предавать их сообщников, они стискивали свои зубы и доказывали, что они выше деяний тирана.

118

А. Порочный человек с постыдной жизнью[465].

В. Аммоний, который был грязно жаден и видел все в понятиях выгоды любого рода, пришел к согласию с теми, кто следил за господствующим учением[466].

119

А. Кошель с книгами всех сортов[467] лежит там.

В. Они/я положил их (книги?) в багаж Юлиана[468].

С. Исидор сделал ящик и другой багаж готовым и доступным для отправления на обозную станцию.

D. Хотя он слышал это много раз, он осмеливался не сделать так.

Е. Группа мужей организована для нападения[469].

F. Он уже приказывал слугам забрать также скребок[470].

G. Когда он вступал в сношения ради производства политического потомка[471].

Н. Он снова бросил философов в тюрьму в согласии с вердиктом второго следствия.

I. Путь жизни обвиненных мужей делал некоторые из обязанностей невозможными.

---

[465] Ссылка может быть отнесена к Петру Монгу, с которым думающий о деньгах Аммоний пришел к политическому соглашению; ср. Introduction, p. 30-32.

[466] Замечание уклончиво по отсылке к христианскому епископу; ср. 78С.

[467] Как противостоящие чисто магическим книгам, владение которыми составляло обвинительное свидетельство: ср. VS 61-62.

[468] Юлиан - младший брат Дамаския: 108; ср. 119J.

[469] Ссылка может быть на монахов.

[470] Текст предполагает, что, когда нападали и арестовывали, жертва была в общественной бане.

[471] Это может быть упоминание сотрудничества Петра Монга и Аммония, в таком случае сексуальная метафора могла быть использована в попытке принизить обоих: и епископа, и философа.

J. Юлиан принял в молчании и со стойкостью много палочных ударов по своей спине. Хотя его били многими прутьями, но он не проронил ни слова.

K. Он показывал такую степень выносливости, что, несмотря на великий террор, продолжавшийся над ним и пытки, которые были произведены, он не открыл ни одного секрета[472].

L. Кстати говоря, что некоторые древние истории, которые приобрели свою славу в мифологии, не более недостоверны[473].

120

A. Гораполлон: *из Фенебитиса области Панополиса; грамматик, который учил в Александрии в Египте, затем в Константинополе под властью Феодосия. Он написал* «Теменика» *и «Комментарии» на Софокла, Алкея и Гомера.* Блестящий представитель своего искусства и не менее знаменитый, чем наиболее выдающиеся грамматики древнего времени[474].

B. Гораполлон не был философом по природе; но он хранил невидимую глубину внутри себя о некоторых теологических понятиях, в которых он был сведущ[475]. Действительно Гераиск предсказывал, что он мог покинуть «других» и мог предать свои наследственные принципы. И это действительно случилось. Он выбрал это обращение добровольно, без какого-либо очевидного принуждения, вероятно, даже через свою ненасытную жажду дохода; так как нелегко предложить какое-либо другое объяснение для поддержания обращения.

121

Видя, что багаж связан вместе для плавания, он сказал: «Что ты делаешь, мой друг? Ты можешь быть арестован портовой стражей».

122

A. Он просил быть принятым мной в секрете

---

[472] Явные ссылки в этом отрывке на Xenophon An. IV.1.23 и Demosthenes C. Aristocr. 140.

[473] Это почти дословная цитата из Thucydides I.21.1 со значением, повернувшим верх вниз.

[474] Афанасиади обязана включением 120A Stéphane Diebler, кто в неопубликованной статье защищает атрибуцию этого отрывка Дамаскию на основании как стиля, так и содержания. Как показано J. Maspero (BIFAO 11, 176-7), грамматик Гораполлон был дедушкой философа, а его упоминание в PH соответствует Дамаскиевой технике вывода на сцену целой династии языческих интеллектуалов.

[475] Через преподавание его отца и дяди; ср. p. 197, n. 191. О личности Гораполлона, брачных переменах и конечном обращении в христианство: JHS. 113, 21-22.

B. и не долго после, он прибыл и остался в моем доме.

C. Пишущий письмо, он отправил его двум философам в Карии.

D. *Автор говорит,* что я прежде давал речи, нося мантию ритора[476]. *Поэтому он носил мантию ритора также, как и философа.*

123

A. Ульпиан, брат философа Исидора[477]. Он был чрезвычайно одарен в математических науках, почему он открыл много новых проблем с их решениями в связи с математическими задачами. Он имел великую репутацию в Афинах как математик. Восхищающийся его природным даром, Сириан обычно рассказывал многим людям, что не может представить ему загадку, такую трудную и усложненную для него, чтобы он не был способен ее решить легко и без помощи. Однако, касательно других ветвей философии, он не показывал что-нибудь достойное записи. Ульпиан был благопристойный и с безукоризненными манерами, и в этом отношении он казался отличающимся от своего брата, вероятно, потому что он совершенно воздерживался от политики на протяжении всей своей жизни.

B. Таков был Ульпиан, который умер в молодом возрасте, неженатым, оставив за собой много хвалы за свою благопристойность[478].

124

Люди обычно имеют склонность даровать имя добродетели бездеятельной жизни, но я не согласен с этим взглядом. Так как добродетель в середине публичной жизни через политическую деятельность и обсуждение укрепляет душу и упрочняет через упражнение, что есть здоровое и совершенное, в то время как нечистый и ложный элемент, который скрывается в человеческих жизнях, полностью показывается и более легко устанавливается на путь исправления. И действительно, политика предлагает больше возможностей для делания, что есть хорошо и полезно; таже для смелости и решительности. Ведь изучено, что те, кто сидит в своем углу и философствует обстоятельно и в величественной манере о справедливости и умеренности, весьма позорят

---

[476] Автор, чья репутация долго была только как философа, здесь открывает факт того, что он «обратился» от риторики к философии под влиянием Исидора.

[477] Исидор должен быть дословно «даром Исиды», последним ребенком Феодота в среднем возрасте, который имел несколько более старших детей: среди них была дочь, которая произвела сына в то же время, что и ее мать дала рождение Исидору (ср. 11) и Ульпиану, который был студентом в Афинах на поколение раньше, пока Сириан был еще деятельным.

[478] О цитате см. p. 147, n. 120.

себя, если они вынуждены делать некие действия. Так лишенные действия, все речи кажутся тщеславными и пустыми[479].

125[480]

A. Он отплыл прочь в Афины и к Проклу, который до сих пор был заключен в своем теле.

B. Затем он прибыл в Афины и был носителем фимиама на погребении Прокла.

126

A. Крайняя и неисцелимая порочность достойна немедленного наказания; пренебрежение безнравственностью, с другой стороны, должно также быть рассмотрено немедленно. Но для большинства промежуточных случаев наказание задерживает излечение зла, или потому что они получают льготы за их хорошее поведение в надежде, что они будут избегать ножа и пламени, или потому что они недостойны немедленной заботы за счет величины их порока, или потому что некоторые заслуживают вознаграждения за их хорошие, нежели за их плохие дела[481].

B. Презрение философов к вызовам властей было достаточным, чтобы разъярить варварских мужей. Философы, тем не менее, думали, что им следует быть терпеливыми и выносить события с мужеством.

C. Имперский эмиссар арестовал Агапия и других философов и привел их перед магистратами.

D. Другие вещи были достаточны для философов, и те с «различными нуждами» за счет их благочестия и свободного выбора.

---

[479] Неэкспертный взгляд неоплатоников (выраженный с редкой энергией Themistius Or. XXVIII.341d: ὀυκ ἀνέχονται παρακύπτειν ἔξω τοῦ σκίμποδος καί τῆς γωνίας; и ср. XXXIV.12: ὀυδέ (...) τῆν ἐν ταῖς γωνίαις φιλοσοφίαν ἐιλόμην) был таков, что они были трусами. Здесь Дамаский воспроизводит лексику Фемистия и, в то же время, отражает язык Калликла в платоновском Gorgias (485d), призывающего Сократа погрузиться активно в политическую карьеру.

[480] Это отсутпление относится к 485 г., когда Исидор посетил Афины во второй раз, чтобы увидеть Прокла перед его смертью. Поводом для отступления могла быть дискуссия между двумя мужами о философии как способе жизни.

[481] 126A - логическое следствие 124. Целый отрывок - это комментарий на главные догматы Платонова Горгия и особенно на знаменитую дискуссию между Сократом и Платоном о преступлении и наказании (474c-481b). Ввиду его особой злободневности, это составляло важную тему разговора в неоплатонических кругах, и анекдоты, атрибутированные Проклу и другим учителям в связи с Сократовыми взглядами на преступность и искупительную природу наказания передавались из поколения в поколение: ср. Olympiodorus In Gorg. 130, 6ff., где Аммоний сообщает Проклов афоризм по этой теме.

Е. Рок заставил их обратиться к сопротивлению[482].

127

А. Одновременно серьезный и общительный, Агапий изучал древний язык далеко за пределами обычного, привлекая к себе внимание жителей Константинополя и будучи обожаем как одаренный человек видными людьми в Александрии; так как он владел всесторонней культурой, желая быть одновременно и исследователем и критиком как в грамматике, так и риторике. И, суммируя, он казался «квадратом»[483] в мудрости и действительно был таким.

В. Он был серьезен в усовершенствовании себя во всем и, по словам Симонида, был «квадратный» и безупречный, так что даже доносчики, которые искали, чем бы его очернить, не могли опровергнуть, что этот муж был достоин высочайшего восхищения[484].

С. Терпеливо выдерживая тех, кто противостоял ему, он доказывал истинность максимы, в которой Ксенофонт цитирует Сократа, обращавшегося к Исхомаху, что добродетельному мужу возможно извлекать пользу даже из тех людей, кто пытается навредить ему[485].

128

Гессий: известный врач эпохи правления Зенона[486]. Он прибыл из Петры. Сместив своего собственного учителя Домна иудея и переняв почти всех его учеников, он приобрел всеобщую славу и был мно-

---

[482] Плутархов оборот речи, воспроизведенный здесь Дамаскием бросает некоторый свет на этот крайне короткий отрывок: в его золотом плену в Селевкии, Деметрий «был подвигнут защищать себя» «ἐγκλειόμενος ὥσπερ θηρίον… τρέπται πρός ἀκήν» (Dem. XLVIII.1).

[483] Слово «квадрат» с его пифагорейской коннотацией значит «совершенный» или «всесторонний».

[484] Репрессии обеспечивали людей уникальной возможностью давать свободый повод для их профессиональной зависти: доносчики на Афтония, Аммония и Агапия должны быть некоторыми из тех, кто получал выгоду от ситуации, чтобы нападать на их успешных соперников.

[485] О максиме (которая, кажется, обеспечила вдохновение для Плутархова эссе «Как извлечь выгоду из врагов» (Mor. 86b-92f)), Xenophon Oecon. I.15.

[486] Не только знаменитый врач и профессор медицины, чьи академические остроты до сих пор цитировались студентами его студентов (ср. Stephanus of Athens, Comm. in Hippocr. (Westerink) II.53, CMG XI.1.3.1 (1985) 256), но также важная фигура в философской жизни Александрии в начале VI века (ὅς ἐπί σοφίᾳ πάσῃ βρενθύεται καί γανύσκεται παρά πάντα τούς ὀικοῦντας τόν Νεῖλον, Zacharias, De mund. op., col. 1105 = Colonna p. 125). Гессий был весьма глубоким студентом Аммония, как запомнилось его земляку-студенту Захарии (De mund. op., col. 1060ff. = Colonna p. 107), и стержнем эллинского сопротивления тогда и позже (ср. Sophronius of Jerusalem Mir. 30), который, тем не менее, поддерживал дружеские связи с Энеем и Прокопием Газским, как выясняется из их писем к нему (Aeneas epp. 19, 20; Procopius epp. 16, 102, 122, 125, 164).

го обожаем не только из-за его медицинских умений, как в обучении, так и на практике, но также из-за его всесторонней культуры. Будучи честолюбивым и упорно работающим, он приобрел за год подобие мудрости, хотя через учение скорее, чем через природный талант, в то время как в медицинской теории и практике он достиг великой степени точности, чем любой из его современников врачей или иатрософистов. Прийдя позже к публичной практике своей науки, он быстро развивался и процветал в этом, будучи впечатляющим и не расположенным к пафосности; он произвел небольшой прогресс в философии, но преуспевал в медицине. Это был источник великой удачи и редкой чести в Римском государстве.

Но я рукоплескал благородному мужеству его души. Так, когда Гераиск разыскивался императором Зеноном, он спрятал его в своем собственном доме, подвергая себя опасности, а так как Гераиск почувствовал себя больным в своем месте убежища и умер, он похоронил его правильно, зарыв его тело и оказав ему общепринятые почести.

129

A. Обновляя его душу диалектическим сожительством.

B. Он встретил святую женщину, благословенную богами наиболее необычной природой. Наливая чистую воду в стеклянную чашку, она видела внутри воды образы будущих событий, и из этого видения предсказывала вещи, которые всегда происходили. И мы сами имели личный опыт этого[487].

130

После того, как Исидор женился на Домне, ею был рожден ему сын; и он назвал ребенка Проклом. Домна умерла на пятый день после родов, освободив своего философа от злого монстра и горького супружества[488].

131

A. Анатолий подверг пытке Иоанна[489] и отнял у него его имущество,

B. он также умер немедленно после того.

---

[487] Это может быть упоминание методов гадания, которые языческое сообщество практиковало в течение репрессий, чтобы предсказать их исход; ср. VS 40.

[488] Ассоциация Исидора с Сократом усиливает параллель Ксантиппа/Домна.

[489] Это весьма может быть софист, который учил Севера и его братьев в Александрии; ср. VS 11-12.

VIII. Обращение в философию

132

А. Рок погнал меня к Немезию[490]; так как я не мог никогда добровольно принимать его хамства, но посольство обязало меня.

В. Когда он наткнулся на меня, Немезий стал возбужден и ободрен своими надеждами и почувствовал, что он получил шанс на неожиданно найденный клад[491].

133

Антоний был александрийцем, который, будучи скорее лишенным книжного образования, нуждался в точности в этой области. Но что касается истины, он был наиболее святой, с душой, крепко расположенной по направлению к божественному поклонению, как в общественной, так и в более тайной природе, так что он сделал Газу намного более святым местом, чем это было прежде[492].

По вступлении в публичную жизнь он предпринял судебный процесс от имени его сестры, обращаясь по ее делу так убедительно и защищая ее даже слишком горячо, не учитывая времени, которое он растратил понапрасну, не обращая внимание на свою репутацию. И он был обвинен своими современниками не в преступлении, но в излишнем сутяжничестве; так как он довел свое дело так далеко, как (было

---

[490] Это, по всей вероятности, юрист, о котором Энеей Газский писал Гессию (ep. 20). Дамаский предположительно взаимодействовал с ним, как член делегации со стороны языческого сообщества или просто чтобы обеспечить безопасность для Исидора.

[491] В соответствии с описанием Энея Газского (ep. 20), Немезий страстно жаждал завести нового друга: ὁ καλός Νεμεσίων… φίλους ὁιδε θηρεύειν.

[492] «Житие Порфирия», написанное Марком Диаконом около 450 г., обеспечивает превосходное свидетельство о стойкости язычества в Газе в начале V века. Хотя храм Марны Газского был разрушен епископом Порфирием, этот бог был до сих пор популярным божеством дома и за границей, судя из гимна Прокла, посвященного ему (Marinus VP 19); верные язычники из Газы, подобно ритору Зосиму, который был казнен в правление Зенона, могли все еще действовать в конце V века (ср. PLRE II 'Zosimus 2'). О культурном и религиозном разнообразии позднеантичной Газы: *van Dam R.* From paganism to Christianity in late antique Gaza // Viator. 16. 1985. P. 1-20 и *Colonna*, Zacaria, 21-22. По этническому составу населения ср. проницательные замечания Stein (*Stein-Palanque* II, 175). Уместно напомнить, что Захария Митиленский, Эней, Прокопий и Тимофей были все уроженцами Газы, каковым также были Хорикий и философ Исидор, который преподавал в Афинах перед сопровождением Дамаския в Ктесифон из-за последствий событий 529 г. (см. также Appendix III). Заманчиво увидеть связь между Исидором Газским и нашим Исидором, который мог быть ответственен за философское обращение первого во время его пребывания в Газе в 489/90 г.; в признание этого долга Исидор Газский мог принять имя его духовного отца или тогда же, или позже, когда он был вызван Дамаскием прийти и учить в Афинах как один из ведущих умов «из всей области эллинизма» (Agathias II.30.3).

принято) в Константинополе, и создал впечатление крайней вздорности. Когда он нанес поражение своим противникам, он отдал свою сестру замуж, а он сам провел остаток своей жизни в мире и досуге, обращаясь немного к философии, проводя большую часть своего времени в храмах. Его характер был прост и расположен к хорошим делам, особенно тем, которые касаются религии. И я сам был обязан ему поистине великой благосклонностью, которую я молю богов вернуть к нему на Островах Блаженства, где он уже должен быть, заслуженно живя рядом с ними.

134

A. Дор[493] из Аравии. Он был могучим искателем истины. Философ Исидор понимал, что он вовлечен с самого начала в гипотезы Аристотеля, так как они были базисом его образования с детства; учитывая также дополнительно его незнакомство с Платоновой высочайшей мудростью, он был неспособен совершенствоваться с годами, чтобы воспарить к возвышенным и блистающим понятиям. Понимая это, Исидор постепенно возвращал его назад и разворачивал его душу для плавания по широкому морю Истины, так что Дор освободился от перипатетической дотошности, которая сосредотачивалась на доказательстве крошечных пунктов, и получил пристанище в искусстве диалектики, которое было принижено неким Прометеем в то же время, когда самый блестящий огонь был чистейшим проявлением ума и мудрости, и основывал там свои жизненные надежды касательно философии[494].

B. Он путешествовал в Бостру в Аравии, не в древний город, так как он получил статус города при власти императора Севера[495], но в

[493] Об имени Dorus, которое было общим в Аравии и кажется было переводом эквивалентных семитских имен, см. *Sartre M.* Inscriptions grecques et latines de la Syrie. XIII. 1982. P. 9220, 9441 и *Id.*, Bostra: des origines à l' Islam. Paris, 1985. P. 199, ср. 150.

[494] Так могло случиться, что в течение путешествия из Александрии в Афродисию Исидор был ответственен за двойное обращение к платонической теологии: аристотелианца Дора и ритора Дамаския. Язык отрывка платонический с реминисценциями Phil. 16c.

[495] Под именем Nova Traiana Bostra, Бостра была сделана столицей вновь основанной провинции Аравия в 106 г.; тем не менее, лишь под властью Александра Севера она была возвышена до статуса римской colonia; подробности см. *Millar.* Roman *Coloniae,* 39 ff. и *Sartre*, Bostra, особ. 122-124, обсуждающее доказательство, относящееся к 488-490 гг., когда город был исключительно процветающим. Хорошо документированная всеобъемлющая история города и его памятников - *Burns R.* Monuments of Syria. London, 1992. P. 61-68. Наконец, превосходный по тону анализ этого отрывка: *Tardieu M.* Paysages, 29-31.

древнюю цитадель, сооруженную арабскими царями против соседнего им города Дионисии[496].

C. Слушая миф об Ио[497], и что имя города объяснялось как «с острым стрекалом муха телки»[498], он находил удовольствие в связи с легендарными блужданиями Ио.

D. Здесь[499] он пришел узнать Теандрита, мужское божество, которое вдохновляет и вливает в душу кого-либо вкус к мужественной жизни.

135

A. Вода арабского Стикса течет вниз[500].

B. Эта вода также называется стигийской. Область, в которой она расположена - равнина в Аравии, растягивается от востока так далеко, как заброшенный город Диа[501]. Затем внезапно земля раскалывается в глубокую пропасть, густо покрытую со всех сторон скалами и

---

[496] См. *Rey-Coquais J.-P.* s.v. Dionysias (Soueida) // Princeton Encyclopaedia of Classical Sites, 1976. Греческое имя отражает притязание города на то, что он был основан Дионисом (ср. IGR 3, 1277, 1278) и n. 360. О географической идентичности и этническому устройству Декаполиса в поздней античности, см. *Gatier P.-L.* La présence arabe à Gérasa et en Décapcle // *Lozachmeur H.* Présence arabe dans le Croissant Fertile avant l'Hégire. 1995. P. 109-118.

[497] Проницательное исследование ближневосточного происхождения мифа об Ио: *Duchemin J.* La justice de Zeus et le destin d' Io: regerd sur les sources proche-orientales d'un mythe e'schyle'en // REG. 92. 1979. P. 1-54. Связь Ио с Сирией (Suda II 646, 23 ff.) оставалась живой в народном воображении: Malalas, 28-30, дает подробное описание ритуалов и обычаев, извлекающихся из ее легенды, которые были до сих пор практикуемыми в его дни в Антиохии. Легенда была также популярна в Египте, где Ио идентифицировалась с Исидой: по значимым ссылкам, см. *Griffith*, 443. О египетской связи с неоплатонической перспективой: Macrobius Sat. I.19.12-13.

[498] От греческих слов βοός и οἶστρον, ложная этимология. Bostra фонетически восходит к местному семитскому имени Busrana.

[499] Согласно Tardieu (Paysages, 38) наречие «здесь» ссылается на "высокое место" в Хауране на восток от Бостры, где Исидор распознал в местном божестве Теандрита, которого Прокл отметил в стихе (ср. Marinus VP 19); отсюда прилагательное «мужской», которое указывает на антропоморфическую репрезентацию бога, более часто почитаемого как baetyl.

[500] Слова κατειβόμενον Στιγός - это стандартное гомеровское выражение, имеющее отношение к «самой великой и самой страшной клятве» богов: ср. Il. 15.36=38; Od. 5.184-86 etc.; обширный комментарий на этот отрывок, см. *Tardieu*, Paysages, 39-43. Ценно отметить, что Порфирий написал трактат Περί Στιγός, обширные фрагменты которого были сохранены Стобеем (Smith Nos 372-380).

[501] Это Dion, один из городов Декаполиса; форма Dia должна представлять имя города в дни Дамаския, как это встречается у Hierocles, Synecdemus 722.4, который дает список городов империи в начале Юстинианова царствования. Об оценке прилагательного ἔρημος в смысле «заброшенный язычниками», см. *Tardieu*, Paysages, 50-51 и 56 n. 119.

дикими растениями, растущими из скал. Слева сторона склона узкая и шероховатая (так как вдобавок будучи каменистой, толстая, с дикой и неравномерной растительностью), растягивается на пятнадцать стадий. Однако не только мужчины, но и подготовленные женщины спускаются по этому каналу. На самом нижнем уровне, в узкой горной долине, следующей за этой, есть сады и много земледельческих хозяйств. В самом далеком и узком конце трещины был резервуар для вод Стикса, которые падали вниз в круг, рассеивались в воздухе как результат падения с огромной высоты и затем собирались снова внизу. Это зрелище и природное явление является как впечатляющим, так и устрашающим. Никто никогда не видел это, не почувствовав религиозного трепета. Из жертвоприношений, бросаемых в воду, некоторые стекают в пропасть, даже если они легкие по весу, когда божество благоприятно; в противном случае, даже если они тяжелые, они плавают и выскакивают наверх в необычайной манере[502]. Местные жители, как я знаю из опыта, держатся в страхе клятвой, приносимой на этом месте и при этих водах; поэтому они клянутся сами очень редко. И если кто-либо когда-либо нарушит эту клятву, они говорят, что он умрет в течение года, его тело станет распухшим от водянки; и никто еще не избежал этого наказания[503].

136

А. Набатеи зовут Диониса Дусаресом[504], как сообщает Исидор[505].

---

[502] Похожая история рассказана Зосимом в связи с культом Афродиты в Афаке (I.58.2).

[503] Исчерпывающий, а время от времени также остроумный комментарий на этот отрывок, см. *Tardieu*, Paysages, 43-69. Так же, как обеспечение греческого происхождения для имени реки Yarmuk (Ἰερομύκη=священный рёв, 48-49), Tardieu пытается воспроизвести маршрут Дамаския и Исидора из Бостры в Дию (см. его карту на p. 44) и идентифицировать местонахождение стигийских вод, описанных здесь. Он заканчивает предположением двух локаций, и обе расположены к западу от Ярмука и сформированы его притоком Nahr al-Ahrayr в соседстве Tall all-Aş’arī (Dia) (см. его карту на p. 57).

[504] Dusares-Dushara был национальным богом набатеев как племени, так и государства, а также бог-покровитель их правящей династии. Его имя, означающее «некто из ash-Shara», указывает на его происхождение в горном регионе Петры перед возникновением там города. После гибели Набатейского царства он остался важным божеством Аравии и Сирии (полный спектр ссылок: *Fahd T.* La panthéon de l'Arabie centrale à la veille de l'Hégire, 71-75; дополнительные детали: *Knauf E.A.* Dushara and Shai 'Al-Qaum // Aram. 2. 1990. P. 175-181). Один ли, или формируя триаду с Arsu-Ares и Theandrites, Dusares обильно представлен в искусстве и чеканке монет как антропоморфно, так и аниконично, в то время как в середине III века он почитался специальными играми, *Acta Dusaria*: ср. *Bowersock G.W.* The Arabian Ares (1983), An Arabian Trinity (1986) и особ. The cult representation of Dusares in Roman Arabia (1993) в *id.*, Studies on the Eastern Ro-

В. Дионис победил в борьбе против Ликурга и его арабских последователей разбрызгиванием на вражескую армию вина из винных бурдюков[506]. Вот почему он назвал город Дамаском[507]. Другой производит имя города от гиганта по имени Аск[508], которого Зевс победил здесь, в то время как третьи объясняют имя отличными способами. *Автор родился в этом городе.*

137

А. Собирание денег - это не помощь в Аиде, и не роскошь, и не проклятая слава, которой награждаются свыше все остальные теми политическими деятелями, кому завидует большинство за их хорошую судьбу, но в действительности, несчастье.

В. Сколь губительной деятельностью была риторика, сосредотачивая все мое внимание на рте и языке и отворачивая меня от души и от блаженных и божественных уроков, которые очищают ее! Осознав

---

man Empire, Internationale Bibliothek der Wissenschaften. 9. 1994. P. 231-241 и 245-252. Об *Acta Dusaria*, отмечаемым в Бостре, предположительно каждые четыре года: *Sartre*, Bostra, 156-158.

505 Следующий отрывок может иметь свое происхождение в тексте Дамаския: Θεύς Ἄρης· τουτέστι θεός Ἄρης, ἐν Πέτρᾳ τη῀ς Ἀραβίας· σέβεται δέ θεός Ἄρης παρ᾽ ἀυτοι῀ς· τόνδε δέ γάρ μάλιστα τιμω῀σι. Τό δέ ἄγαλμα λίθος ἐστί μέγας, τετράγωνος, ἀτύπωτος, ὕψος ποδω῀ν τεσσάρων, ἐυ῀ρος δύο· βάθος ἑνός· ἀνάκειται δέ ἐπί βάσεως χρυσηλάτου. Τούτῳ θύουσι καί τό ἁι῀μα τω῀ν ἱερείων προχέουσι· καί του῀τό ἐστιν ἀυτοι῀ς ἡ σπονδή. Ὁ δέ ὁικος ἁ῀πας ἐστί πολύχρυσος. Ὁί τε γάρ τοι῀χοι χρυσέοι καί τά ἀναθήματα πολλά ἐισίν (Patria, 84, Preger, p. 194) «Бог Арес, который есть божество Арес в Петре в Аравии, где они почитают бога Ареса, воздавая ему особые почести. Статуя - это бесформенный черный камень; его высота измеряется четырьмя футами, его ширина - двумя, а его толщина - одним; он покоится на золотой базе. Они совершают жертвоприношение (ему), возливая кровь жертв, и так они предлагают возлияния. Что касается храма, то он весь в золоте; его стены покрыты золотом и там много вотивных подношений».

506 Когда-то во времена Гомера (Il. 6.130-140), Ликург, сын Ареса, был известен как враг Диониса, за проявление своего высокомерия против бога. Следуя местной традиции, Нонн трансформирует Ликурга из фракийского царя в царя Аравии, и делает конфликт между царем и богом значимым эпизодом его Dionysiaca (кн. XX-XXI). Действительно, согласно одной идентификации, Ликург есть никто другой, нежели Shai 'Al-Qaum, набатейский бог, кторорый ненавидел алкоголь (ср. *Sourdel*, Hauran, 81-84 и *Knauf*, ст. цит. в n. 360). О вариантах этого важного местного мифа и соответствующей библиографии, см. Nonnos de Panopolis. Les Dionysiaques VII. Paris, 1994. P. 11-19. Ценно отметить, что Нонн был учителем Пампрепия и, весьма вероятно, знакомым Дамаския. О культе Ликурга в Хауране см. *Chuvin P.* Mythologie et géographie dionysiaques: recherches sur l' oeuvre de Nonnos de Panopolis. Clermont-Ferrand, 1991. P. 264-267.

507 От глагола δαμάζω (=подчинять) и существительного ἀσκός (=бурдюк); по равно фантастической этимологии наряду с Платоновской линией, ср. Hesychius s.v. ‛Δαμασκος': ἁ῀ιμα σάκκου.

508 Ср. Stephanus Byzantius s.v. ‛Δαμασκός': ὠνομάσθη δέ ὅτι ἐ῀ις τω῀ν Γιγάντων Ἀσκός ὄνομα ἅ῀μα Λυκούργου δήσας τόν Διόνυσον, ἔρριψεν ἐις τόν ποταμόν· ὅν λύσας Ἑρμη῀ς, τόν Ἀσκόν του῀ δέρματος ἐγύμνωσεν· ὅθεν πρός ὄινον ἐπιτήδειον τό δέρμα.

это, я был некогда отвлечен от моих риторических экзегез, которыми я занимался в течение девяти лет.

C. Отступать от риторики и поэтики и острот.

D. Мы провели девять месяцев в обществе друг друга, как днем, так и ночью.

138

Я видел бетиль, двигающийся в воздухе, порой скрывающийся в одеждах его попечителя, порой появляющийся в его руках. Имя попечителя бетиля было Евсевий, который сказал, что в некоторый момент у него возникло странное убеждение пойти скитаться прочь от города Эмесы в середине ночи почти так далеко как до горы, на которой построен древний храм Афины. Он пришел с великой поспешностью в ногах на гору и сел отдохнуть, как делает кто-либо после долгого путешествия. Затем он вдруг увидел шар огня, спрыгивающий вниз с высоты, и огромного льва, стоящего рядом с ним, который тотчас исчез[509]. Он побежал наверх к шару, так как огонь затухал по направлению вниз и понял, что это на самом деле был бетиль; подобрав его и подняв, он спросил его, какому богу он принадлежал, и бетиль ответил, что он принадлежал Геннайосу (гелиополиты почитают Геннайоса в храме Зевса в форме льва)[510]. Он взял его домой, так что той же ночью, покрыл, как он сказал, не менее, чем 210 стадий. Евсевий был знатоком движения бетиля, как бывает и с другими, но он служил и молился, и бетиль слушался его заклинаний[511]. *Бормоча далее эти и много других таких глупостей, муж этот был действительно достоин бетилей, судя по описанию его внешности.*

Камень был совершенным шаром, беловатым по цвету и объемным по диаметру; его размер был иногда больше, иногда меньше, и

---

509 Зосим (I.58.1) также говорит о факеле или шаре огня, который до сих пор являлся в его собственные дни (καί μέχρι τω˜ν καθ’ ἡμα˜ς... χρόνων) в Афаке, когда проводились регулярные собрания, чтобы отмечать праздник Афродиты Афакийской; достойно упоминания, что, согласно христианским источникам, храм богини был разрушен по приказам Константина (Eusebius VC III.55; Socrates I.18.10), еще Sozomen (II.5.5) правдиво отображает историю о разрушении храма, также говорит о стремительном огне, который поднялся из гребня горы Ливан и упал в реку Адонис, как современный феномен, действительно – это эпифания (богоявление) Афродиты Урании.

510 Это бог Gad из Баальбека: *Fahd*, op. cit. 153. См. также *Cumont F.* RE s.v. ‘Γενναίος’ и *Hajjar Y.* La triade d' Héliopolis-Baalbek. Leiden, 1977. P. 288ff. (об отрицательной точке зрения).

511 Независимое движение бетиля отражает древнюю веру с глубокими функциональными корнями в финикийской космогонии. Так, согласно традиции, сообщаемой Филоном Библским, Уран изобрел бетиль как оружие в борьбе против его сына Крона: «ἐπενόησε θεός Ὀυρανός βαιτύλια, λίθος ἐμψύχους μηχανησάμενος» 23 (=Baumgarten 810).

при случае он приобретал пурпурный оттенок. Он показывал нам буквы, написанные на камне и окрашенные так называемой киноварью, с помощью которой выводились оракулы тем, кто вопрошал. И когда он ударил его о стену..., камень издал мягкий свистящий звук, который Евсевий интерпретировал. *После рассказа о вышеупомянутом чуде и даже тысячи более абсурдных историй о бетиле, этот пустоголовый муж добавляет:* Со своей стороны, я считал, что бетиль был божественным, в то время как Исидор находил его скорее демоническим; он сказал, что он движим демоном, не одним из тех, кто вредоносен и слишком материален, и не одним из тех, кто достиг нематериальности и всецело чист.

Каждый бетиль был приписан к конкретному богу, как богу, *как он нечестиво рассказывает,* Крону, Зевсу, Гелиосу и другим.

139

Когда Максимин - он был эллин по религии и муж, способный вызывать божество через свою добродетель - задерживал свой взгляд на чем-нибудь, он пристально вглядывался в такой испуганной и гибельной манере, что те, кто глядел на него, должны были отвернуть свои глаза. Будучи осведомлен об этом, он обычно опускал свои глаза на землю, чем на лицо тех, кого он встречал. Однако он был свидетелем многих призраков, которые не воспринимались другими. Он был также способен отпускать на свободу вредоносных демонов и проверять тех, которые были отправлены откуда-либо. Однако, осужденный за нечестие в Константинополе, он не избежал наказания мечом.

140

A. И не понимал он, что философская жизнь была всем вокруг. Действительно, если кто-то среди общего стада виновен в высокомерии, [то это был он].

B. Акаматий, уроженец Гелиополя. Он был более приличный, чем остальные из граждан. Он был так непрофессионален, что ожидал быть названным философом без какого-либо начального образования подготовки или последующего чтения букв[512], и сам представлялся каждому этим званием, так что ни один гелиополит не называл его каким-нибудь иным прозвищем, нежели «философ». Позволим этому позору быть памятником отсутствия образования среди людей.

C. И если он имел возможность, он хвастался каждому новоприбывшему, придумывая истории, которые звучали правдоподобно.

---

[512] Иронично окрашенная ремнисценция на Thucydides I.138.3, которая относится к Фемистоклу.

D. Но наше прибытие в Гелиополь практически положило конец Акамантиеву притворству в философии[513].

Он также хотел быть *haruspex*[514], но это, как минимум, простительно, так как это была наука, которую он мог хоть как-то понимать, особенно по нормам мирян.

141

A. Не имея предшествующего опыта этих беспокойных и непоправимых дел.

B. Задержка была также долгая из-за надежды, которая торопила его к Карии и Афинам[515].

C. Я приходил к мольбам богу.

D. Так как Киллениан/Килллений[516] тратил время попусту и задерживал дела, Исидор потерпел неудачу достичь чего-либо.

E. Но без экономии расходов, из которых дороже всего обходится - время, как философ сказал[517].

142

A. Как мощно ты думаешь, что моя душа парит вверх, так как я видел себя окруженным божественным светом.

B. Асклепий из Бейрута - и не греческий, и не египетский, но местный финикийский [бог]. Садик имел детей, которые идентифицируются с Диоскурами и Кабирами; после них восьмой ребенок был Эшмун, который идентифицируется с Асклепием[518]. Будучи крайне красивым юношей, восхищающим взор, он был любим, согласно мифу, финикийской богиней Астроноей, Матерью богов. Он охотился,

---

[513] Дамаский серьезно интересовался местными философскими традициями, и конкретно ссылается в своем сочинении «О первых началах» на разные интерпретации буквенных символов среди египтян, гелиополитан и жителей Газы (ср. In Parm. 127-128 с замечанием, *ad. loc.* сообщающим комментарий G. Maspero на отрывок). Это замечание может сейчас быть завершено ремарками, содержащимися в издании *Combès* In Parm. II, 155-158, nn. 2 и особ. 4 на фигуру, посвященную жителями Газы Зевсу-Марне, на которого Дамаский ссылается.

[514] Прорицатель и наблюдатель священных жертв.

[515] Это, в связи с 122C, обеспечивает доказательство о *спланированном* путешествии в Афины через Афродисию.

[516] Неясно из текста, это личное или этническое имя. Может быть, ссылка на друга или языческого чиновника, который обещал помочь Исидору.

[517] Сказанное атрибутируется ко многим: ср. Diogenes Laertius V.40 (по Феофрасту); VII.23 (по Зенону Китийскому).

[518] Ср. Philo of Biblos 38 (=Baumgarten 813): ὁι ἑπτά Συδύκου παι˜δες Κάβειροι καί ὁ ὄγδοος ἀυτω˜ν ἀδελφός Ἀσκληπιός. Также *ibid.* 25 (=Baumgarten 811): Συδύκῳ δέ τῷ λεγομένῳ δικαίῳ μία τω˜ν Τιτανίδων συνελθου˜σα γεννᾷ τόν Ἀσκληπιόν.

как был его обычай, в этих[519] узких горных долинах, когда он увидел богиню, следующую за ним; так как она продолжила свое преследование и была близка к тому, чтобы поймать его, он впал в состояние безумия и отсек свои собственные органы деторождения топором. Опустошенная горем в этой неудаче, богиня воззвала Пэан и, оживив юношу своей жизнедающей теплотой, она сделала его богом, названным финикийцами Эшмун за тепло жизни. Другие, однако, интерпретируют имя «Eshmun» как «восьмой», потому что он был восьмым сыном Садика[520].

С. Я сообщил все это Исидору[521], который всегда уделял священным мифам внимание, что было мудро и божественно вдохновлено[522].

143

А. Когда он подумал, что его жизнь была в опасности.

В. Но это был уверенный знак его глупого выбора жизни.

144

А. Позволим этим словам быть записанными, как малое благодарственное предложение за многие благодеяния, которыми он [Асклепиодот] отплатил[523].

В. Мы плыли на Самос.

---

[519] Указательное местоимение предполагает, что Дамаский воспроизводит историю в словах метсного жителя или из храмовых архивов; действительно, целый отрывок структурирован в стиле восточного повествования; ср. р. 60, n. 131.

[520] Отрывок переведен и обсужден *Baumgarten*, 227-230, который рассматривает «возможность того, что в истории Асклепия и Астронои Дамаский пересказывает нераспознанный фрагмент «Финикийской истории» Филона Библского» (230). Более простое и правдоподобное объяснение - это что они оба собирали местную традицию, которая в случае Дамаския, и ввиду 142С, является устной. Baumgarten ближе к истине, когда полагает: «невозможно доказать, что Дамаский должен воспроизводить информацию из Филона; он мог и сам иметь отличный финикийский источник» (*ibid*). Стоит отметить, что в терминах позднеаничной духовности число восемь представляет абсолют, так как оно вызывает ассоциацию со сферой неподвижных звезд, которые лежат вне всякого движения и изменения, символизируемые семью планетарными сферами.

[521] Исидор, кажется, был арестован в местной тюрьме, ср. р. 36.

[522] Ср. VP 22: «Прокл постигал, что теология (...) спрятана в вымышленных мифах и выносил их на свет для тех, кто хотел и мог им следовать».

[523] Предложение принадлежит статье 'Asclepiodotus' в Суде; его место здесь указано параллельным отрывком в Фотиевой эпитоме. Это, вероятно, поэтому, что после описания их остановки в Афродисии как гостей Асклепиодота, Дамаский выражает свою благодарность александрийскому философу, и продолжает повествование о своих путешествиях: вместе с Исидором (и, вероятно, Дором) он едет в Эфес, оттуда на Самос и, наконец, в Пирей.

C. Тело было распухшим, начиная от ступней и растягиваясь до паха и половых органов.

D. Я ужасно спал на лодке и почему-то занимался любовью в моем сне.

E. Парусиновый головной убор, полотенце - *orarium* на латинском - мочалка для лица, салфетка.

IX. Афины «конца времен»

145

A. Мы никогда не слушали философию, будучи так презираемы в Афинах, как мы видели, что это бесчестилось во времена Гегия[524].

B. Гегий: он был выше своего отца в области добродетели и литературных достижений. Когда он был юношей, он имел надежды для себя и внушал надежды во всех других, что он может подойти близко к тому, чтобы соперничать с великим Плутархом, так что, когда он был еще совсем юным, Прокл рассматривал его достойным слушать свои лекции о Халдейских оракулах. Он имел врожденную любовь к учению и благочестию; но, как часто случается, богатство подвергло большому злу его душу, обеспечив обильное пастбище для прокорма льстецам, не только касательно его денег - за это не было так страшно - но касательно его молодой и нежной души, так легко поглощаемой этими животными, как поле свежей травы. Это были люди, которые развратили жизнь Гегия, уведя его прочь от истинной философии. С другой стороны, он страстно жаждал учения в области естественных наук; но в общем, были времена, когда он даже покинул путь разума. Стремясь быть наиболее благочестивым из людей, он завершил работу по гробницам для своих родственников по всей Аттике, тайно, так как он не имел их одобрения[525], и восстановил много святых мест, которые лежали в руинах в течение длительного времени[526], с энтузиазмом,

---

[524] Скрытый смысл этого предложения заключается в том, что Гегий, который был отпрыском знаменитой философской и политически могущественной семьи, и наставлялся Проклом в неоплатонической теологии (VP 26, и ниже 151), занимал Платоновское кресло некоторое время в 490-е годы. Следует также упомянуть гипотезу, которую Glucker основывает на этом отрывке (p. 307, n. 23): «что Гегий стал влиятельным в местных политических кругах и относился к философии с презрением *как политик*».

[525] Alan Cameron находит в этой неясной фразе доказательство, что родственники Гегия были христианами ('The last days', 10, n.4). Афанассиади не заходила бы так далеко, чтобы интерпретировать позицию препятствования дел Гегия как признак приверженности к христианству.

[526] Следующий перевод также возможен на грамматической почве: «он совершил все по Аттике священные ритуалы со стороны своих родственников в тайне - так как он не получил их одобрения, - и возобновил много религиозных обычаев, которые не

который был более неблагоразумный, чем благочестивый. Так он стал известен среди своих соотечественников, привлекая к себе опасных врагов, из которых некоторые страстно жаждали высокой судьбы, которой он владел, а другие устроили заговор против него из-за одобрения установленного порядка.

Была некая в Гегии Феагенова благородная природа, когда она приходила к благодеяниям; за исключением того, что в тратах на друзей и нуждающихся он был более бережлив, чем Феаген.

146

А. Евпейфий и Архиад - два сына Гегия. Евпейфий был более одарен, но в поведении он склонялся к вульгарности, на деле он был в некоторых моментах даже хуже, чем кто-то из толпы и - попросту говоря - намного хуже своего отца.

Архиад был в общем значительно выше в добродетели своего отца и многих других, но в философских материях он был слаб, оставшись неподготовленным в этой области за счет отцовской судьбы, которая сделала его восприимчивым к лести. Однако, более чем кто-либо еще, он выбрал святую жизнь, практикуя разнообразие святых слов и дел, не менее, чем его отец. Это я могу действительно засвидетельствовать и относительно Гегия также. Более того, Архиад чрезвычайно заботился о том, чтобы иметь чистое сознание, действительно, не менее чем философы.

В. Ничто человеческое не ценно настолько, как чистое сознание. Человеку следует действительно жить вместе с его земляками-людьми в приличной манере, и если истинное благо находится в противоречии с очевидным благом, - то никогда не предпочитать последнее и не придавать большей важности чему-то иному, кроме Истины - ни опасности предстоящей борьбы, ни трудному вопросу, от которого кто-то отвернется прочь в страхе[527]; ни доходу, собираемому от незаслуженной похвалы; ни долго длящейся дружбе, ни обязательствам, которые вытекают из семейных связей.

С. Неправильно[528] для мужа, который не может быть мудрым над малыми вещами, стать мудрецом над великими вещами.

совершались уже долгое время». Если действительно Гегий был держателем Платонова кресла, как Дамаский, кажется, предлагает здесь считать (ср. 151Е), тогда в поведении в этом направлении он явно подражал бы Проклу; ср. Marinus VP 36.

[527] Отношение типичное для Дамаския, кто принял Академию, когда она достигла уже наинизшего спада, и вернул ее в снова процветающее учреждение.

[528] В смысле «согласно божественному закону».

D. И действительно, касательно добродетели в общем, этот муж был, как говорится, неустойчивым.

E. Это было возможно заметить во всем, и я сам, видя в каждом случае тех, кто вокруг него, чувствовал пустоту и бессмысленное хвастовство. Будучи наполненными всеми видами страстей, они были неспособны поддерживать разумное поведение даже посреди такой ситуации; действительно, их внешнее поведение было смесью зол, не отличаясь ни в чем от общего стада[529].

Диомед[530] также был испорчен их обществом и, не имея каких-либо природных отличий, он стал даже более раболепен к Закону[531]. Его ум был испорчен льстецами. Несмотря на это, он был одарен в философии - и в курсе философии не мог быть поврежден или ущербен каким-то внешним злом, но только злом внутри, как говорил Сократ - поэтому падение философии было причинено позором изнутри, так как мужа, которому следовало сохранять и поддерживать себя для наилучшего, этого мужа они возвысили с гедонистическим складом мыслей, и подстрекали его хвастаться своей ценностью, невольно ввергая себя самих во все виды бесчестья.

147

Сильван, философ; он был в общем порядочный и благочестивый, но также простой и поверхностный по характеру.

148

A. Он был слаб телом и недалек от смерти.

---

[529] Если Афанассиади права в обнаружении лакуны после ἐφαίνετο, тогда значение отрывка может быть чем-то похожим на следующее: «и пока внешняя ситуация казалась (быть) водоразделом зол, их поведение не достигало обстоятельств, не отличаясь ни в чем от поведения общего стада». О значении редкого слова μισγάγκεια, ср. Princ. III, 214.

[530] Диомед весьма может быть сыном или Евпейфия, или Археада.

[531] Закон, особенно по религиозным материям, был, как печально известно, пренебрегаем в поздней Римской империи (ср. Libanius or. 30.8). В этой связи ценна консультация *Trombley F.R.* Hellenic Religion and Christianization, с. 370-529, I-II. Leiden, 1993-1994. Комментируя полезную главу книги о законодательстве против жертвоприношений, D. Frankfurter (Bryn Mawr Class. Rev. 5.7. 1994, 640) кстати замечает: «Обсуждая полное следствие анти-«языческих» эдиктов на протяжении VI века в их исторических контекстах, Trombley показывает, с небольшим сомнением, что это законодательство не могло быть принудительно осуществлено на местном уровне, что историческое следствие эдиктов - актуальность документов о *продолжении* отправления культов, и что законодатели последовательно приводили к компромиссу слова эдиктов, и принуждение, и подобным образом игнорируемый местный синкретизм, разрешали продолжение поддержания их традиций».

В. Но в течение мгновения он слышал выражение недовольства, так что на вид хорошее решение не было в согласии с его надеждами[532].

С. Повторяя снова и снова такие вещи, Марин убеждал Исидора поднять голос за наследование; и он был избран *diadochus* Платоновской школы скорее в почетных, нежели в реальных терминах.

D. Бросая много света в середину этой безмерной тьмы[533].

Е. Ученики Марина приняли утверждение молодого человека и были в великом восхищении.

149

А. Правитель должен делать все для тех, кем он правит[534]. Но Гегий придерживался того мнения, что правителю не следует просто проявлять заботу о тех, кем он правит, но его собственное должно быть в приоритете по отношению к ним, так как каждый решает о благе для себя перед другими.

Исидор, с другой стороны, говорит, что правитель в качестве главы смотрит за управляемыми, и на этом основании они подчиняются ему; но если он смотрит также и за собой, то он делает так, как один из управляемых, кто нуждается в заботе. Правитель в строгом смысле слова не нуждается ни в чем, хотя в своих потребностях как человека он может иметь нужды. В одинаковом направлении специалист в его потребностях как человек может иметь нужду специального знания, как врач нуждается в медицинском умении, если он заболеет. Но медицина сама по себе никогда не болеет, и не может быть таким врач, когда определяется в терминах врачебного искусства, и не правитель, когда определяется в терминах науки правления. Если мы попытаемся изложить это в терминах логики, мы могли бы сказать, что связь между двумя вещами - не только предмет слова, но и реальности тоже[535]. Поэтому связь между правителем и управляемым, а также между управляемым и правителем, как теоретическая, так и реальная, так что

[532] На что этот загадочный фрагмент может намекать, так это очевидно на разумное решение избрать Исидора на Платоновское преемство, и его недовольство выбором.

[533] Это может быть комментарий на Marinus VP 37, текст, написанный несколько месяцев спустя после смерти Прокла, где особенно подчеркивается, что утрата Прокла положила начало эре философской тьмы.

[534] Здесь мы можем не только дать заглавие *aporia* (как понимается Асмусом BZ 18, 430), но и поверхностно ознакомиться с атмосферой дискуссий группы.

[535] Здесь Дамаский ссылается на две Аристотелевых дефиниции, τά πρός τι (Cat. 6b и 8a 32ff.).

если действие правящего несет выгоду управляемому, это будет также нести выгоду тем, кому это назначено.

B. Что философ - более великий благодетель для человеческой жизни, чем превосходный царь[536].

C. Правильность[537] и благоразумие не только значат уменьшение и ослабление противоположных пороков неправедности и несдержанности, но деятельные двигаются в согласии с их собственной волей. И пока один превращает зло в нас в добро, другой преобразует душевные страсти, принося некоторый порядок и красоту в них; и они формируют в душах тех, кто приближен к ним, добродетели, производящиеся из них самих.

150

«Если ты так поддерживаешь, Гегий, - Исидор сказал ему, - практику божественной теургии, то я также допускаю это. Но те, кому предопределено быть богами, должны в первую очередь стать людьми; посему Платон также сказал, что нет более великого блага, чем то, что философия некогда спустилась к человечеству[538], но приходится принимать, что в настоящее время философия стоит не на острие расцвета, но поистине на грани крайне старого возраста»[539].

151

A. Трудности ситуации еще не были раскрыты.

B. Он не осознавал, что он пытался исправить неисправимое, ситуацию, которая превосходила границы безнравственности[540]; и он больше не достиг ничего.

C. В раннюю весну, когда Марин умер, Исидор планировал покинуть Афины.

D. Так как он имел право искать брата, который пропал, он отправился в Карию.

E. Исидор убеждал Сириана[541] и Гегия восстановить философию, которая уходила прочь, как и было их обязанностью.

---

[536] Очевидно, это предмет темы другой *aporia*.

[537] То же слово употреблено, чтобы оценить Прокла (Marinus VP 4).

[538] Ср. Tim. 47b.

[539] Игра слов: acme имеет два значения: как «апогей», так и «острая кромка».

[540] Отзвук Plato Leg. 660c.

[541] Ввиду имени, которое он носил, этот философ мог принадлежать к местной философской династии и предположительно к тому же поколению, что и Гегий. PLRE II, 'Syrianus 4' явно путает его с учителем Прокла ('Syrianus 3'), когда полагает, что он любил старшего брата Исидора Ульпиана.

F. По моему мнению, по крайней мере, он не вел пустой жизни: он не обжирался подобно большинству едой, подаваемой на обеденный стол, и не потакал мятежному поведению, но основательно искал собирать знание под божественным руководством.

152

Так как я следовал оракулам философа относительно его собственной цепи[542], каким образом вытекало из речи, пытаясь классифицировать его душу в чистом сомне, он вел меня отклониться и следовать следу живых *diadochi*, которых Прокл выбирал наследовать себе.

X. Неопределенные фрагменты

153

A. Исидор сказал, что он также слышал от него, что душа владеет так называемой «светящейся повозкой», чем-то звездоподобным и вечным; и что эта повозка окаймляет звездное тело, которое у одних мужей лежит внутри сердца, у других - внутри правого плеча[543], которое, кажется, никто еще не затрагивал.

B. Безупречное тело, которое сопровождает душу.

154

Он явно понимал, что мы чувствовали этот путь, однако он притворялся, что не замечает.

155

И хотя его тело не соответствовало его душе по качеству, он, тем не менее, работал усердно, напрягая свою силу и делая ее более приспособленной.

156

Согласно пути жизни, выбранному правильно в начале.

---

[542] Дамаский заботится доказать, что душа Исидора формировала часть Герметической цепи (ср. 6A), к которой Прокл сам принадлежал, как он был информирован во сне (VP 28).

[543] О концепции: Iamblichus Myst. III.14. Дальнейшее разделение между двумя повозками, светящейся или небесной, в которой душа заключена перед воплощением, и хтонической повозкой, которая обертывает душу, пока та живет в «кожухоподобном» теле, сделано Проклом, In Tim. III.298; ср. Marinus VP 3. Об истории понятия, идущего вперед от Платона: *Dodds E.R.* Proclus: The Elements of Theology. Oxford, 1963². P. 313-321; о сохранении неоплатонических теорий о различных «повозках» души среди персидских платоников, см. *Corbin H.* Corps spirituel at terre céleste. Paris, 1979². P. 116-127.

157

Мы избежали риска стать источником насмешки остроумных[544].

158

Страстно желать делать благо недостаточно; также нужна сила характера и целенаправленность.

159

И они не могли стерпеть насмешки, о чем уже было сказано.

TESTIMONIA[545]

I

Дамаский: стоический философ, сириец, товарищ Симпликия и Евлалия из Фригии; он процветал во время Юстиниана. Он написал платонические комментарии, «О началах» и «Философскую историю».

II

Он говорит много невероятных вещей, в которые верят философы, многие из которых имеют дело с жизнью после смерти, действительно это выдумки, которые не имеют какой-либо связи с Исидором[546].

III

Читал Дамаския, Дамаскиево сочинение «О жизни Исидора философа». Книга длинная, содержащая около шестидесяти глав. Решив написать жизнь Исидора, он посвятил композицию некой Феодоре, эллинке по религиозным убеждениям, не незнакомой с дисциплинами философии, поэзии и грамматики, но также хорошо сведущей в геометрии и высшей арифметике; сам Дамаский и Исидор учили ее и ее младших сестер в разные времена. Она была дочерью Кирины и Диогена, сына Евсевия, сына Флавиана, происходящего от Самспигерама и Монима, которые были также Ямвлиховыми предками, и все они были

[544] Ср. Plato Resp. 452b.

[545] Здесь цитируются только тексты, которые относятся к ФИ.

[546] Текст, который, предположительно, воспроизводит взгляд обозревателя ФИ, является исключительно испорченным, и перевод может быть только догадкой относительно того, в чем мог заключаться оригинал.

абсолютно первыми в идолопоклонном нечестии. Дамаский посвятил биографию Исидора ей; это было ей наставление, вместе с некими другими, кто присоединился к ее просьбе, которая была ответственна за усилия автора, как он сам свидетельствует. Однако он не так много пишет о жизни Исидора, как о многих других людях, как своих современниках, так и предшественниках; он собрал вместе их деятельность и также басни о них с щедростью и даже чрезмерно употребляет отступления.

В религиозных убеждениях он был нечестивый до крайности, его мысли и слова наполнялись странными баснями старых жен. Здесь он лаял не нечасто, хотя и с малодушным и искаженным злорадством, на нашу святую религию. Над всеми, кого он превозносит в своем мнении, и отмечает как поднявшихся выше человеческого состояния через их совершенное теоретическое знание и быстрый ум, он затем устанавливает себя как судью, не оставляя ни одного из тех, кого он обильно хвалит без какого-нибудь порока: один, кто хвалится за быстрый ум, критикуется как не совершенно остроумный; другой, подготовка которого была несравнима, был необучен во всех областях; третий, кто был следующий после Бога в добродетели, как человек имел недостатки во многих аспектах.

Так, срываясь вниз и низвергая на землю каждого из тех, кого он превознес и прославил, он незаметно устанавливает свой собственный авторитет во всяком пути над каждым. Вот почему он непрерывно сопоставляет хвалу Исидора с критицизмом. И еще, судя из логических проблем и решений, которые он цитирует из других людей, являющихся значимыми, и из тех, которые он сам продвигает с великой гордостью в быстроте его ума и точности его знания, любой найдет, что муж не достиг ничего сверх обычного в философии, и не превосходил в ловкости и быстроте мысли человеческие, и позволяемые только божественному нормы. Действительно, недостаточно компетентный философ, далеко менее тех, кто достиг совершенной точности, будет проявляться в манере Дамаскиева хвастовства.

В стиле относительно большинства его выражений, муж не падает далеко вниз в уровне ясности. Он также применяет такие стилистические фигуры речи, которые зависят от использования слов - я имею суровость, которая огрубляет звук, усиливая резонанс, и поэтическую вольность, хотя это он использует редко. Подобно фигуративной форме выражений, его речь никогда не приходит в результате к безыскусной холодности или грубому обороту фразы, но передает в большинстве случаев их особую грацию и шарм. Еще, хотя его фразы по большей части характеризуются ясностью, это не качество, которое

управляет его речью как целым. Действительно его композиция является не столь много композицией как нововведением, и его нудное многословие, которое часто ведет к пресыщению, затеняет ясность и делает непонятными аргументы. Вот почему работа, которая могла быть изящной, лишена той грации, какую могла иметь, если бы эти недостатки были исправлены.

Его отступления - не те, которые относятся к острому уму, и они не элегантны или кратки, в каких случаях они могли бы быть предметом гордости. Нет, они тривиальны и поверхностного вида, и это не побеги, открывающие действенные нужды и обстоятельства. Как для фигур речи, если бы они не расширялись до необычной протяженности, их сумасбродство и отсутствие вариативности не могли бы достаточно вычесть из гармоничного и относящегося к делу целого.

Еще его стиль показывает энергию и резкость, качества, которые все же часто снижены не смешением и объединением литературной формы, которая может быть совершенной, но через содержание недостатка тех слов и фигур речи, которые обеспечивают текст энергией и силой. Это часто случается с теми, кто имитирует оригинальность: они не получают доверия из-за взятия бремени, которое превышает их силы.

Но это общая оценка стиля. Любой мог бы сказать много больше о биографе. Почему он нуждался в литературном жанре, стремящемся к высокопарности? Это язык, который подходит законодателю и правителю; зачем этот тон, это непомерное использование отступлений, эта эксцентричность структуры? Но довольно об этом!

Дамаский учился искусству риторики под руководством Теона в течение трех лет и преподавал риторику в течение девяти лет[547].

В геометрии, арифметике и других науках он имел учителем Марина, преемника Прокла; в теоретической философии Зенодот (также преемник Прокла, сразу после Марина)[548] был его учителем в Афинах, а также Аммоний, сын Гермия, в Александрии, который, как он говорит, значительно превышал всех своих современниках в философии и особенно науках. Дамаский упоминает его как мужа, который объяснял для него Платонический куррикулум и Птолемеевские астрономические трактаты.

---

[547] Фотий понимал 137B таким образом, тогда как Дамаский указывает, что он провел в итоге девять лет в занятиях риторикой, явно включая в этот оборот свои годы учения в Дамаске, так же, как и Александрии.

[548] Значение этого пассажа может быть в том, что Зенодот вошел сразу после Марина в лист преемников: ср. p. 43-44, n. 74.

Он утверждает, что он приобрел свою силу в практике диалектики от его взаимоотношений с Исидором, которого он провозглашает затмевающим в силе речи всех мужей его поколения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

APPENDIX I
Дом Дамаския?*

Со времен своего открытия в 1970 году, Дом С в Афинах был объектом непрерывного восхищения как археологов, так и архитекторов[549]. Хотя еще не опубликованный, он все больше и больше рассматривался как наиболее символичная особенность афинской Агоры в Поздней античности[550].

Как частная, так и более публичная его части, каждая из них имела в плане вокруг себя свой собственный перистильный двор.

Эта роскошная резиденция воспроизводится в недавно раскопанном «Севастийском Доме» в Афродисии (который принадлежит тому же периоду и может предположительно атрибутироваться Асклепиодоту)[551] более чем какой-нибудь другой из немногих афинских домов этого периода, которые сохранились до сих пор.

Одно из наиболее поразительных свойств Дома С - это изобилие воды. Поднимающийся вверх от до сих пор действующего источника на северо-восточной стороне Ареопага, и распределяемый усложненной системой доставки в нимфей, несколько колодцев и одну цистерну в главном (общественном) атриуме, этот богатый поток воды должен был составлять особое благо в сухом афинском климате.

Что действительно придает дому уникальную физиогномику - это гармоничный ансамбль, состоящий из фонтана дома, нимфея в форме полукруглого водоема и триклиниума великой красоты, который открывает главный атриум, украшенный ионическими колоннами.

---

* Место раскопок было расчищено летом 1998 г. Фотографии опубликованы в томе из фотографического архива ASCSA.

[549] В методологической статье *Dinsmoor Jr. W.B.* The Archaeological Field Staff: the Architect // Journal of Field Archaeology. 4. 1977. P. 309-328 Дом С используется как модель и в этой связи показывается, что план Травлоса (который использован Элисон Франц в ее публикации 1988 г., где Дом С играет важную роль) представляет две структуры как одну (см. *Frantz*, pl. 27a). Афанассиади следует *Dinsmoor*, fig. 14 в качестве плана дома в его позднеантичной фазе. Ср. также его fig. 13-16 о различных стадиях в структурном развитии Дома С, и fig. 10 о комбинированной картине диахронического лица места.

[550] Весьма солидный том по Поздней античности ASCSA, 24 (1988); Э. Франц помещает на его обложке нимфей Дома С, в то время как большая доля его иллюстраций посвящена дому и объектам, найденным в нем; равно книга-путеводитель по афинской Агоре J. Camp охватывает Дом С в значительной степени.

[551] *Smith R.R.R.* JRS. 80. 1990. P. 154; *id.*, Aphrodisias Papers. 2. 1991. P. 144-146.

Примечательно, что все, кто изучали дом - будь то археолог или интерпретатор - ассоциировали его за счет его формы и стиля с некоторыми аспектами учительской профессии. Можно выдвинуть более конкретную, если необходимо, умозрительную теорию - что дом использовался как философская школа и был, возможно наследственной резиденцией Феагена и Гегия или какого-то другого афинского магната языческих симпатий, кто, следуя примеру Гемины среди прочих[552], предложил его Дамаскию как резиденцию и под учительские квартиры.

В качестве альтернативы могло быть так, что Гегий, который мог стать *diadoche* после смерти Марина[553], использовал свой собственный дом под учительские квартиры, ломая век традиции отказом от места, где его собственный предок по матери Плутарх, а после него Сириан и Прокл преподавали[554]; так, когда Дамаский стал преемником схолархов, он естественно использовал новые здания, так как «дом Прокла» был больше непригоден для жилья[555].

Что может действительно содержать ключ к идентификации группы лиц, которые населяли дом, - то это замечательная коллекция античной скульптуры. Темы некоторых рельефов и статуй явно указывают на солнечную и дионисийскую теологию неоплатоников, в то время как человеческие портреты передают привкус философского аскетизма. Большое количество скульптурной коллекции было открыто раскопщиками неповрежденными в двух колодцах дома, оба тщательно запечатанные во время, о котором может быть заключено из археологических данных, что она совпадает с 529 годом, когда дом был передан под управление разных лиц[556].

---

[552] Ср. Porphyry, Vita Plotini 9. В 102 (чье место в контексте дискуссии родственников Феагена с философами указано Фотием) Дамаский говорит о «благочестивых любителях учения, которые в различные времена (...) завещали философам необходимые средства для досуга и тишины философской жизни». В 145В, с другой стороны, он описывает Гегия как мужа «литературных достижений», который также «стремился быть наиболее благочестивым из мужей». Взятые вместе, эти два отрывка могут хорошо указывать на наследство, переданное Гегием Академии или как *diadochus* или просто как ἱερός и φιλόλογος.

[553] Это, кажется, является следствием из 145А. По этому вопросу ср. p. 319, n. 380.

[554] Ср. Marinus VP 12, 29.

[555] См. *Athanassiadi*, Introduction, p. 47, n. 90.

[556] См. *Frantz*, 87-88. В других домах, и особенно в Доме В, тайные склады скульптуры были также открыты археологами (ср. голову Немезиды, илл. IV). Оценивая археологические свидетельства, Frantz полагает, что комплекс домов на северном склоне Ареопага «был оставлен внезапно... около 530 года... не как результат общего упадка, и не как результат насилия» (87).

В главном перистильном дворе, однако, было найдено тело обезглавленной классической Афины лицевой стороной вниз, служащей в качестве ступени, в то время как вотивный рельеф пещеры Пана IV века до н.э. был также открыт с лицами, которые были умышленно обезображены (см. илл. III и V). Какие языческие символы не были заботливо спрятаны, были так использованы новыми владельцами дома, чтобы причинить оскорбление прежним владельцам, так как это в дальнейшем подтверждено изменениями, выделанными в полу триклиниума: грубая крестообразная форма, занимающая центральную часть пола, без сомнения, выступала как замещение некоторой мифологической сцены, которая ранила религиозные чувства нового владельца (см. илл. II).

Список аргументов, на базе которых Дом С может ассоциироваться с Дамаскием, может быть расширен недоказуемым, хотя высоко благовидным, предположением: когда Юстиниан, «который - величайший из разрушителей установленных институтов»[557], нанес удар Афинской Академии способом, который заставил ее глав покинуть город[558], епископ Афин мог переместиться в их дом в символически карательном жесте, который, тем не менее, не лишен реалистичной личной выгоды; епископ мог предвидеть, что на протяжении всего его долгого царствования Юстиниан сделал момент невозврата для отдельного публичного строения в Афинах[559].

Что добавляет силу этой гипотезе, то это именно расположение Дома С прямо за остатками церкви св. Дионисия и архиепископского дворца; датируемые VI веком, эти два строения кажутся заместившими более ранние структуры в этом очень символичном районе, где св. Павел, как верили, сообщил афинянам о природе неизвестного божества и сделал свое первое местное обращение - Дионисия Ареопагита[560].

Так, пока комплексу остальных домов Ареопага было позволено медленно разрушаться[561], Дом С был переделан, чтобы обсуживать новые нужды: изысканный бассейн был превращен в баптистерий, в то время как большая комната на западе триклиниума, кажется, была трансформирована в *catechumeneum*, как предполагается, среди прочих вещей, дополнением из скамей между его восточной и западной сте-

---

[557] Procopius Anecd. VI.21.

[558] Достойно упоминания в этой связи, что C. Just. I.11.10.3-4 предписывает конфискацию собственности языческих учителей.

[559] Procopius Anecd. XXVI.33.

[560] О деталях: *Travlos J., Frantz A.* The church of St. Dionysios the Areopagite and the palace of the Archbishop of Athens in the 16th century // Hesperia. 34. 1965. P. 157-202, илл. 41-55.

[561] *Frantz*, 90.

нами. Лампады VI века и сигматический стол (илл. VI), которые были найдены там, также указывают на церковные смыслы; более того, грубый крест в триклиниуме показывает нам более, чем просто выражает чувства со стороны нового обитателя.

Наконец, как это часто случается в баптистериях, маленький ванный комплекс был пристроен с другой стороны бассейна, в то время как маленькая комната, присоединенная к нему с севера, кажется, была превращена в *apodyterion*[562]. Хотя ни один из этих признаков сам по себе не достаточен, чтобы поддерживать гипотезу, что дом был теперь епископским дворцом Афин, комбинация всех этих изменений, которые стратиграфически приписываются 530 году, с расположением самого Дома, может быть более, чем совпадение, и обеспечивает сильный аргумент в этом направлении.

В своей новой идентичности, и по контрасту с упадком соседних Домов А, В и D, - Дом С процветал еще в течение нескольких десятилетий, пока епископский дворец Афин не был поглощен в большом пожаре, принесенном славянским нашествием в 580-е годы.

Можно не сомневаться, что если не как действительный хозяин, но как минимум, как посетитель, Дамаский был хорошо знаком с этим изящным особняком.

APPENDIX II
Два Асклепиодота

Комбинированное чтение имеющихся в наличии фрагментов, эпиграфических и археологических свидетельств и VS, предполагает следующее: во второй половине V века в Афродисии жил занимавшийся публичной деятельностью, традиционно воспитанный языческий магнат, который вносил значимый вклад, чтобы сделать его родной город более святым местом (*Robert*, Hellenica IV. 1948, 115-126).

Не ограничиваясь его деятельностью дома, он решил «экспортировать» язычество в другие городские центры Восточного Средиземноморья (86B). Пока посещая Александрию он, кажется, встретил тезку - философа и эрудита - который был также горячим язычником, но происходил из скромной среды (83A). Он с течением времени убе-

[562] Ср. *Frantz*, 88-89, ссылающаяся на изменения, которые были сделаны в 530 г.: «Природа изменений сделанная во время, когда полы Дома С были заменены, не оставляет сомнений, что они отражали переход к христианскому использованию официального характера. (...) На первый взгляд, могло считаться, что комплекс был сделан баптистерием изначально, так легко он подчинялся таким потребностям».

дил (не такого крупного) более молодого Асклепиодота следовать за ним обратно в Афродисию, где александриец был очарован среди прочих вещей дочерью-подростком своего тезки. Так как она была слишком юной для брака, прошло некоторое время перед тем, как отец дал свое согласие (86E).

Пока война за наследие Академии велась вокруг больного Прокла, Асклепиодот, который был среди самых сильных кандидатов, был повсюду известен как зять старшего Асклепиодота (103B). Впоследствии Марин был выбран Проклом наследовать ему, а Асклепиодот вернулся в Афродисию после длительного путешествия, в ходе которого он «исследовал людей» (90D); было даже весьма вероятно, что он тогда встретил известного bon veveur Гилария Антиохийского и обратил его к философской жизни, хотя дата, предшествующая 480 году для их встречи могла лучше соответствовать Прокловой хронологии, так как Гиларий посетил Карию и Афины, когда Прокл был еще способен преподавать (91).

Обратно в Афродисии Асклепиодот, кажется, женился на «необычайно скромной Дамиане» (86G); 482/483 год как дата для их свадьбы идеально подходит по хронологическим ключам, обеспечиваемым как VS, так и PH (см. также n.228). Это был счастливый союз, хотя он, кажется, не был немедленно благословлен детьми и, следуя божественному сну, зрелый Асклепиодот поехал со своей женой в Александрию, чтобы помолиться Исиде в ее тайном храме в Менуфисе.

В это же время он присоединился к процветающему учреждению Гораполлона, где его давний ученик Исидор также преподавал. Возвращение Асклепиодота в Александрию предоставило предлог для ссоры между языческими и христианскими группами в школе Гораполлона, которая вылилась в большой скандал.

Но тем временем Исида совершила свое чудо, и Асклепиодот смог вернуться в Афродисию со своей беременной женой (95CD) и продолжить семейную традицию как философ и общественный деятель под протекцией своего тестя (в середине Великого Гонения в 489 году Исидор отправляет письмо «двум философам в Карии» (122C)).

Со временем ему было рождено еще больше дочерей, но его собственное здоровье ослабевало, несмотря на усилия его преданной жены, которую он шутливо (или философски) обвинял в удержании его живым ее непомерной заботливостью (95A).

Во время, когда Дамаский писал свою PH, экстравагантный Асклепиодот умер, и его наследники имели дело с его долгами (83B).

APPENDIX III
Кем был комит Зосим?

Старомодный чиновник, которого потрясающее ощущение жизни в «бесплодную эпоху» подвигло написать современную историю, вероятно, оставил в своем повествовании достаточно автобиографических ключей, чтобы сделать значимой попытку реконструкции загадки-пазла его цветущих лет.

Зосимова «Новая история» - это Полибиево рвение, умышленно перевернутое назад[563]. На ее первой странице автор объявляет свое стремление написать историю упадка и падения Римской империи и размышляет о причинах ее апогея и декаданса. Он заключает, в духе умеренного детерминизма, что моральная лень и духовное равнодушие[564] несут отвественность за отчаянное положение дел в его дни[565]. В то же время, однако, он признает роль, играемую Провидением в человеческих делах и кажется расценивает нечестие как результат временного отсутствия божественного[566], хотя неясно, в его окольном образе мыслей, какова причина, и каков результат.

Если Полибий обеспечивает модель для Зосимовой истории, то Евнапий и Олимпиодор - ее базовые источники[567]. Более откровенно, фигура, которая доминирует в данном сочинении - это Юлиан[568]. Император присутствует в «Новой истории» более острым и значимым образом, чем просто посвящение Книги III его трудам и дням. Оценка римских императоров в Книге I близко следует «Цезарям» Юлиана, с одним значимым исключением - Аврелиан, которого Зосим, явно пола-

---

[563] Об открытом заявлении см. I.57.1: Πολυβίου γάρ ὅπως ἐκτήσαντο Ῥωμαι˜οι τήν ἀρχήν ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ διεξελθόντος, ὅπως ἐν οὐ πολλῷ χρόνω ͅσφῇσιν ἀτασθαλίῃσιν ἀυτήν διέφθειραν ἔρχομαι λέξων.

[564] Ἐκμέλεια есть один из Зосимовых любимых терминов, чтобы описать неудачи имперской политики как в военном, так и в административном отношении.

[565] Тема декаданса достигает навязчивого размера в «Новой истории»: некоторые примеры - I.1.2, 58.4; II.5.5, 7.1, 34.2; IV.59; V.40.4.

[566] Ср. V.35.5: ἐν ἐρημίᾳ του˜ θείου. См. также V.51.2.

[567] Согласно Фотию (Bibl. cod. 98) «кто-то мог бы сказать, что [Зосим] не столько написал историю, сколько переписал историю Евнапия». Евнапий является фундаментальным источником Зосима вплоть до V.25 (404 г.), тогда как часть «Новой истории», описывающая события с 404 по 410 годы, кажется, базируется на Олимпиодоре, чью «Историю» несомненно Зосим стремился продолжить. Дексиппова «Скифика» и «Анналы» Никомаха Флавиана также кажутся использованными Зосимом независимо. О дискуссии о предмете: *Paschoud*, Zosime I, pp. XXI-LXIII и III.2, p. 82-91.

[568] Юлиан дан Зосимом с прозвищем «Великий» (Ἰουλιανός ὁ μέγας: V.2.1).

гаясь на Евнапия, видит как поворотный пункт в истории язычества[569]. С другой стороны, Юлиан составляет как лингвистическую, так и концептуальную модель для «Новой истории», с целыми фразами и образами, воспроизведенными почти одинаково[570].

Лишенный воображения пользователь своих источников и греческого языка, Зосим следует своей плоскости повествования в простом сухом стиле[571]. В стороне от живого интереса в административных и более конкретно вопросах налогообложения, явно вдохновленных профессиональной подготовкой автора, он и его прозаическая точка зрения освещены сообщениями необыкновенной страсти по теме христианства, на основе лингвистического и литературного уровня, используя технический неоплатонический словарь и «внутренние» тексты и рассказы.

Еще сочинение Зосима столь неоригинально, что может служить как наш лучший гид в какой-либо попытке обнаружить его окружение и выяснить происхождение его «Истории».

О Зосиме мы знаем удивительно мало. Внутреннее свидетельство помещает составление «Новой истории» после 498 года, с датой ближе к концу царствования Анастасия в 518 году, которая устанавливает его terminus ante quem[572]. Согласно традиции манускрипта, его автор был вышедшим в отставку *advocatus fisci*, для которого мы можем заявлять палестинское происхождение по ономастическим основаниям.

Запись Суды говорит о некоем Зосиме из Газы или Аскалона, который жил во время правления Анастасия и написал комментарии на Демосфена и Лисия, так же, как и теоретический трактат по риторике[573]. Пренебрегая более мелкими пунктами, мы можем взять ядро этой информации как ссылающейся на нашего историка, чье риторическое образование далеко от сомнения, является или нет он автором специ-

---

[569] Zos. I.48-62; ср. Julian, or. X.313d, который критичен по отношению к Аврелиану.

[570] В III.2.4 Зосим позиционирует себя как тщательного читателя Юлиановых работ, и побуждает своего читателя быть таким же. О выражениях, скопированных из Юлиана: 312a и I.7.1; 312d и I.8.2; 313a и I.10.1; 313b и I.12.2; 32a, 274c и I.21.2; более важно в II.29 доводы, данные по обращению Константина, воспроизводят 336ab; в то время как 329ab (по Константину как приверженцу и протеже Сладострастия и облагателю новыми налогами) - это базис Зосимова заявления. Описание антиохийского характера в IV.41.1, кажется, происходит прямо из «Мисопогона», которому Зосим в другом месте дает эмоциональное определение (III.11.5).

[571] Фотий (*loc. cit.*) уместно комментирует различия между утонченной манерой Евнапия и Зосимовым неприкрашенным стилем.

[572] О дискуссии, *Paschoud*, Zosime III 2, p. 80-81.

[573] S II 515, 9 (Ζώσιμος 169).

альных трактатов, упомянутых Судой; что до предположения о палестинском происхождении, то оно подкрепляется особой антипатией, открыто утверждаемой Зосимом по отношению к арабам, в основе которой кто-то может обнаружить предубеждение жителя побережья к людям отдаленной глубинки.

По контрасту с «внушающими отвращение арабами» Зосим хвалит египтян как законопослушных, учтивых, храбрых и справедливых[574]. Если его проегипетское пристрастие предполагает счастливые связи с этой страной, мысль вытекает во мнение, что Зосим принадлежал к тому поколению палестинцев, особенно из Газы, кто учился в Александрии, и культивировал все аспекты литературной деятельности в работах, которые напоминали их александрийский опыт.

Эней и Прокопий Газский, у которых в корреспонденции у обоих появляется Зосим[575], только два из христианских мыслителей, которые увековечили дебаты их юности в форме философских диалогов или комментариев. Более значимо, что Захария Газский, который учился риторике в школе Гораполлона в 480-х годах перед продолжением изучения права в Бейруте, создал, в дополнение к своему антинеоплатоническому диалогу «Аммоний» и «Жизни Севера», «Церковную историю», которая охватывает царствование Зенона.

Работы этих мужей помогают нам реконструировать живую интеллектуальную обстановку с ее оживленными дискуссиями между язычниками и христианами. Египт, Гессий и Аммоний - только некоторые из опознанных собеседников, в то время как темы, к которым эти мужи прилагали свой ум и эрудицию, включали вечность мира и бессмертие души, роль Провидения в человеческих делах, правдивость языческой прорицательной традиции, откровение и его различные формы и, наиболее важное, определение монотеизма.

Следы всех этих дебатов найдены в работе Анонима «Теософия»[576], которая была составлена, предположительно в Александрии, между 474 и 491 годами. Согласно информации, обеспечиваемой «Прологом», эта работа включала в себя одиннадцать книг, из которых первые семь, сейчас потерянные, пространно излагали «правильное

---

[574] I.18.3 (об арабах); IV.30, 31 (о египтянах).

[575] Адресат ep. 153, будучи учеником Прокопия в том, чтобы погружаться в его юридические исследования, не может быть нашим Зосимом по хронологическим основаниям; более того, тон письма предполагает, что он был христианин. Равно непохоже, чтобы наш Зосим был адресатом ep. 8 Энея, в то время как адресат ep. 10 мог правдоподобно быть идентифицируемым с нашим историком. Positano (89-90) идентифицирует его с софистом Суды (ср. выше).

[576] Согласно автору (§ 5), заглавие было выбрано, чтобы указать τό ὑπό τοῦ Θεοῦ καί τούς Ἕλληνας σοφισθῆναι.

учение» (Περί τη˜ς ὀρθη˜ς πίστεως). Книги с 8 по 10, из которых мы имеем существенные фрагменты, показывали, что «оракулы греческих богов и так называемые теологии греческих и египетских мудрецов, так же, как Сивиллины оракулы, согласны с целью (σκοπός) божественных писаний» (§ 1); наконец, Книга 11 состоит из краткой хроники от Адама до царствования Зенона (§ 2).

Особые свойства этой работы - это близость с Египтом, выраженная как в религиозных, так и патриографических терминах[577], акцент на негативную теологию, сопровождавшийся техническим неоплатоническим словарем в комментарии на процитированные оракулы[578], центральное положение Сивиллиного материала, который покрывает почти половину того, что сохранилось, и наконец, знание из первых рук Порфирия и Сириана (§§ 27, 20, 50, 65).

Повторяющийся интерес к лингвистике и этимологии указывает на возможную связь между школой Гораполлона и этой работой, главным соединением курса является его частый сложный для понимания египтианизм.

Повеление язычникам обратиться в христианство в «Теософии» явно воспроизводит современные дебаты в том же направлении, как «Феофраст» и «Аммоний». В то же время, однако, она представляет поразительное сходство с Зосимовой «Новой историей», которая обрывается неожиданно на 410 годе, но предположительно стремилась охватить царствование Зенона, императора, предшествовавшего тому, в чье царствование автор писал, как обычно делалось в то время.

Сивиллины оракулы предсказывают рождение Христа, согласно «Анониму», Зосим противопоставляет свою собственную версию Сивиллиной истины иным образом непонятным отступлением о Секулярных играх, которые отличают его от его источника, чтобы показать, как из-за нечестия Константина империя оказалась обречена на катастрофу[579].

Отступление по истории и этимологии термина *pontifex* в IV.36, а равно и фрагмент антихристианской полемики, защищают высокую древность римских сакральных институтов. Более древние даже, чем изобретение храмов (по которому Зосим здесь использует непосред-

---

[577] См. для примера §§ 8 (об Осирисе с комментариями этимологии и значения имени, которые повторно воспроизводит Дамаский 3); 31, 44 (о Гермесе Трисмегисте); 25 (о Сераписе); 45-49 (конкретные храмы в Верхнем Египте); 69 (конкретное обращение Гераклита к египтянам).

[578] По некоторым типичным терминам с халдейскими оттенками: ὀχετεύουσα (§ 6); ἐννοίας ἀνακινω˜ν (§ 7); νοητόν πυ˜ρ (§ 14); ἐπίπνοια (S 3.92).

[579] II.1-7.

ственно Дамаскиев термин ἔδος)[580] *Pontifices* (γεφυραίοι), они имеют свое происхождение в Греции, и более конкретно в земле прорицания и магии, Фессалии.

Если Мендельсон считал, что это отступление добавлено самим Зосимом[581], то Пашу заявляет, что оно происходит из Евнапия, и продолжает атрибутировать придумывание рассказа синкретичному окружению филэллинистических римлян[582]. Насчет фантастической этимологии, производимой Зосимом для латинского *pontifex*, которое очень много дает в стиле Гораполлоновых речений по иероглифике, местонахождение оборота фразы, который также появляется у Дамаския[583] и выше весь эллиноцентрический римский патриотизм целого пассажа, - можно идентифицировать как фрагмент поздней неоплатонической пропаганды.

Третий индикатор, указывающий на Гораполлонов круг - история о спасении Аттики от землетрясения 375 г. из-за активности Нестория, как рассказывается Зосимом в IV.18. Это также происходит из независимого источника, Сириана, и звучит как характерный фрагмент неоплатонической мифологии. Подчеркивая двойную связь золотой цепи афинских платоников с Элевсинскими мистериями, с одной стороны, и халдейской мудрости с другой, повествование Зосима сохраняет атмосферу устности. Но его цель - обозначить момент в человеческой истории, когда божественное провидение вмешивалось как результат поддержания благочестивой традиции.

Историческая «ортодоксия» со значимыми вехами, священными географическими местами, такими как Александрия, и черные даты, такие как разрушение Серапеума в 391 г., были полностью воссозданы в дни Зосима. Согласно Зосиму, который здесь отражает Евнапия, Феофил - муж, ответственный за это разрушение, «ὁ πρω˜τος ἀρξάμενος τη˜ς κατά τω˜ν ἱερω˜ν καί τω˜ν ἐξ ἀιω˜νος πατρίων ἐπιβουλη˜ς»[584], заявление, убедительное только, если кто-то смотрит на вещи с египетской точки зрения[585], но которое подкреплено Дамаскием, изнутри неоплатонической структуры скорее чем просто египтоцентристским путем написания истории; разоблачающая «Философская история» также

---

[580] Ср. 75A с характерным замечанием.

[581] Videtur Zosimus sapientiam istam de pontificibus non ex Eunapio sed ex alio quopiam fonte derivasse: p. 192.

[582] Никомах Флавиан и его «Анналы» упомянуты в этой связи как очевидный источник Зосима: II.2, pp. 417-418.

[583] Ср. Ἔδη и 75A; ἀπεσείσατο τήν ἄιτησιν и 113R.

[584] V.23.3. Ср. IV.37.3: по антиязыческой деятельности Кинегия «во всем Египте и самой Александрии».

[585] Как правильно указано *Paschoud*, III.1, 178.

относится к разрушению Серапеума как открытому эпизоду в повествовании о страданиях языческой интеллигенции[586].

Разумно заключить, что близость Зосима с неоплатоническими «внутренними» историями и убедительная презентация важных вех в падении язычества историком, кому, в целом, не достает оригинальности, предполагает, что он был сформирован в воинственно настроенном языческом окружении, которое поощряло его продолжить Олимпиодорову историю, и в этой связи, можно чрезвычайно сожалеть о том факте, что работа неожиданно обрывается на 410 годе.

Ученое мнение утверждает, что «Новая история» значит «история современной эпохи». Двойственность названия, однако, может не быть всецело непреднамеренной, что предположительно виделось автором работы и теми, кто спонсировал его, как языческий ответ действительно *новому* типу истории - церковной. Если действительно Зосим выходил из того же окружения, как «Теософия» Анонима и Захария, то «Новая история» могла быть не только реакцией на Евсевиеву историческую модель, но также ответом провокациям ближе к дому.

Четвертый уроженец Газы, который учился под руководством Гораполлона и разделял его интересы, был Тимофей. Известный как из записи в Суде, так и из его сохранившейся работы, Тимофей Газский написал теорию грамматики (Κανόνες καθολικοί περί συντάξεως), но также и труд по зоологии наряду с парадоксографическими строками, представленными Гораполлоном в «Иероглифике» и Дамаскием в «Философской истории».

Наиболее интересно из всего его наследия то, что мы обязаны ему «трагедией», адресованной императору Анастасию на отмену *collatio lustralis* или *chrysargyron*[587]. Это предмет, по которому Зосим также обращается к «трагической» манере. В II.38 он говорит об отчаянном положении, в которое люди и города были приведены через немного поколений как результат платы гнусного *collatio lustralis*, введенного Константином, и провозглашает налог главным виновником сокращения населения городов империи[588].

Прокопий Газский (которого Пашу считает учителем Зосима, но который должен быть его ровесником, так как он принадлежал к тому же поколению) также написал панегирик Анастасию, в котором он

[586] 42.

[587] τραγῳδία περί του˜ δημοσίου του˜ καλουμένου χρυσαργύρου. PLRE II, s.v. 'Timotheus 3' переводит слово τραγῳδία как «речь»; в свете Зосимова отношения к предмету мы не находим эту интерпретацию необходимой.

[588] Разрушение городов - лейтмотив «Новой истории»: ср. I.31, 37.3; II.34.2, 38.4; III.5.1; IV.29.2, 32.2, 59.3; V.14.4.

предлагает информацию о том же налоге, так что это может быть больше, чем совпадение, что эта тема была интересна людям, которые происходили из Газы и учились в Александрии.

Оставив в стороне просопографические данные, мы можем вернуться в нашем поиске к Зосиму, в поле, не исследованное настолько далеко; это его использование языка[589]. Обзор последнего открывает широкое использование специфичного неоплатонического словаря[590], который, когда комбинируется с темами антихристианской полемики, проводимой Зосимом, патриографическим освещением Константинополя (II.30-31; III.11.3), и определенными стереотипными выражениями, которые также встречаются в Дамаскиевой «Философской истории», усиливают гипотезу об общем происхождении для двух мужей[591].

Действительно, выглядело бы все это более и более доказательным, если бы Зосимово агрессивное язычество было сформировано в 480-е годы, частично систематической религиозной проповедью и пропагандой, такими какие практиковались в *Психаполлоновой* школе[592], а частично травматичным опытом, таким как свидетельство языческих гонений в Александрии на протяжении почти декады.

---

[589] В своей попытке объяснить факт, что нет важных исследований, посвященных языку Зосима, Пашу соглашается, “ *что банальный язык Зосима не привлекает внимание специалистов»* (I, p. LXXIV), и продолжает описывать его как *koine*, на которое повлияли как классический круг чтения автора, так и общее использование - утверждение, с которым мы полностью согласны - и комментирует неопределенный и однообразный характер авторского стиля. Еще подобно его предшественникам Пашу, кажется, более заинтересован в грамматических и синтаксических скорее, чем в лексических аспектах Зосимовой «Истории».

[590] κατά πη˜χυν... ἐπιδιδόντος (IV.4.41.1); πρηστη˜ρες (V.41.1); περίνοιαι (I.3.1); σειρά (V.35.5); ἱερά ἁγιστεία (II.29.5; κατά τό πάτριον ἁγιστεία; V.41.3); ἱερουργία (II.3.1; 4.2); ὁ τά ἀνθρώπινα λαχών ἀλιτήριος δαίμων (V.41.5).

[591] Не способом утомительного списка слов, выражений и стандартных цитат быть найденными в двух текстах - это следующие: τά τω˜ν ἔδη (IV.33.4; IV.36.2 и 75A); κατά πη˜χυν τό λεγόμενον ἐφ᾽ ἑκάστης ἐπιδιδόντος (IV.41.1 и 110AB); ὡραϊζομένου (IV.42.5; 51.1 и 66A); ἤνυε δέ οὐδέν (IV.53.2; V.44.1 и 151B); ἐπιεικει˜ς καί ἀπράγμονες (I.5.4; I.13.3 и 108); ἡ κρατου˜σα δόξα (V.41.2 и 118B); τω˜ν δέ πραγμάτων ἐπί λεπτοτάτης ἑστώτων ἐλπίδος (IV.24.3 и 150); τά συνέχοντα τό ἀνθρώπειον γένος ἁγιώτατα μυστήρια (IV.3.3 и 42F); ἐπαρθέντες ται˜ς ἐλπίσιν (IV.26.8 и 113C); τό δέ ὅπως εἰδώς, ὑπερβήσομαι (III.12.1 и 39B); μή ἀποσείσασθαι τά δωρούμενα παρά τη˜ς τύχης (IV.54.2; IV.55.3; IV.36.5 и 113R). Пророческое предзнаменование в IV.21.1 в особенности напоминает Дамаския как в теме предмета, так и в стиле повествования, в то время как описание Фравитты в V.20 сочетает фразы, использованные Дамаскием для описания Олимпа, и Марцеллином.

[592] Ср. *Athanassiadi*, p. 20-21.

DAMASCIUS 2 / PLRE II, 342-343

Damascius 2 неоплатонический философ (Афины) конец V-начало VI вв.

Уроженец Дамаска; Phot. Bibl. 181 (=Dam. Epit. Phot. 200), Simpl. Phys. 624, 38.

Сириец; Agath. II.30.3 = Suid. Π 2251, Suid. Δ 39.

Старший брат Iulianus 18; Dam. fr. 282 = Suid. Σ 180.

Он учился риторике под руководством Theon 4 в Александрии в течение трех лет и затем преподавал предмет в течение девяти лет; Phot. Bibl. 181, Dam. Epit. Phot. 201.

Ученик в Александрии Ammonius 6 и Heliodorus 6; Dam. fr. 119 = Suid. E 3035.

Он изучал астрономию и Платона под руководством Аммония; Phot. Bibl. 181.

В своей юности он знал Эдесию в Александрии и составил ее погребальную речь; Dam. fr. 124 = Suid. Αι.

Он впоследствии поехал в Афины, где он изучал философию под руководством Zenodotus 1, и геометрию и арифметику, среди других предметов, под руководством Marinus 3; Phot. Bibl. 181.

Философ в Афинах, где он стал главой неоплатонической школы; Simpl. Phys. 624, 38, Agath. II.30.3 = Suid. Π 2251.

Одним из его учеников был Симпликий Киликийский (PLRE III); Simpl. Phys. 774, 28.

Он был младшим современником Isidorus 5, Dam. fr. 77 = Suid. Σ 1662; и Severianus 2, Dam. fr. 276 = Suid. Y 166, Dam. fr. 305 = Suid. Σ 180.

Современник Agapius 3 и Nomus 2 (последний был точный современник); Dam. fr. 276 = Suid. Y 166.

Некоторое время после 529 года (когда Юстиниан лишил Афинскую школу ее доходов), но предположительно не до сентября 531 года (присоединение к Хосрою) Дамаский с другими ведущими философами переехал в Персию, надеясь найти более счастливую обстановку там под властью царя Хосроя; они все с течением времени вернулись в Римскую империю в разочаровании, но со свободой совести и веры и затем безопасности, гарантированной по условиям мирного договора (сент. 532 года) между Римом и Персией; Agath. II 29-31.

Дамаский был еще жив в Эмесе в 538 году; Peek, Griech. Versinschr. I 1714 (ср. ниже).

Он написал "Жизнь Исидора", посвященную Theodora 6; Phot. Bibl. 181 (большей частью восстановленной из фрагментов у Фотия и

Суды R. Asmus (1911) и C. Zintzen (1967), см. библиографию под Dam. V. Isid.).

Она была написана в 526 году; Dam. Epit. Phot. 64 (Италия до сих пор управлялась Теодорихом). Так как Аммоний был, вероятно, умершим, когда она была написана, дата расположена между 517 и 526 годами; ср. Ammonius 6 и L.G. Westerink, Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy, p. xi.

Автор комментариев на Платона; Suid. Δ 39.

Его комментарий на "Парменида" сохранился частично и содержит цитаты из других работ его, которые не сохранились, а именно комментарии на "Тимея" и также на "Халдейские оракулы".

Его комментарии на "Федра" и "Первого Алкивиада" упомянуты Olympiodorus 5.

Комментарий на "Филеба" и часть комментария "Федра" сохранились; они были сперва атрибутированы Олимпиодору; ср. Westerink, p. XV ff.

Также сохранилась работа, названная Ἀπορίαι καί λύσεις περί τῶν πρώτων ἀρχῶν (ср. Suid. Δ 39, кто называет ее περί ἀρχῶν).

Симпликий упоминает его работу περί ἀριθμοῦ καί τόπου καί χρόνου; Simpl. Phys. 625, 644, 774, 800.

Ioannes Philoponus 76 знал его работу по астрономии; Philop. Comm. in Met. 86b, 104b.

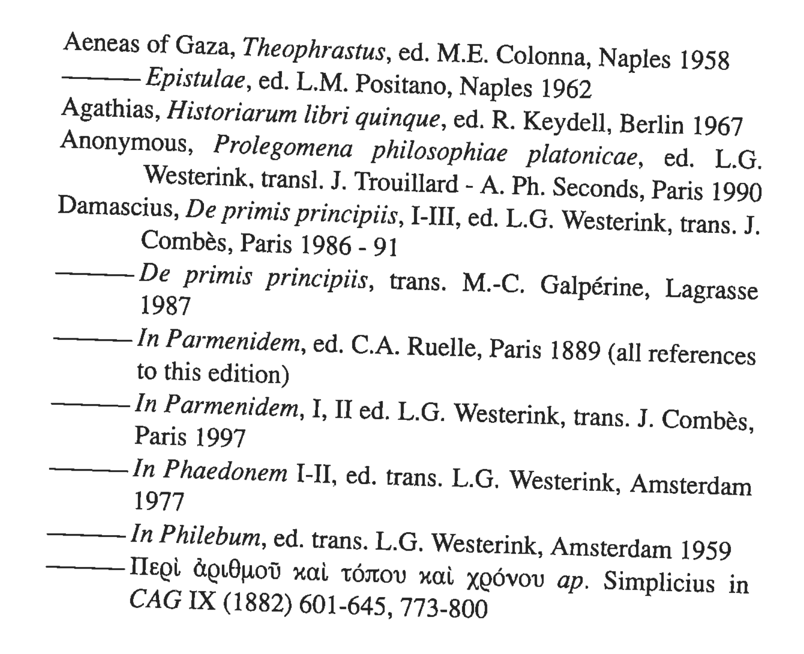
Он также написал в четырех книгах собрание чудесных рассказов (не сохранилось), Phot. Bibl. 130; и погребальную эпиграмму рабу, Anth. Gr. VII 553 (Δαμασκίου φιλοσόφου) = Peek, Griech. Versinschr. I 1714 (Эмеса в Финикии Ливанской; датировано 538 годом). См. далее P-W IV 2039-2042.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

SELECT BIBLIOGRAPHY

The Bibliography of literary sources and secondary works includes the most important works referred to in this volume. The abbreviations followed for ancient texts and periodical titles are generally those used by Liddell-Scott-Jones (1940)[9] and *L'Année Philologique* respectively, although I have sometimes expanded those which seemed particularly obscure.

LITERARY SOURCES

Aeneas of Gaza, *Theophrastus*, ed. M.E. Colonna, Naples 1958

——— *Epistulae*, ed. L.M. Positano, Naples 1962

Agathias, *Historiarum libri quinque*, ed. R. Keydell, Berlin 1967

Anonymous, *Prolegomena philosophiae platonicae*, ed. L.G. Westerink, transl. J. Trouillard - A. Ph. Seconds, Paris 1990

Damascius, *De primis principiis*, I-III, ed. L.G. Westerink, trans. J. Combès, Paris 1986 - 91

——— *De primis principiis*, trans. M.-C. Galpérine, Lagrasse 1987

——— *In Parmenidem*, ed. C.A. Ruelle, Paris 1889 (all references to this edition)

——— *In Parmenidem*, I, II ed. L.G. Westerink, trans. J. Combès, Paris 1997

——— *In Phaedonem* I-II, ed. trans. L.G. Westerink, Amsterdam 1977

——— *In Philebum*, ed. trans. L.G. Westerink, Amsterdam 1959

——— Περὶ ἀριθμοῦ καὶ τόπου καὶ χρόνου *ap.* Simplicius in *CAG* IX (1882) 601-645, 773-800

——— *Vitae Isidori Reliquiae*, ed. C. Zintzen, Hildesheim 1967
Diogenes Laertius, *Vitae philosophorum* I-II, ed. H.S. Long, Oxford 1964
Epiphanius, *Panarion Haer.* I-III, ed. K. Holl, Berlin 1915-33
Evagrius, *Historia Ecclesiastica*, ed. J. Bidez -L. Parmentier, London 1898
Eunapius, *Vitae sophistarum*, ed. J. Giangrande, Rome 1956
Eusebius of Caesarea, *Praeparatio Evangelica* I, ed. K. Mras, 1954, II, ed. K. Mras – corr. add. E. des Places, Berlin 1983
[Hermes Trismegistus] *Corpus Hermeticum* I-II, ed. A.D. Nock, trans. A.-J. Festugière, Paris 1945, III-IV, ed. trans. A.-J. Festugière, Paris 1954
Hermeias, *In Phaedrum*, ed. P. Couvreur, Paris 1901
Hierocles, *In Aureum Pythagoreorum Carmen Commentarius*, ed. F.G. Koehler, Stuttgart 1974.
——— *De Providentia ap.* Photius *Bibliotheca*, Codd. 214, 251.
Hippolytus, *Refutatio omnium haeresium*, ed. M. Marcovicz, Berlin 1986
Horapollo, *Hieroglyphica*, ed. F. Sbordone, Naples 1940
Iamblichus, *De mysteriis*, ed. trans. E. des Places, Paris 1966
——— *De vita pythagorica*, ed. L. Deubner, 1937 – corr. add. U. Klein, Leipzig 1975
Iohannes Antiochenus in Müller *FHG* IV (1851), 538-622
Iohannes Lydus, *De magistratibus*, ed. trans. A. C. Bandy, Philadelphia 1983
——— *De mensibus*, ed. R. Wuensch, Leipzig 1898
Iohannes Malalas, *Chronographia*, ed. L. Dindorf, Bonn 1831
Malchus in Müller *FHG* IV (1851), 111-132
Marinus, *Vita Procli*, ed. R. Masullo, Naples 1985
Nonnus, *Dionysiaca*, ed. R. Keydell, Berlin 1959
Numenius, *Fragmenta*, ed. trans. E. des Places, Paris 1973
Olympiodorus, *In Alcibiadem*, ed. L.G. Westerink, Amsterdam 1982[2]
——— *In Gorgiam*, ed. L.G. Westerink, Leipzig 1970
——— *In Phaedonem*, ed. L.G. Westerink, Amsterdam 1976

Oracula chaldaica, ed. trans. E. des Places, Paris 1971

Orphica, ed. O. Kern, Berlin 1922

Pamprepius, *Carmina*, ed. H. Livrea, Leipzig 1979

Philo of Byblus, *The Phoenician History*, ed. trans. H.W. Attridge - R. A. Oden, Washington D.C. 1981

Photius, *Bibliotheca*, (1) I-II, ed. I. Bekker, Berlin 1824-5 (2) I-VIII, ed. trans. R. Henry, Paris 1959-1977 (IX = Indices by J. Schamp, Paris 1991)

Plutarch, *De Iside et Osiride*, ed. trans. J.G. Griffiths, Cambridge 1970

Porphyrius, *Vita Plotini*, ed. P. Henry - H.-R. Schwyzer in *Plotini Opera* I, Paris 1951.

——— *Fragmenta*, ed. A. Smith, Stuttgart-Leipzig 1993

Proclus, *Hymni*, ed. E. Vogt, Wiesbaden 1957

——— *In Cratylum*, ed. G. Pasquali, Leipzig 1908

——— *In Parmenidem*, ed. V. Cousin, Paris 1864

——— *In Rempublicam*, ed. W. Kroll, I-II, Leipzig 1899-1901

——— *In Timaeum*, I-III, ed. E. Diehl, Leipzig 1903-1906

——— *Theologia Platonica*, ed. trans. H.D. Saffrey - L.G. Westerink, Paris 1968-1997

Procopius of Caesarea, *De bello persico*, ed. J. Haury, rev. G. Wirth, Leipzig 1962

——— *Historia Arcana*, ed. J. Haury, rev. G. Wirth, Leipzig 1963

Procopius of Gaza, *Epistolae et Declamationes*, edd. A. Garzya - R.J. Loenertz, Ettal 1963

Sallustius, *De diis et mundo*, ed. trans. G. Rochefort, Paris 1960

Simplicius, *In Aristotelis Physicorum Libros Quattuor Priores Commentaria*, ed. H. Diels, *CAG* IX (1882)

Socrates Scholasticus, *Historia ecclesiastica*, ed. G.C. Hansen, Berlin 1995

Sophronius Hierosolymitanus, *Mirabilia*, ed. N.F. Marcos, Madrid 1975

Sozomenus, *Historia ecclesiastica*, edd. J. Bidez - G.C. Hansen, Berlin 1960[2]

Suda *Suidae Lexicon*, (1) I-II, ed. Aem. Portus, Geneva 1630 (2) ed. L. Küster, Paris 1700 (3) I-III, ed. Th. Gaisford, Oxford

1834 (4) I-II, ed. G. Bernhardy, Halle-Brunswick 1853 (5) I-V, ed. A. Adler, Leipzig 1928-38
Synesius, *Hymni*, ed. N. Terzaghi, Rome 1949
Theophanes, *Chronographia* I, ed. C. de Boor, Leipzig1883
Theosophorum Graecorum Fragmenta, ed. H. Erbse, Stuttgart-Leipzig 1995[2]
Zacharias Scholasticus (1) *De mundi opificio*, *PG* 85, 1011-1144 (2) *Ammonius*, ed. M. Minniti Colonna, Naples 1973
——— *Historia Ecclesiastica*, trans. K. Ahrens - G. Krüger, 1899
——— *Vita Severi*, ed. trans. M.A. Kugener, *Patrologia Orientalis* II (1904)
Zosimus, *Historia Nova* (1) ed. L. Mendelssohn, Leipzig 1887 (2) I-III, ed. trans. P. Paschoud, Paris 1971-1989

SECONDARY WORKS

Asmus R., 'Zur Rekonstruktion von Damascius' Leben des Isidorus', *BZ* 18 (1909) 424-480; *BZ* 19 (1910) 265-284
——— *Das Leben des Philosophen Isidoros*, Leipzig 1911
Athanassiadi P., 'Persecution and response in late paganism: the evidence of Damascius', *JHS* 113 (1993) 1-29
——— 'Dreams, theurgy and freelance divination: the testimony of Iamblichus', *JRS* 83 (1993) 115-130
——— 'The oecumenism of Iamblichus: latent knowledge and its awakening', *JRS* 85 (1995) 244-250
Bagnall R.S., *Egypt in late antiquity*, Princeton 1993
Baumgarten A.I., *The Phoenician History of Philo of Byblos: a Commentary*, Leiden 1981
Blockley R.C., *East Roman foreign policy: formation and conduct from Diocletian to Anastasius*, Leeds 1992
Bonneau D., *La crue du Nil, divinité égyptienne*, Paris 1964
Bowersock G.W., *Hellenism in Late Antiquity*, Ann Arbor 1990
Cameron Alan, 'Wandering poets: a literary movement in Byzantine Egypt', *Historia* 14 (1965) 470-509
——— 'The last days of the Academy at Athens', *Proceedings of*

the Cambridge Philological Society 195 (1969) 7-29
——— and Long J., *Barbarians and politics at the court of Arcadius*, 1993
Cameron Averil, *Agathias*, 1970
——— 'Agathias on the Sassanians', *DOP* 23-24 (1969-70) 67-183
Camp J., *The Athenian Agora*, Athens 1990
Christensen A., *L'Iran sous les Sassanides*, Copenhagen 1944[2]
Dzielska M., *Hypatia of Alexandria* (Engl. trans. F. Lyra) Cambridge Mass. 1995
Fahd T., *Le panthéon de l'Arabie centrale à la veille de l'Hégire*, Paris 1968
Frantz A., *The Athenian Agora: results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens XXIV: late antiquity A.D. 267-700*, Princeton 1988
Froidefond C., 'Etudes critiques sur le traité *Isis et Osiris* de Plutarque', *REG* 91 (1978) 340 - 357; *REG* 92 (1979) 99 - 112
Glucker J., *Antiochus and the Late Academy*, Göttingen 1978
Gregory T.E., *Vox Populi: popular opinion and violence in the religious controversies of the fifth century A.D.*, Columbus 1979
Heather P., *Goths and Romans 332 - 489*, Oxford 1991
Henry R., review of Zintzen's *Vita Isidori, RBPH* 46 (1968) 853-858
Lemerle P., Ὁ πρῶτος βυζαντινὸς οὑμανισμός (transl. M. Nystazopoulou-Pelekidou, revised by the author) Athens 1981[2]
Liebeschuetz J.H.W.G., 'Epigraphic evidence on the Christianisation of Syria' in J. Fitz, *Limes: Akten des XI. internationalen Limeskongresses*, Budapest 1977, 485-508
L'Orange H.P., 'Some remarks on late Greek portraiture especially regarding the "Iamblichos" type', *AAAH* 6 (1975) 59 - 63.
Marrou H.-I., *Histoire de l'éducation dans l'antiquité* Paris 1965[6]
Martindale J.R., *The Prosopography of the later Roman empire*, II A.D. 395-527, Cambridge 1980
Maspero J., 'Horapollon et la fin du paganisme égyptien', *BIFAO* 11 (1914) 163-195

Millar F., 'The Roman *Coloniae* of the Near East: a study of cultural relations', in Solin and M. Kajava, *Roman Eastern Policy and Other Essays in Roman History*, Helsinki 1990, 7-58

——— 'Il ruolo delle lingue semitiche nel vicino oriente tardo-romano (V-VI secolo)', *Mediterraneo Antico* 1 (1998) 71-94

Nock A.D., *Essays on Religion and the Ancient World* I-II, ed. Z. Stewart, Oxford 1972

Rémondon R., 'L'Egypte et la suprême resistance au christianisme (Ve -VIIe siècles)', *BIFAO* 51 (1952) 63-78

Robert L., *Hellenica* IV (1948)

Roueché C., *Aphrodisias in late antiquity*, London 1989

Schamp J., *Photios historien des lettres: la Bibliothèque et ses notices biographiques*, Paris 1987

Sironen E., 'Life and administration of late Roman Attica in the light of public inscriptions' in P. Castrén, *Post-Herulian Athens*, Helsinki 1994, 15-62.

Sourdel D., *Les cultes du Hauran à l'époque romaine*, Paris 1952

Stein E. -Palanque J.M., *Histoire du Bas-Empire*, Paris I (1959) II (1949)

Tardieu M., 'Sabiens coraniques et "sabiens" de Harran', *Journal asiatique* 274 (1986) 1-44

——— *Les paysages reliques: routes et haltes syriennes d' Isidore à Simplicius*, Louvain 1990

Teixidor J., *The pagan god: popular religion in the Greco-Roman Near East*, Princeton 1977

——— *The pantheon of Palmyra*, Leiden 1979

Zeller E. - R. Mondolfo, *La filosofia dei Greci nel suo sviluppo storico VI: Giamblico e la Scuola di Atene*, Florence 1961

Содержание

**МИР ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ.
Документы и материалы**

Выпуск 13:

**ДАМАСКИЙ.
Философская история (Жизнь Исидора)**

Учебное издание

Подписано в печать: 22.11.2019.
Набор и редакция: Н.Н. Болгов.

Над изданием работали:
Николай Николаевич Болгов
Марина Михайловна Синица